

Аз

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЭМИЛИО
САЛЬГАРИ

Черный Корсар
Королева карибов
Иоланда,
дочь Черного Корсара

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир приключений (Азбука-Аттикус)

Эмилио Сальгари

**Черный Корсар. Королева
карибов. Иоланда, дочь
Черного Корсара (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1898, 1901, 1905

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Сальгари Э.

Черный Корсар. Королева карибов. Иоланда, дочь Черного Корсара (сборник) / Э. Сальгари — «Азбука-Аттикус», 1898, 1901, 1905 — (Мир приключений (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-15131-4

Эмилио Сальгари (1862–1911) – один из мастеров приключенческого жанра, «итальянский Жюль Верн», его романами зачитываются миллионы людей во всем мире. Особой любовью у читателей пользуются романы о кавалере ди Вентимильи, прозванного собратями Черным Корсаром. Черный Корсар посвятил свою жизнь мести вероломному врагу, герцогу Ван Гульду, убившему его братьев. Он поклялся стереть с лица земли весь род предателя, но неожиданно рядом с герцогом он находит прекрасную женщину, которая завоевывает его сердце... И вот на одной чаше весов оказывается его нерушимая клятва, а на другой – любовь к женщине, без которой он не хочет жить. Каков будет его выбор? Сколько испытаний и головокружительных приключений придется ему и его верным друзьям пережить, сколько раз лишь чудом и отвагой избежать неминуемой гибели, прежде чем он сможет осуществить свои желания? Впервые в России три романа о Черном Корсаре публикуются в одном томе и сопровождаются полным комплектом иллюстраций замечательных художников Венцеслава Черны и Альберто делла Валле.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-15131-4

© Сальгари Э., 1898, 1901, 1905
© Азбука-Аттикус, 1898, 1901, 1905

Содержание

Черный Корсар	7
1	7
2	14
3	21
4	25
5	31
6	41
7	49
8	56
9	63
10	70
11	78
12	84
13	89
14	94
15	99
16	102
17	107
18	114
19	121
20	127
21	134
22	139
23	145
24	149
25	155
26	160
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Эмилио Сальгари
Черный Корсар. Королева карибов.
Иоланда, дочь Черного Корсара (сборник)

© Н. Верещагин, перевод, 2018

© Г. Смирнов (наследник), перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Черный Корсар

1

Флибустьеры с острова Тортуга

Ветер с моря донес чей-то сильный металлический голос, раскатившийся во тьме.

– Эй, на лодке! – угрожающе приказал он. – Суши весла, или я пущу вас ко дну!..

Небольшое суденышко с двумя гребцами на борту, с трудом разрезая чернильные валы, торопливо уходившее от черневшего на горизонте высокого берега, словно скрываясь от неведомой опасности, вдруг резко затормозило ход. Оба быстро подняли весла, разом вскочили на ноги и с беспокойством стали вглядываться в даль. Перед ними возник силуэт огромного судна.

Гребцам было лет под сорок каждому; густые, лохматые бороды, как видно не знавшие щетки или гребешка, придавали еще больше мужественности их и без того суровым энергичным лицам.

Их голову покрывали широкие войлочные шляпы со множеством дыр и потрепанными полями, а сильную грудь едва защищали рваные, полинявшие фланелевые рубахи с оторванными рукавами, перепоясанные столь же ветхими красными кушаками, за которыми были заткнуты по паре огромных тяжелых пистолетов, бывших тогда в ходу. Короткие штаны также зияли прорехами, а босые ноги были сплошь в грязи.

Оба человека, которых можно было бы принять за беглецов с каторги, будь она тогда на побережье Карибского моря, как позднее в Гвиане, беспокойно переглянулись при виде огромной тени, неясно видневшейся среди блеска звезд на темно-синем горизонте.

– Смотри, Кармо, – сказал тот, что казался моложе. – Смотри хорошенько, у тебя глаза острее. Дело идет о жизни или смерти.

– Это какой-то корабль. Он от нас на расстоянии не более одного кабельтова, и все-таки я не пойму, идет он с Тортуги или из испанских колоний.

– Неужели это друзья?.. Гм! Заплыть так далеко, под самые пушки бастионов, рискуя наткнуться на эскорт кораблей, сопровождающих какую-нибудь галеру, груженную золотом!..

– Как бы то ни было, Ван Штиллер, но они нас заметили и не дадут нам уйти. Попробуй мы смяться, они одним залпом картечи отправят нас обоих к дьяволу.

В это время в темноте вновь раздался все тот же мощный голос, далеко прокатившийся по волнам Великого залива:

– Есть кто живой?

– Дьявол... – пробормотал тот, которого звали Ван Штиллер.

Его товарищ влез на сиденье и что было мочи крикнул:

– Эй, какому наглецу хочется знать, куда мы держим путь?.. Если ему невтерпеж, пусть спустится к нам, мы ему все растолкуем с помощью пистолета.

Столь самодовольное заявление не вызвало, однако, гнева у человека, стоявшего на мостике. Напротив, он, казалось, обрадовался и крикнул в ответ:

– Вперед, смельчаки, вас ждут Береговые братья!

У гробцов в лодке вырвался крик радости.

– Береговые братья! – воскликнули они.

Тот же, которого звали Кармо, добавил:

– Да утонуть мне в этом море, если я не узнал этот голос!

– Кто ж это, по-твоему? – спросил его товарищ, опять взявшийся за весла и налегший на них с новой силой.

– Только один из всех храбрецов с Тортуги мог решиться заплыть под самые стены испанских фортов.

– Кто же это?

– Черный Корсар.

– Гром и молния!.. Он!.. Неужели он!..

– А мы-то какую весть везем этому славному моряку... – пробормотал Кармо со вздохом. – Весть о смерти...

– А ему, поди, хотелось вовремя прийти на помощь и вырвать несчастного из рук испанцев. Верно ведь, приятель?

– Да, Ван Штиллер.

– Это уже второй повешенный!..

– Да, второй. У него было два брата, и оба угодили на виселицу!..

– Он отомстит, Кармо.

– Я не сомневаюсь. И мы ему поможем. День, когда мы придушим трижды проклятого губернатора Маракáйбо, будет самым счастливым в моей жизни! Я загоню тогда оба эти изумруда, зашитые у меня в поясе, а тысячу пиастров, которые мне за них, пожалуй, дадут, прокучу с друзьями.

– Ну вот, доплыли!.. Говорил я тебе? Это корабль Черного Корсара!..

Корабль, до того почти неразличимый в быстро надвигавшихся сумерках, оказался теперь в полушвартове от маленькой лодки.

Это было одно из быстроходных судов, на которых пираты с Тортуги охотились за крупными испанскими галерами, вывозившими в Европу сокровища из Центральной Америки, Мексики и экваториальных районов.

Пиратским парусникам с высокими мачтами было достаточно самого легкого ветерка. Как у лучших кораблей того времени, у них был узкий киль, высокий нос, крутая корма, прекрасное вооружение.

Двенадцать пушек-каронад¹ торчали из бойниц, угрожая с правого и левого борта, два длинных крупнокалиберных орудия на верхнем полубаке готовы были смести картечью любого, кто оказался бы на палубе вражеского судна.

¹ Карона́да – короткое гладкоствольное орудие. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных, примечания переводчика.)

Пиратский корабль лег в дрейф, чтобы дать возможность лодке подойти. Однако при свете фонаря на носу были видны десять-двенадцать вооруженных человек, готовые открыть огонь при малейшей опасности.

Когда лодка подошла к борту парусника, оба моряка ухватились за канат, брошенный им вместе с веревочной лестницей. Закрепив лодку, они втащили в нее весла и с удивительной ловкостью взобрались на палубу.

Два пирата приставили им ружья к груди, в то время как третий осветил фонарем их лица.

– Кто вы такие? – спросил он у них.

– Черт побери!.. – воскликнул Кармо. – Здесь не узнают старых знакомых?..

– Акула меня сожри, если это не Кармо!.. – воскликнул человек с фонарем. – Так ты еще жив, а на Тортуге тебя считали погибшим!.. Еще один воскресший из мертвых! Ты ведь Ван Штиллер из Гамбурга, не так ли?

– Он самый! – прозвучал ответ.

– Выходит, ты ушел от веревки?

– Ну да! Смерти я пришелся не по вкусу и потому решил пожить еще годок-другой.

– А ваш капитан?

– Тише... – предостерег Кармо.

– Не бойся, говори. Он погиб?..

– Проклятые воробы!.. Чего вы раскаркались? – вдруг разнесся тот же металлический голос, что грозил морякам, когда они плыли на шлюпке.

– Гром и молния!.. Черный Корсар!.. – пробормотал с дрожью в голосе Ван Штиллер.

– Это мы, капитан, – громко ответил Кармо.

С капитанского мостика сошел человек и направился к ним, держа руку на пистолете.

Одет он был во все черное, с элегантностью, необычной для пиратов Мексиканского залива, которые довольствовались парой штанов и рубашкой и заботились больше об оружии, чем о своем внешнем виде.

На нем был богатый камзол из черного шелка, отороченный кружевом того же цвета, с отворотами из черной кожи, темные шелковые штаны, опоясанные широким кушаком с бахромой, и высокие сапоги, а на голове большая войлочная шляпа, с которой до самых плеч свисало черное перо.

Во всем облике этого человека было что-то мрачное. Его бледное, будто мраморное, лицо с короткой черной бородкой, слегка завитой и подстриженной под библейского пророка, резко выделялось на фоне воротника и широких полей шляпы. Однако черты лица его были прекрасны: правильный нос, небольшие красные, как коралл, губы, широкий лоб, прорезанный неглубокой морщиной, придававшей ему меланхолический вид. Его черные как уголь, красивого разреза глаза под длинными бровями сверкали иногда так, что приводили в трепет даже самых бесстрашных флибустьеров всего залива.

Его высокая, стройная фигура, величавая осанка, аристократические руки сразу выдавали в нем человека знатного происхождения, привыкшего повелевать.

С капитанского мостика сошел человек и направился к ним, держа руку на пистолете.

При его приближении моряки со шлюпки переглянулись с некоторым беспокойством, прошептав одновременно:

– Черный Корсар!

– Кто вы такие и откуда плывете? – спросил их Корсар, остановившись перед ними и не снимая правой руки с пистолета.

– Мы пираты с Тортуги, нас зовут Береговыми братьями, – ответил Кармо.

– А плывете?

– Из Маракайбо.

– Вы бежали от испанцев?

– Да, капитан.

– С кем вы ходили в море?

– С Красным Корсаром.

При этих словах Черный Корсар вздрогнул. Постояв минуту в молчании, он метнул на обоих пиратов взор, в котором сверкали молнии.

– С моим братом, – сказал он, и голос его дрогнул. Он схватил Кармо за руку и потащил его на корму.

Подойдя к капитанскому мостику, Корсар повернулся к человеку, застывшему там в ожидании, и приказал:

– Держитесь подальше от берега, сеньор Морган, оружия не складывать, фитили держать зажженными, обо всем подозрительном докладывать немедленно.

– Слушаюсь, капитан, – ответил человек на мостике. – Ни одно судно или шлюпка не подойдет к кораблю без вашего ведома.

Не выпуская руки Кармо, Черный Корсар спустился с ним вниз, вошел в небольшую, элегантно обставленную каюту. Хотя на пиратских кораблях после девяти вечера запрещалось зажигать свет, она была освещена лампой с позолоченным абажуром. Показав на стул, он кратко сказал:

– Теперь говори.

– Я к вашим услугам, капитан.

Однако капитан не стал задавать вопросы Кармо, а, скрестив руки на груди, принялся пристально его рассматривать.

Лицо Черного Корсара побледнело еще сильнее, приобретя почти мертвенный оттенок, грудь вздымалась от волнения.

Дважды он приоткрывал уста, словно собираясь что-то сказать, но так и не произнес ни слова, словно боясь задать вопрос, ответ на который, как он предчувствовал, будет ужасным.

Наконец, сделав над собой усилие, он глухо спросил:

– Его казнили?

– Кого?

– Моего брата по прозвищу Красный Корсар.

– Да, капитан, – ответил Кармо со вздохом. – Его казнили, так же как и другого вашего брата, Зеленого Корсара.

Хриплый крик, жуткий, душераздирающий, вырвался из уст капитана. Он прижал руку к сердцу, опустился на стул, надвинув шляпу на лицо. Так просидел он несколько минут, и моряк со шляпки слышал его рыдания.

Но вот Корсар вскочил, словно устыдившись своей слабости. Лицо его, утратившее прежнюю бледность, стало спокойным и ясным, но взор метал яростные молнии. Он дважды прошелся по каюте, прежде чем продолжать разговор, а потом сказал:

– Я боялся опоздать, но теперь мне остается только мстить. Его расстреляли?

– Повесили, сеньор.

– Ты уверен в этом?

– Я своими глазами видел это. На площади Гранады.

– Когда его повесили?

– Сегодня, после полудня.

- Как он встретил смерть?
- Как герой, сеньор. Красный Корсар не мог умереть иначе. Мало того...
- Продолжай.
- Когда ему затыгивали веревку на шею, у него еще хватило сил плюнуть в лицо губернатору.
- Этой собаке Ван Гульду?
- Да, герцогу Фламандскому.
- Опять он! И вечно он!.. Он что же, поклялся истребить мой род до последнего колена? Одного из моих братьев он предательски убил, двоих повесил!..
- Это были самые отважные пираты во всем заливе, сеньор, вот почему он их так ненавидел.
- Но мне остается еще мечь!.. – воскликнул флибустьер грозно. – Нет, я не умру, прежде чем не спущу шкуру с этого Ван Гульда и всех его близких! Я не успокоюсь, пока не сгорит город, которым он правит. Маракайбо, ты стал моим роком, но и я стану злым роком для тебя!.. Даже если мне придется обратиться ко всем флибустьерам Тортуги и всем буканьерам Гаити и Кубы, я все равно не оставлю камня на камне от тебя!.. Расскажи мне обо всем. Как вас схватили?
- Нас захватили врасплох, безоружных, капитан. Как известно, ваш брат направлялся в Маракайбо, чтобы отомстить за смерть Зеленого Корсара, ибо он, как и вы, поклялся стереть с лица земли фламандского герцога.
- Нас было восемьдесят отчаянных смельчаков, готовых сразиться с целой эскадрой.
- При входе в залив Маракайбо нас застиг ужасный ураган. Он вынес корабль на мель, а яростные волны разбили его вдребезги. Всего лишь немногие из нас с большим трудом выбрались на берег, и мы были в столь плачевном состоянии, что не смогли бы оказать ни малейшего сопротивления. К тому же у нас не было оружия.
- Ободряя отстающих, ваш брат осторожно повел отряд через болота, стараясь, чтобы испанцы не заметили нас и не организовали погоню.
- Мы надеялись найти надежное убежище в густых лесах, но нарвались на засаду. Триста испанцев во главе с самим Ван Гульдом напали на нас врасплох, окружили железным кольцом, перебили сопротивляющихся, а остальных увели в плен в Маракайбо.
- И мой брат оказался в их числе?
- Да, капитан. Хотя его оружием был один кинжал, он сражался как лев, предпочитая умереть на поле боя, чем попасть в руки врага, однако фламандец его узнал и приказал схватить живым.
- Избитых и оплеванных, приволокли нас в Маракайбо, где приговорили к повешению. Однако мне с моим другом Ван Штиллером повезло больше, чем другим. Вчера утром мы совершили побег.
- Из хижины одного индейца, у которого нашли пристанище, мы наблюдали казнь вашего брата и его храбрых корсаров, потом, вечером, с помощью одного африканца захватили лодку, решив пересечь Мексиканский залив и добраться до Тортуги. Вот и все, капитан.
- Итак, мой брат погиб!.. – сказал Корсар, и его спокойный голос был страшен.
- Я видел это, как вижу вас сейчас.
- И он, как видно, все еще висит на площади?
- Да! И провисит еще три дня.
- А потом его выбросят...
- Да, капитан.
- Корсар вскочил с места и подошел к флибустьеру.
- Ведом ли тебе страх?.. – спросил он странным голосом.
- Я не боюсь самого дьявола, капитан.

- Тебе не страшна смерть?
- Нет.
- Ты последуешь за мной?
- Куда?
- В Маракайбо.
- Когда?
- Этой ночью.
- Пойдем на штурм города?
- Нет, для этого у нас пока недостает сил, но Ван Гульд еще услышит обо мне. Сейчас я отправлюсь туда с тобой и с твоим товарищем.
- Одни? – спросил Кармо с удивлением.
- Да, одни.
- Но что вы задумали?
- Мне нужно тело моего брата.
- Смотрите, капитан, не угодите в их руки сами.
- Да знаешь ли ты, кто такой Черный Корсар?
- Гром и молния! Это самый храбрый из всех корсаров Тортуги.
- Тогда иди и подожди меня на мостике. Скажи, чтобы приготовили шлюпку.
- Не надо, капитан, у нас есть своя, это настоящая гоночная лодка.
- Отлично!

2

Отчаянная вылазка

Кармо бросился выполнять поручение, зная, что прославленный Корсар не любит медлить.

Он нашел Ван Штиллера недалеко от люка, где тот разговаривал с боцманом и флибустьерами, расспрашивавшими его об ужасном конце Красного Корсара и членов его команды. Моряки наперебой предлагали самые чудовищные планы мести испанцам, и прежде всего губернатору. Узнав, что приказано готовить шлюпку для возвращения на берег, откуда они чудом унесли ноги, гамбуржец не смог скрыть смущения и тревоги.

– Опять туда!.. – воскликнул он. – Да мы оставим там свою шкуру, Кармо.

– На этот раз мы будем не одни.

– Кто же поедет с нами?

– Черный Корсар.

– А, в таком случае я не боюсь. Значит, мы вернемся в Маракайбо.

– Да, дорогой мой, и мы с тобой будем героями, если доведем это дело до конца... Послушай, боцман, прикажи опустить в лодку три аркебузы, патроны, пару абордажных сабель и провиант. Никто не знает, что с нами может случиться.

– Все сделано, – ответил боцман. – Даже табак не забыт.

– Спасибо, друг. Ты боцман что надо.

– Вот он, – сказал в это время Ван Штиллер.

На мостике появился Корсар. На нем было все то же траурное одеяние, но сбоку торчала длинная шпага, а за поясом виднелась пара больших пистолетов и острый испанский кинжал, прозванный Господи Спаси. На руке у него был накинут широкий плащ того же цвета, что и платье.

Он подошел к человеку, стоявшему на капитанском мостике, сказал ему несколько слов, а затем бросил краткое приказание обоим флибустьерам:

– Поехали.

– Мы готовы, – ответил Кармо.

Все трое спустились в лодку, пришвартованную к корме и уже снаряженную оружием и провиантом. Накинув на себя плащ, Корсар сел на носу, а флибустьеры, взяв весла, с большим усердием стали совершать трудный маневр.

Корабль флибустьеров тут же погасил позиционные огни и, подняв паруса, поплыл за лодкой, не обгоняя ее. Помощник капитана, по всей вероятности, хотел проводить своего командира до берега, чтобы защитить в случае опасности.

Подперев голову рукой, Корсар возлежал на носу лодки. Он был молчалив, но его взгляд, острый, как у орла, внимательно ощупывал темный горизонт, как бы пытаясь разглядеть южно-американский берег, скрывавшийся во тьме.

Время от времени он поворачивал голову к кораблю, неотступно следовавшему за ним на расстоянии семи-восьми швартовых, потом снова устремлял свой взгляд на юг.

Ван Штиллер и Кармо тем временем работали не покладая рук, заставляя легкую лодку птицей нестись по черным волнам. Ни тот ни другой, казалось, ничуть не боялись вернуться на берег, населенный их заклятыми врагами, настолько они были уверены в храбрости доблестного Корсара, державшего в страхе все приморские города Мексиканского залива.

Внутренние воды в заливе Маракайбо были гладкими, как масло. Это позволило гребцам идти быстрее вперед, не особенно налегая на весла. Волнение здесь вообще случается редко, так как берега в этом месте, защищенном от высоких валов двумя мысами, невысоки, а подводные течения слабы.

Оба флибустьера гребли уже около часа, когда Черный Корсар резко вскочил на ноги, словно желая охватить взглядом весь горизонт.

К юго-востоку у самой воды ежеминутно мигал огонек, который невозможно было принять за звезду.

– Маракайбо, – сказал Корсар голосом, в котором слышался гнев.

– Да, – ответил Кармо, повернувшись в ту сторону.

– Сколько нам еще плыть?

– Около мили, капитан.

– Значит, к полуночи мы будем там?

– Да.

– Кто-нибудь ведет наблюдение с моря?

– Да. Таможенники.

– Надо их обойти.

– Мы знаем место, где можно спокойно высадиться и спрятать лодку в зарослях.

– Вперед!

– Одно слово, капитан.

– Говори.

– Было бы лучше, если бы ваш корабль дальше не шел за нами.

– Он уже лег на другой галс и будет ждать нас в открытом море, – ответил Корсар.

Постояв в задумчивости несколько минут, он продолжал:

– Правда ли, что здесь ходит испанская эскадра?

– Да, капитан, эскадра адмирала Толедо охраняет Маракайбо и Гибралтар².

– Ах, так они боятся? Но Олоне на Тортуге, а вдвоем мы его потопим. Еще немного терпения, и скоро Ван Гульд узнает, на что мы способны.

Он снова завернулся в плащ, надвинул шляпу на глаза и вернулся на свое место, ни на минуту не спуская глаз со светлой точки портового маяка.

Лодка двинулась дальше, но теперь ее нос не был больше устремлен в сторону входа в гавань, так как моряки хотели ускользнуть от таможенной охраны, которая не преминула бы остановить лодку и арестовать всех находившихся в ней.

Через полчаса отчетливо вырисовался берег залива, так как до него оставалось не более трех-четырёх швартовых. Берег отлого спускался в море, однако путь к нему преграждали заросли мангров – тропических растений, произрастающих преимущественно на отмелях и способствующих распространению vomito prieto – желтой лихорадки.

За ними виднелся густой лес, рассекавший звездное небо тяжелыми перистыми листьями огромных размеров.

Замедлив ход, Кармо и Ван Штиллер обернулись, чтобы посмотреть на берег. Они продвигались вперед с большой осторожностью, стараясь не делать шума и смотря по сторонам, словно опасаясь засады.

Черный Корсар, напротив, оставался недвижим. Он лишь положил рядом с собой три ружья и готов был встретить огнем тех, кто осмелился бы к ним приблизиться.

Было около полуночи, когда лодка причалила к берегу, пробив себе дорогу среди тростника и кривых коряг.

Корсар выпрямился во весь рост, окинул быстрым взглядом берег, легко соскочил на землю и закрепил лодку среди кустов.

– Оставьте ружья в лодке, – сказал он Ван Штиллеру и Кармо. – У вас есть пистолеты?

– Да, капитан, – ответил Ван Штиллер.

– Вы знаете, где мы находимся?

² Название, употребляемое Э. Сальгари для обозначения одной из испанских крепостей на берегу Карибского моря.

– В десяти-двенадцати милях от Маракайбо.
– Город за этим лесом?
– На краю этих огромных зарослей.
– Сможем ли мы попасть в него сегодня ночью?
– Это невозможно, капитан. Чаща здесь настолько густая, что мы вряд ли выберемся из нее раньше чем завтра к утру.

– Так нам что, придется выждать до завтрашнего вечера?
– Если вы не отважитесь появиться в Маракайбо днем, то лучше подождать.
– Идти в город днем было бы безрассудством, – сказал Корсар как бы про себя. – Будь тут со мной мой корабль, я бы на это решился, но «Молниеносный» плавает сейчас в Великом заливе.

Несколько минут он стоял молча, неподвижно, словно погруженный в глубокие раздумья.

– А тело моего брата мы застанем еще на виселице? – спросил он наконец.
– Три дня его не будут убирать с площади Гранады, – ответил Кармо.
– Тогда время еще не потеряно. У вас есть знакомые в Маракайбо?
– Да, африканец, который дал нам лодку и помог скрыться. Он живет на опушке леса в одинокой хижине.

– Он нас не выдаст?

– Ручаюсь за него.

– Тогда в дорогу!

Они взобрались на берег. Кармо пошел впереди, за ним двинулся Корсар, Ван Штиллер замыкал шествие. Все трое вошли в темную чащу. Они шли осторожно, напрягая слух и не снимая руки с пистолета. На каждом шагу могла быть засада.

Лес высился перед ними, словно свод мрачной пещеры. Стволы всевозможных форм и размеров возносили к небу огромные листья, совершенно скрывавшие звездное небо.

Вокруг свисали гирлянды лиан, которые переплетались самым причудливым образом, карабкались на пальмы и низвергались, обвивая стволы деревьев и сплетаясь на земле с огромными корнями, немало мешавшими продвижению вперед трех флибустьеров и заставлявшими их делать обходы или пускать в ход абордажные сабли, чтобы проложить себе путь. Бледные отблески каких-то огромных светящихся точек, время от времени отбрасывавших настоящие лучи света, мелькали то у самой почвы, то среди листвы окружавших стволов. Они внезапно гасли, затем снова загорались, освещая все вокруг светом несравненной красоты, напоминавшим сияние волшебного фонарика.

Это были огромные южноамериканские светляки, так называемые бродячие огни, испускавшие столь яркий свет, что при нем можно было прочесть мелкий шрифт на расстоянии нескольких шагов. С помощью трех-четырех таких светляков, помещенных в стеклянную банку, можно было бы осветить целую комнату. Среди них попадались и другие фосфоресцирующие насекомые, обитающие большими роями в лесах Гвианы и Эквадора, – так называемые *lampyris occidentalis*, или тропические светляки.

В глубоком молчании три флибустьера продолжали углубляться в чащу, не забывая о необходимых предосторожностях, так как, помимо людей, им приходилось еще страшиться обитателей джунглей: кровожадных ягуаров и ядовитых змей, особенно жарараки – опаснейшей змеи, которую трудно различить даже днем, ибо она обладает кожей цвета засохших листьев.

Они прошли уже мили две, как вдруг Кармо, лучше всех знавший эти места и потому все время шедший впереди, резко остановился и поспешно взвел курок одного из своих пистолетов.

– Что там – ягуар или человек? – спросил Корсар без малейшего страха.

– Может, ягуар, а может, и шпион, – ответил Кармо. – В этой стране ни за что нельзя поручиться.

– Где он прошел?

– Шагах в двадцати от меня.

Корсар наклонился к земле, внимательно прислушался, затаив дыхание. До него донесся легкий шорох листьев, однако он был настолько слаб, что только натренированный и острый слух мог его различить.

– Может, это зверь, – сказал он, выпрямляясь. – Ба!.. Мы ведь не робкого десятка. Сабли в руки – и за мной!

Зайдя за ствол огромного дерева, возвышавшегося среди пальм, он остановился в куще гигантских листьев и стал вглядываться в темноту.

Шороха сухих листьев не было больше слышно, однако до его слуха долетело металлическое позвякивание, и тут же раздался сухой щелчок, словно кто-то взвел курок.

– Стойте, – шепотом промолвил капитан, обернувшись к спутникам. – За нами кто-то следит и ждет подходящего момента, чтобы угостить нас пулей!

– Неужели нас заметили при высадке? – пробормотал с беспокойством Кармо. – У этих испанцев повсюду шпионы.

Держа в правой руке шпагу, а в левой – пистолет, Корсар старался раздвинуть листья, не производя шума. Внезапно Кармо и Ван Штиллер увидели, как он устремился вперед и набросился на какую-то человеческую фигуру, неожиданно возникшую в кустах.

Нападение Корсара было столь внезапным и стремительным, что человек, сидевший в засаде, полетел вверх тормашками от удара эфесом шпаги.

Кармо и Ван Штиллер стремительно бросились к незнакомцу; первый поспешил подхватить мушкет, который тот выпустил из рук, так и не успев разрядить его, второй, направив на него пистолет, приказал:

– Не двигаться, или я разmozжу тебе голову!

– Это один из наших врагов, – сказал, наклоняясь к нему, Корсар.

– Солдат проклятого Ван Гульда... – ответил Ван Штиллер. – Зачем ты здесь прятался, хотел бы я знать.

Испанец, оглушенный ударом шпаги Корсара, стал приходить в себя, пытаясь приподняться.

– Каррамба!³ – пробормотал он с дрожью в голосе. – Уж не угодил ли я в руки к дьяволу?

– Ты угадал, – сказал Кармо. – Вы ведь любите так называть нас, флибустьеров.

Испанец вздрогнул, и Кармо заметил это.

– Ничего пока не бойся! – засмеялся он. – Бояться будешь позже, когда мы попросим тебя сплясать фанданго с веревкой на шее. – Обернувшись к Корсару, молча разглядывавшему пленника, он спросил его: – Прикончим его из пистолета?

– Нет, – ответил капитан.

– Вздернем на дереве?

– Не надо.

– А вдруг он из тех, кто вешал Береговых братьев и Красного Корсара, мой капитан?

При этом напоминании грозная тень промелькнула в глазах Черного Корсара, но тут же исчезла.

– Я не желаю его смерти, – сказал он глухо. – Живой он нам будет полезней.

– Тогда свяжем его покрепче.

Флибустьеры сняли красные шерстяные кушаки и связали ими руки пленника, не посмевшего оказать сопротивление.

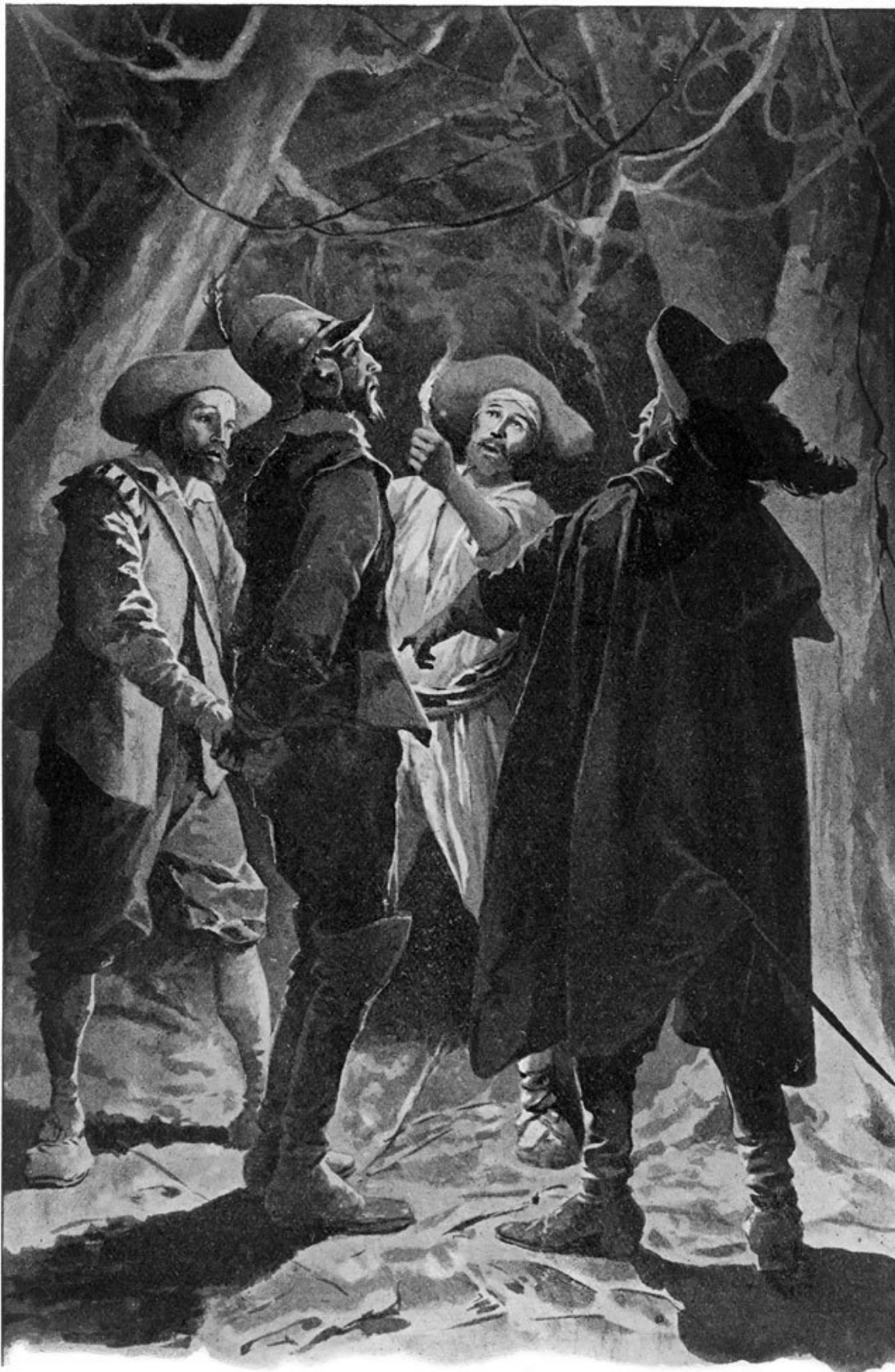
³ Испанское ругательство, равнозначное русскому «черт побери».

– Посмотрим теперь, кто ты такой, – сказал Кармо.

Он зажег кусок фитиля, оказавшийся у него в кармане, и поднес его к лицу испанца.

Несчастному, угодившему в руки прославленных корсаров с Тортуги, было лет тридцать. Высокий и худой, он походил на своего земляка Дон Кихота; рыжеватая бородка обрамляла его грубое лицо, глаза были расширены от ужаса. Его наряд состоял из желтой кожаной куртки с узорами, коротких широких штанов в черную и красную полосу и высоких сапог из темной кожи. Голову прикрывал стальной шлем со старым, основательно пощипанным пером, на поясе висела длинная шпага, вставленная в заржавевшие с обоих концов ножны.

– Клянусь дьяволом, которому я служу!.. – воскликнул со смехом Кармо. – Если у губернатора Маракайбо все такие молодцы, то, выходит, он не кормит их каплунами. Взгляните-ка, ведь он тощ, как селедка. Вздернуть его на сук будет легко.

Кармо зажег кусок фитиля, оказавшийся у него в кармане, и поднес его к лицу испанца.

– Я не велел его вешать, – повторил Корсар. Дотронувшись до пленника кончиком шпаги, он приказал: – А теперь говори, если шкура тебе дорога.

- Шкуру вы все равно с меня спустите, – ответил испанец. – Скажу я вам все, что вы хотите, или не скажу – живым от вас не уйти!
- А испанец не трус, – заметил Ван Штиллер.
- Своим ответом он заслужил пощаду, – добавил Корсар. – Ну, будешь ты говорить?
- Нет, – ответил пленник.
- Я обещал тебя пощадить.
- А кто вам поверит?
- Кто?.. Да знаешь ли ты, кто я такой?
- Флибустьер.
- Да, но зовут меня Черный Корсар.
- Пресвятая Богородица Гваделупская! – воскликнул испанец, посинев от страха. – Черный Корсар в этих местах!.. Вы явились, чтобы уничтожить всех нас и отомстить за вашего брата, Красного Корсара?
- Да, если ты не будешь говорить, – ответил мрачно флибустьер. – Я уничтожу вас всех, а от Маракайбо не оставлю камня на камне.
- Por todos santos!⁴ Черный Корсар здесь!.. – повторил пленник, не пришедший еще в себя от неожиданности.
- Говори!..
- Я погиб, и ничто меня не спасет.
- Да будет тебе известно: Черный Корсар – рыцарь и умеет держать слово, – торжественно сказал капитан.
- Тогда спрашивайте.

⁴ Ради всех святых! (исп.)

3

Пленник

По знаку капитана Ван Штиллер и Кармо подняли пленного и усадили его под деревом. Они не стали развязывать его, хотя были уверены, что он не настолько безумен, чтобы попытаться бежать.

Корсар уселся напротив испанца на огромное сплетение корней, напоминавшее клубок змей, а оба флибустьера стояли в зарослях на страже: могло статься, что пленник пришел не один.

– Отвечай мне, – проговорил Корсар после недолгого молчания. – Тело моего брата все еще висит на площади?..

– Да, – ответил пленник. – Губернатор велел не снимать его три дня и три ночи, а потом бросить в джунгли на съедение диким зверям.

– Как ты думаешь, можно его похитить?

– Наверное. Ведь ночью площадь Гранады охраняет только один часовой, правда повешенных там пятнадцать, но ведь они же не сбегут!

– Пятнадцать!.. – воскликнул мрачно Корсар. – Значит, Ван Гульд не пощадил никого?

– Никого.

– И он не боится мести флибустьеров с Тортуги?

– В Маракайбо хватает пушек и солдат.

Презрительная улыбка скривила губы гордого Корсара.

– Что пушки! Наши абордажные сабли стоят большего, вы это видели во время штурма Сан-Франциско-ди-Кампече, в Сан-Агостино во Флориде и в других местах.

– Верно, но в Маракайбо Ван Гульд чувствует себя в безопасности.

– Ах так!.. Посмотрим, как он заноеет, когда я сговорюсь с Олоне.

– С Олоне!.. – воскликнул, весь трепеща от ужаса, испанец.

Корсар, казалось, не обратил внимания на испуг пленного, так как продолжал другим тоном:

– Что ты делал в лесу?

– Охранял побережье.

– Один?

– Да, один.

– Испанцы боятся нашего нападения?..

– Опасаются, потому что в заливе замечен подозрительный корабль.

– Чей? Мой?

– Раз вы здесь, то это, должно быть, ваш корабль.

– И губернатор поспешил, наверное, укрепиться.

– Более того, он послал надежных людей в Гибралтар⁵, чтобы предупредить адмирала.

На этот раз настал черед капитану содрогнуться от мрачных предчувствий.

– О! – воскликнул он; его лицо стало еще бледнее. – Так, значит, мой корабль в большой опасности! Впрочем, когда корабли адмирала подойдут к Маракайбо, я уже буду на борту «Молниеносного».

Он резко поднялся, свистом подозвал флибустьеров, стоявших в зарослях на карауле, и кратко приказал:

– В путь!

⁵ Здесь: город в Венесуэле на берегу озера Маракайбо.

– А что делать с этим человеком? – спросил Кармо.

– Возьмем его с собой. Если он сбежит, вы ответите мне за него.

– Гром и молния! – воскликнул Ван Штиллер. – Я его буду держать за пояс, чтобы ему и в голову не пришло удариться в бега.

Они снова тронулись в путь, держась друг за другом. Кармо шел впереди, Ван Штиллер – сзади, стараясь ни на минуту не упускать из виду пленника.

Начало светать. Темнота быстро рассеивалась, прогоняемая розовым светом, разливавшимся по небу и проникавшим даже сквозь чащу гигантских деревьев.

Обезьяны, столь многочисленные в Южной Америке, особенно в Венесуэле, просыпаясь, наполняли джунгли странными криками.

На вершинах асай – грациозных пальм с тонким изящным стволом, в зеленой листве огромных эриодендронов, в зарослях сипосов – крупных лиан, выющихся по стволу деревьев или цепляющихся за воздушные корни ароидных кустарников, на ветках роскошных бромелий, усыпанных пунцовыми цветами, – всюду можно было заметить ловко скачущих обезьян всевозможных пород.

Тут расположилось небольшое стадо мико – самых мелких и вместе с тем самых ловких и умных обезьянок, настолько миниатюрных, что их можно спрятать в карман пиджака; там бродило стадо львиных игрунок – обезьян чуть побольше белки, украшенных прекрасной гривой, делающей их похожими на маленьких львов; чуть поодаль виднелась группа мон – самых тощих на свете обезьян с такими длинными лапами, что они похожи на огромных пауков; еще дальше – компания макак, страдающих манией опустошения и наводящих ужас на бедных плантаторов.

Не было недостатка и в пернатых, крики которых смешивались с воплями обезьян. Среди огромных листьев помпонассы, идущих на изготовление прекрасных легких шляп, в рощах ларансий, усеянных цветами с острым душистым запахом, на кварезмах, стройных пальмах с пурпурными цветками, во весь голос распевали маленькие лори – разновидность попугаев с головой темно-синего цвета, раскачивались ара – крупные красные попугаи, с утра до вечера с упорством, достойным лучшего применения, без конца повторяющие: «Ара, ара...» – стонали «плаксы», прозванные так за свой жалобный крик, напоминающий детский плач.

Путники не останавливались, чтобы полюбоваться цветами и птицами. Они шли быстро, отыскивали тропки, проложенные дикими зверями или местными жителями, стараясь поскорее выбраться из этого хаоса растительности и увидеть Маракайбо.

Корсар снова стал задумчив и мрачен, каким он был у себя на корабле или во время пирушек на Тортуге.

Завернувшись в широкий черный плащ, надвинув шляпу на глаза и не снимая левой руки с эфеса шпаги, хмурый, он шагал вслед за Кармо, не глядя ни на своих товарищей, ни на пленного, словно во всем мире был только он один.

Хорошо зная его привычки, флибустьеры остерегались задавать ему вопросы и отрывать его от размышлений. Самое большее, что они себе позволяли, – обменяться вполголоса между собой несколькими словами, чтобы посоветоваться, куда идти. Чем дальше углублялись они в заросли гигантских сипосов, высоченных пальм, якарáнды и массарандубы, тем больше они прибавляли шагу, то и дело вспугивая стаи пташек, называемых трохилидами или птицей-мухой и отличающихся красивым переливчато-синим оперением и огненно-красным клювом.

Они шли уже около двух часов, все больше ускоряя шаг, как вдруг Кармо, поколебавшись минуту и оглядев внимательно деревья и почву, остановился и показал Ван Штиллеру на заросли кустов кухейры – растения с кожистыми листьями, издающими неясные звуки, когда дует ветер.

– Это здесь, Ван Штиллер? – спросил он. – Мне кажется, я не ошибаюсь.

Почти в тот же миг из кустов донеслись нежные, мелодичные звуки. Казалось, кто-то играл на флейте.

- Что это? – спросил Корсар, внезапно подняв голову и откинув плащ.
- Это свирель Мбоко, – с улыбкой ответил Кармо.
- А кто такой Моко?
- Африканец, который помог нам бежать. Его хижина где-то здесь поблизости.
- А почему он играет?
- Видно, обучает своих питомцев.
- Он что, заклинатель змей?
- Да, капитан.
- Но его свирель может нас выдать.
- Я отберу ее, а змей пустим погулять в лесок.

Корсар сделал знак следовать дальше, но на всякий случай обнажил шпагу, словно опасаясь неприятного сюрприза.

Найдя едва заметную тропинку, Кармо стал пробираться сквозь кусты, но вдруг, остановившись, испустил вопль, в котором слышалось удивление, смешанное с отвращением.

Перед лачугой с плетеными стенами, с крышей, покрытой большими пальмовыми листьями и полускрытой ветвями кухейры – гигантского растения, дающего плоды, подобные тыкве, – сидел человек могучего телосложения. Это был один из лучших представителей африканской расы, ибо отличался высоким ростом, широкими и крепкими плечами, могучей грудью, мускулистыми руками и ногами, несомненно обладавший огромной силой.

Несмотря на мясистые губы, приплюснутый нос и выдающиеся скулы, его лицо не было некрасивым. В нем светилась доброта и детская наивность.

Сидя на бревне, он наигрывал на свирели, сделанной из тонкой бамбуковой тростинки. Он извлекал из нее долгие мягкие звуки удивительной нежности и красоты. А у его ног плавно извивались восемь или десять опаснейших пресмыкающихся.

Среди них было несколько жарарак – небольших змей табачного цвета со сплюснутой треугольной головой на тоненькой шее и настолько ядовитых, что индейцы называют их «проклятыми», несколько черных очковых змей, называемых также «ай-ай» и обладающих почти моментально действующим ядом, гремучие змеи, или змеи-колокольчики, несколько уругу – змей с крестовидными полосками на голове, чей укус вызывает паралич части тела, которой они коснулись.

Услыхав возглас Кармо, африканец поднял огромные, блестящие, будто фарфоровые, глаза, устремил их на флибустьера, а затем, отняв свирель ото рта, произнес с удивлением:

- Это вы?.. Опять здесь?.. А я-то думал, что вы далеко в заливе и испанцам вас не достать!
- Да, это мы, но... черт меня побери, если я сделаю хоть шаг в присутствии этих отвратительных гадов, которые тебя окружают.
- Мои зверюшки не причиняют вреда друзьям! – ответил негр со смехом. – Подожди минутку, белый кум, я их отправлю спать.

Он взял корзину, сплетенную из листьев, положил в нее присмиривших змей и аккуратно закрыл ее, привалив для надежности большим камнем.

- Теперь можешь без страха войти ко мне в хижину, белый кум, – сказал он. – Ты один?
- Нет, я привел с собой капитана моего корабля, брата Красного Корсара.
- Черного Корсара?.. Он здесь?.. Маракайбо содрогнется от страха!..
- Тише, добрый мой брат. Предоставь в наше распоряжение свою хижину, и ты об этом не пожалеешь.

В это время появился Корсар с пленным и Ван Штиллером. Он помахал рукой в знак приветствия африканцу, ожидавшему его возле хижины, а затем вошел в нее следом за Кармо.

- Так это и есть тот человек, который помог тебе бежать? – спросил он.

- Да, капитан.
- Он, наверное, ненавидит испанцев?
- Так же, как и мы.
- Он хорошо знает Маракайбо?
- Как мы – Тортугу.

Корсар обернулся, чтобы взглянуть на африканца. Восхищенный мощной мускулатурой этого сына Африки, он сказал как бы про себя:

- Вот человек, который может мне помочь.

Обведя взглядом хижину, он увидел в углу грубо сплетенный из веток стул. Сев на него, он снова погрузился в раздумье.

Тем временем хозяин хижины поспешил принести несколько лепешек из маниоки – муки, приготовляемой из некоторых ядовитейших корнеплодов, которые, однако, при измельчении и сушке теряют свои ядовитые свойства, плоды аноны мурикаты, похожие на зеленые шишки, содержащие под чешуйчатой кожурой нежнейший беловатый сок, и несколько дюжин каких-то душистых плодов золотистого цвета, очень приятных на вкус и питательных.

Ко всем этим яствам он добавил еще тыкву, наполненную «пульке» – своего рода брагой, изготовляемой из агавы.

Трое флибустьеров, у которых за всю ночь не было во рту и маковой росинки, отдали должное приготовленному завтраку. Пленнику тоже кое-что перепало. Затем они кое-как устроились на кучах свежих листьев, которые африканец принес в хижину, и спокойно заснули, будто ничто им не грозило.

Моко, которому белый кум поручил сторожить пленного, хорошенько его связал и встал на страже.

В течение всего дня никто из трех флибустьеров не пошевелил и пальцем, но, как только опустились сумерки, Корсар резко приподнялся.

- Он был бледнее обычного, а в черных глазах поблескивали огоньки.

Два или три раза он торопливо обошел хижину, затем, остановившись перед узником, сказал:

– Я обещал тебя не убивать, хотя имел полное право вздернуть тебя на первом же дереве в лесу; теперь ты должен мне сказать, как мне незаметно прокрасться во дворец к губернатору.

- Вы собираетесь его убить в отместку за Красного Корсара?

– Убить!.. – воскликнул гневно флибустьер. – Я боец, а не убийца, ибо я – рыцарь. Вызвать его на дуэль куда ни шло, а убивать исподтишка – это не по мне.

– Губернатор стар, а вы молоды, и вам не удастся войти к нему в спальню не замеченным множеством солдат, которые его охраняют.

- Я знаю, что он смел.

- Да, как лев.

- Ну тогда все в порядке, я надеюсь скоро с ним увидеться.

Обернувшись к флибустьерам, он сказал Ван Штиллеру:

- Ты останешься здесь охранять этого человека.

- Но с него достаточно африканца, капитан.

– Нет, африканец силен, как Геркулес, и он мне понадобится, чтобы нести тело моего брата. Пойдем, Кармо, выпьем по бутылочке испанского винца в Маракайбо.

- Тысяча акул!.. В такую-то темь, капитан!.. – воскликнул Кармо.

- А ты никак трусишь?

- Да с вами я готов хоть в преисподнюю, хоть к черту на рога, но боюсь, что вас схватят.

Насмешливая улыбка искривила тонкие губы Корсара.

- Посмотрим, – сказал он. – Идем же!

4

Дуэль

Маракайбо, население которого не превышало десяти тысяч душ, был в то время одним из наиболее важных городов, которыми Испания владела на побережье Карибского моря.

Расположенный в прекрасном месте, в южной оконечности залива Маракайбо, соединяющегося проливом с обширным озером того же названия, на много миль вдающимся вглубь континента, Маракайбо быстро превратился в важнейший центр вывоза ценного сырья из Венесуэлы.

Испанцы, постоянно боявшиеся неожиданных нападений бесстрашных флибустьеров с Тортуги, снабдили его мощными укреплениями, вооружили огромным числом пушек, а на двух островах, защищающих город с моря, разместили сильнейшие гарнизоны.

Высадившиеся на этих берегах искатели приключений построили себе прекрасные дома; там и сям виднелись дворцы, воздвигнутые архитекторами, прибывшими из Испании на поиски легкого заработка в Новом Свете. Особенно много было значных мест, где собирались богатые владельцы рудников и где в любое время года танцевали фанданго или болеро.

Когда Корсар в сопровождении своих верных товарищей – Кармо и африканца – беспрепятственно проник в Маракайбо, улицы города были еще оживленны, а в тавернах, где торговали заокеанскими винами, было полно народу, ибо испанцы не отказывались и в колониях пропустить стакан отличного вина из родной Малаги или Хереса.

Корсар замедлил шаг. Закутавшись в плащ, несмотря на летнюю жару, и гордо опираясь на эфес шпаги, он внимательно рассматривал из-под низко опущенной шляпы улицы и дома, словно хотел запечатлеть их в своей памяти.

Дойдя до площади Гранады, составлявшей центр города, отважный капитан остановился на углу улицы и прислонился к стене дома, словно почувствовал внезапную слабость.

Зрелище, представшее его глазам на площади, было так страшно, что и у самого смелого человека на свете невольно поползли бы мурашки по коже.

На пятнадцати виселицах, стоявших полукругом возле дворца, на котором развевался испанский флаг, висело пятнадцать человеческих тел.

Все повешенные были босы, в рваных одеждах, и лишь на одном был огненно-красный костюм и высокие морские сапоги.

Все пятнадцать виселиц кишмя кишели каракарами и грифамиурубубу – небольшими хищными птицами с черным оперением, несущими «санитарную службу» в городах Центральной Америки, которые, казалось, только и ждали, когда трупы несчастных начнут разлагаться, чтобы наброситься на них с остервенением.

Кармо приблизился к Корсару и горестно ему сказал:

– Вот наши товарищи.

– Да, – ответил глухо Корсар. – Они требуют отмщения, и скоро оно свершится.

С трудом оторвавшись от стены и склонив голову на грудь, словно стараясь скрыть ужасное волнение, исказившее его лицо, он быстро зашагал прочь, вошел в посаду – что-то вроде трактира, где обычно собираются полуночники, чтобы на свободе попить винца.

Найдя свободный столик, он рухнул на скамью, так и не подняв головы, в то время как Кармо загорланил:

– Бокал лучшего хереса, какой только найдется в этой дыре! Не вздумай, хозяин, напоить нас какой-нибудь дрянью, не то я оторву тебе уши!.. Морской воздух требует промочить глотку, и я способен опустошить весь твой погреб!..

Эти слова, произнесенные на чистом баскском диалекте, заставили слугу более чем поспешно принести бутылку отличного испанского вина.

Кармо наполнил три стакана, но Корсар настолько погрузился в свои мысли, что не подумал дотронуться до своего.

– Тысяча акул! – пробормотал Кармо, толкая африканца локтем. – Хозяин глядит мрачнее тучи, и я не хотел бы очутиться на месте испанцев. По правде говоря, только храбрец осмелится прийти сюда, а он, видать, совсем ничего не боится.

Кармо поглядел вокруг не без опаски, и его глаза встретились со взглядом пятерых или шестерых парней, вооруженных огромными складными ножами-навахами⁶, которые пристально его разглядывали.

– Сдается мне, что они нас слушают, – сказал он африканцу. – Кто это такие?

– Баски, что на службе у губернатора.

– Земляки под чужим флагом. Ба, если они думают, что запугают меня своими навахами, то они глубоко ошибаются!

Тогда парни, побросав сигары, которые они курили, и промочив горло несколькими стаканами малаги, стали переговариваться между собой так громко, что все слова отчетливо долетали до Кармо.

– Видали повешенных? – спросил один из них.

– Я и сегодня вечером ходил взглянуть на них, – ответил другой. – Как не полюбоваться на этих каналий!.. От одного из них того и гляди помрешь со смеху: у него язык висит чуть не до подбородка.

– Это у Красного Корсара? – спросил третий. – Ему сунули в рот сигару, чтобы сделать его посмешнее.

– А я хочу дать ему зонтик, чтобы завтра у него было чем укрываться от солнца. То-то повеселимся!

Громовой удар кулаком по столу, от которого задребезжали стаканы, прервал говорившего.

Не в силах сдержаться, Кармо еще до того, как Черный Корсар успел вмешаться, вскочил на ноги и со всего маху обрушил на соседний стол свой мощный кулак.

– *Rayos de dios!*⁷ – вскричал он. – Много ли надо, чтобы издеваться над павшими, куда как лучше посмеяться над живыми, мои дорогие caballeros!⁸

Пятеро собутыльников, пораженные внезапным взрывом ярости незнакомца, поспешно встали, держась рукой за свои навахы, затем один из них, несомненно самый смелый, спросил у него сердито:

– А вы-то кто будете?

– Добрый баск, почитающий мертвых, которому ничего не стоит пропороть брюхо живому.

При этих словах, показавшихся пустым бахвальством, пятеро парней громко рассмеялись, чем еще больше разъярили флибустьера.

– Ах так? – сказал Кармо, бледнея от гнева.

Бросив взгляд на неподвижно сидевшего Корсара, которого, казалось, ничуть не трогала ссора, Кармо с силой толкнул вопрошавшего и крикнул ему в лицо:

– Морской волк не пощадит сухопутного волчонка!..

Оскорбитель повалился на стол, но тут же вскочил на ноги, выхватил нож из-за пояса и мгновенно раскрыл его.

⁶ *Наваха* – большой складной испанский нож.

⁷ *Черт возьми!* (*исп.*)

⁸ *Кабальеро* (*исп.*).

Он готов был броситься на Кармо и разорвать его на куски, но тут африканец, до той поры оставшийся простым зрителем, бросился по знаку Корсара между противниками, угрожающе размахивая тяжелым стулом.

– Стой, или я разможжу тебе голову! – крикнул он вооруженному парню.

При виде чернокожего гиганта пятеро басков попятились назад, дабы не оказаться в пределах досягаемости стула, описывавшего угрожающие круги.

Пятнадцать-двадцать посетителей таверны, находившиеся в соседней комнате, сбежали на шум. Впереди всех оказался громадный мужчина, вооруженный шпагой. У него был поистине разбойничий вид: на ухо съехала шляпа, украшенная перьями, грудь прикрывал потрепанный кожаный панцирь из Кордовы.

– Что тут происходит? – грубо спросил он, вытаскивая шпагу жестом трагического актера.

– А то, мой дорогой кабальеро, – ответил Кармо, отвешивая шутовской поклон, – что вас совсем не касается.

– Ну как бы не так! – вскричал здоровяк. – Видать, вы не знаете, кто такой дон Гамара-и-Мира́нда, граф Бадайо́сский, камарчасский дворянин и виконт...

– ...преисподней, – добавил Черный Корсар, внезапно поднимаясь и пристально глядя на забияку. – Не так ли, кабальеро, граф, маркиз, герцог и тому подобное?

Дворянин из Гамары, а также владелец многих других поместий стал красным как рак, затем побледнел как смерть.

– Клянусь ведьмами преисподней! – выругался он хриплым голосом. – Вряд ли я удержусь от того, чтобы не отправить вас к праотцам, дабы этому псу Красному Корсару и его четырнадцати прохвостам, что болтаются на площади Гранады, не было так скучно.

На этот раз страшно побледнел Корсар. Мановением руки он удержал Кармо, готового кинуться к проходимцу, сбросил с себя плащ и шляпу и быстрым движением обнажил шпагу.

– Сам ты пес, – сказал он дрожащим от ярости голосом, – и не мне, а твоей ничтожной душонке придется отправиться развлекать повешенных на площади!

Жестом приказав освободить место, Корсар двинулся навстречу врагу. Уверенно и ловко став в позицию, он привел в замешательство авантюриста.

– Смелей, ваше сатанинское величество! – процедил Корсар сквозь зубы. – Смерти осталось немного вас ждать.

Проходимец стал в позицию, но внезапно выпрямился и сказал:

– Одну минуту, кабальеро. Когда скрещиваются шпаги, каждый имеет право знать имя своего противника.

– Я гораздо благороднее тебя – этого достаточно?

– Нет, я хочу знать ваше имя.

– Ну что ж, тем хуже для тебя, ибо с ним ты отправишься в тартарары.

Подойдя к нему, Корсар сказал ему на ухо несколько слов. Забияка вскрикнул не то от изумления, не то от ужаса. Он попятился назад, словно собираясь спрятаться за спиной у зрителей и поведать им ужасную тайну, но Черный Корсар стал быстро насаждать на него, заставив защищаться.

Посетители таверны образовали широкий круг вокруг сражающихся. Африканец и Кармо стояли в первых рядах, но, по всей видимости, не особенно беспокоились за исход битвы. Это особенно относилось к последнему, который знал, на что способен отважный Корсар.

Зарвавшийся забияка с первых же ударов почувствовал, что имеет дело с опытнейшим противником, решившим покончить с ним при первом же промахе. Пустив в ход все свое умение, он изо всех сил старался отразить сыпавшиеся на него удары.

Самозванный граф был неплохим фехтовальщиком. Благодаря своему высокому росту, крепкому телосложению, уверенной хватке и сильным рукам он мог долго сопротивляться, и было ясно, что его не так-то легко измотать.

Ловкий, подвижный Корсар, точно реагирующий на любое движение противника, не давал ему, однако, ни минуты покоя.

Шпага Корсара постоянно угрожала противнику, заставляя его то и дело уходить в защиту. Сверкающее острие мелькало повсюду: оно то с силой высекало искры из шпаги врага, то молниеносно устремлялось к его груди, вселяя в него ужас.

Спустя две минуты наш задира, несмотря на свою почти что геркулесову силу, начал пыхтеть и понемногу сдавать. Он уже не мог парировать все удары Корсара и потерял свою прежнюю самоуверенность. Он понимал, что его жизнь подвергается серьезной опасности и что ему, возможно, на самом деле придется составить компанию повешенным с площади Гранады.

Корсар же, казалось, только что обнажил свою шпагу. Он наседавал на противника с ловкостью ягуара, подавляя его своей растущей агрессивностью. Один лишь его взгляд, горевший мрачной яростью, выдавал состояние его души.

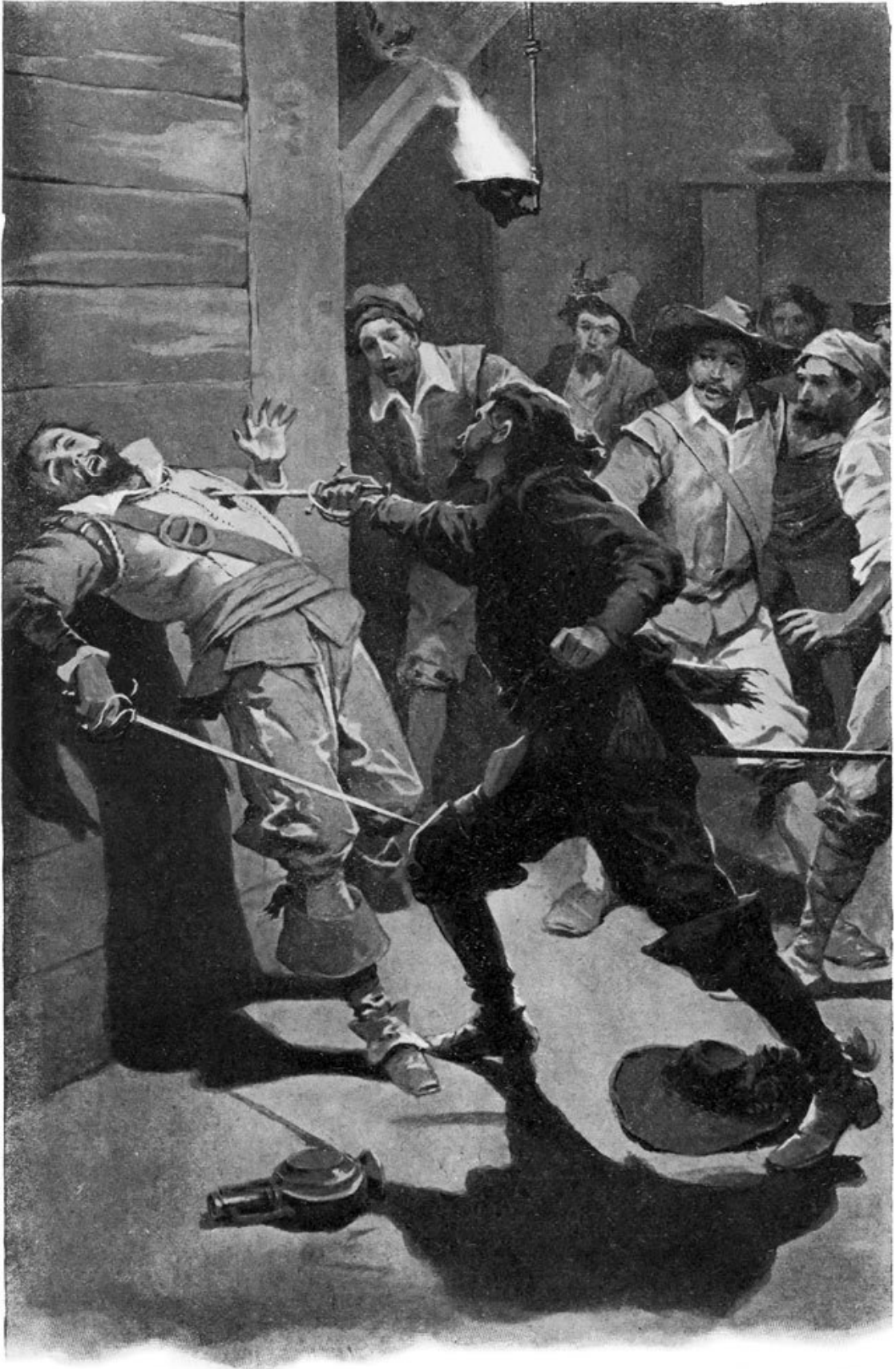
Корсар ни на минуту не спускал глаз с противника, словно стараясь заморозить его взглядом и сломить его силу. Зрители раздвигались все шире, пропуская зачинщика драки, который все дальше отступал, приближаясь к противоположной стене. Кармо, все время стоявший в правом ряду, начал уже посмеиваться, предвидя развязку этой ужасной дуэли.

Внезапно силач очутился прижатым к стене. Он страшно побледнел, крупные капли пота покрыли его лицо.

– Довольно!.. – прохрипел он измученным голосом.

– Нет, – ответил мрачно Корсар. – Моя тайна должна погибнуть вместе с тобой.

Тогда противник решился на отчаянную выходку. Сжавшись в комок, он внезапно бросился вперед, нанося налево и направо беспорядочные удары.

Шпага Корсара пронзила ему грудь, пригвоздив его к стенке...

Недвижный, как скала, Корсар отразил их с одинаковым хладнокровием.

– Ну а теперь я проткну тебя, – сказал он.

Понимая, что все пропало, проходимец вне себя от ужаса принялся кричать:

– На помощь!.. Это Чер...

Но слова замерли у него в глотке. Шпага Корсара пронзила ему грудь, пригвоздив его к стенке и оборвав незаконченную фразу.

Кровь хлынула у него из горла, залив кожаный панцирь, который не спас авантюриста от смерти. Страшно вытаращив глаза, он уставился на своего противника стеклянным взглядом, в котором не угас еще ужас, и тяжело рухнул наземь, сломав пополам клинок, удерживавший его у стены.

– Преставился, – сказал насмешливо Кармо.

Склонившись над трупом, он вырвал у него из рук шпагу и, протянув ее капитану, мрачно смотревшему на искателя приключений, сказал ему:

– Поскольку ваша сломалась, возьмите эту. Черт возьми!.. Это настоящая толедская сталь, уверяю вас, сеньор.

Не говоря ни слова, Корсар принял шпагу побежденного, взял свой плащ и шляпу, бросил на стол золотой дублон и вышел из таверны в сопровождении африканца и Кармо. Никто из посетителей таверны не двинулся с места.

5

Повешенный

Когда Корсар и оба его спутника прибыли на площадь Гранады, там было настолько темно, что невозможно было разглядеть человека на расстоянии двадцати шагов.

На площади царила глубокая тишина, нарушаемая лишь траурным криком нескольких уруб, несших свою вахту на виселицах пятнадцати повешенных. Не было слышно даже шагов часового, расхаживавшего перед дворцом губернатора, мрачно возвышавшимся перед виселицами.

Прижимаясь к стенам или прячась за стволами пальм, Корсар, Кармо и африканец медленно продвигались вперед. Прислушиваясь к каждому долетавшему до них звуку, они вглядывались в темноту и не выпускали оружия из рук, стараясь как можно незаметнее подобраться к казненным.

Время от времени, когда на обширной площади раздавался какой-нибудь подозрительный шум, они замирали в тени пальм или под навесом какой-нибудь двери, тревожно дожидаясь, когда на площади вновь воцарится тишина.

Они были уже в нескольких шагах от первой виселицы, на которой болтался какой-то полуобнаженный бедняк, раскачиваемый ночным ветром, как вдруг Корсар указал товарищам на чью-то тень, маячившую возле дворца губернатора.

– Тысяча акул! – пробормотал Кармо. – Часовой!.. Он испортит все дело.

– Да, но у Моко силенки еще не иссякли, – сказал африканец. – Я притащу вам этого солдата.

– И заработаешь пулю в живот, дружище.

Африканец ухмыльнулся, обнажив два ряда крепких, как из слоновой кости, острых зубов, и ответил:

– Моко хитер и умеет ползать не хуже змей, которых он дрессирует.

– Тогда иди, – сказал Корсар. – Прежде чем спорить, хочу посмотреть, на что ты способен.

– Вы не пожалейте, хозяин. Он дастся мне в руки не хуже кайманов, за которыми я охочусь в лагуне.

Сняв с пояса тонкий шнур из плетеной кожи, который оканчивался петлей и напоминал настоящее лассо, применяемое мексиканскими *vagueos*⁹ для отлова быков, он молча удалился без малейшего шума.

Корсар внимательно следил за ним из-за ствола пальмы, восхищаясь отвагой африканца, почти безоружным решившего пойти на хорошо вооруженного часового, который наверняка окажет ему сопротивление.

– Молодец! – сказал Кармо.

Корсар утвердительно кивнул, но не произнес ни слова. Он продолжал следить за африканцем, который змеей извивался по земле, медленно приближаясь к дворцу губернатора.

В это время солдат, дойдя до угла, повернул и пошел к главному входу. Он был вооружен алебардой и шпагой, болтавшейся сбоку.

Видя, что часовой повернулся к нему спиной, Моко пополз быстрее, не выпуская из рук лассо. Когда до солдата оставалось не более двенадцати шагов, он быстро вскочил на ноги, два или три раза взмахнул веревкой и затем уверенно пустил ее вперед. Послышался легкий свист, затем приглушенный крик, и солдат рухнул наземь, выпустив из рук алебарду и отчаянно болтая в воздухе руками и ногами.

⁹ Мексиканские пастухи (*исп.*).

Плотно заткнув часовому рот кушаком, Моко крепко связал его и взвалил себе на плечи. Через несколько секунд он был уже возле капитана.

– Вот, – сказал он Корсару, сваливая пленника к его ногам.

– Молодец, – похвалил Корсар. – Привяжи его к дереву и следуй за мной.

Африканец с помощью Кармо выполнил приказание, затем оба догнали Корсара, не спуская глаз с качавшихся на виселице.

Дойдя до середины площади, капитан остановился перед одним из казненных, одетым в красную куртку, у которого, словно в насмешку, изо рта торчал окурок сигары.

При виде его Корсар испустил крик ужаса.

– Проклятие! – воскликнул он. – Они не щадят даже мертвых...

Послышалось его глухое рыдание.

– Сеньор, – сказал Кармо взволнованно, – возьмите себя в руки.

Корсар указал ему на повешенного.

– Сию минуту, капитан, – ответил Кармо.

Зажав в зубах нож, африканец вскарабкался на виселицу. Одним взмахом перерезав веревку, он опустил тело на землю.

Кармо ждал его внизу. Флибустьер осторожно принял тело Красного Корсара и завернул в черный плащ, протянутый капитаном.

– Пошли, – сказал со вздохом Корсар. – Пусть теперь океан примет храбреца...

Африканец взял казненного на руки, прикрыл хорошенько плащом, затем все трое в тягостном молчании покинули площадь.

Дойдя до конца площади, Корсар оглянулся в последний раз на четырнадцать повешенных, чьи тела мрачно чернели в ночи, и грустно сказал:

– Прощайте, бесстрашные храбрецы, прощайте, друзья Красного Корсара! Скоро мы отомстим за вас... – Устремив горящий взор на дворец губернатора, возвышавшийся в глубине площади, он мрачно добавил: – Между мной и тобой, Ван Гульд, стоит смерть!..

Они пустились в путь, стараясь как можно скорее выбраться из Маракайбо и вернуться к себе на корабль. Их ничто больше не удерживало в этом городе, на улицах которого после ссоры в таверне они не чувствовали себя в безопасности.

Флибустьеры прошли уже три или четыре пустынных переулка, как вдруг Кармо, шедшему впереди, показалось, что в темной подворотне одного из домов кто-то прячется.

– Не торопитесь, – прошептал он, обращаясь к товарищам. – Если зрение меня не обманывает, то нас, кажется, кое-кто поджидает.

– Где? – спросил Корсар.

– Там, внизу.

– Быть может, те же пьянчуги из таверны?

– Тысяча акул! Неужели опять пятеро басков с навахами?

– Пятеро нам не страшны, и они еще пожалеют, что устроили нам засаду, – сказал Корсар, обнажая шпагу.

– Моя абордажная сабля живо притупит их навахи, – проговорил Кармо.

Трое мужчин, закутанные в широкие плащи с бахромой, вышли из подворотни и заняли проход справа, а двое других, до поры прятавшиеся за оставленной кем-то телегой, преградили путникам дорогу слева.

– Это баски, – произнес Кармо. – Я вижу, как блестят навахи у них на поясе.

– Займись-ка двумя слева, а я возьму на себя троих справа, – сказал Корсар. – А ты, Моко, не беспокойся о нас и ступай прочь со своей ношей. Дождись нас на опушке леса.

Пятеро басков сняли плащи и, сложив их вчетверо, набросили на левую руку. Затем каждый открыл нож, острый, как клинок шпаги.

– Ого! – сказал один из них, которого Кармо толкнул в таверне. – Видать, мы не ошиблись, это они и есть!

– Подите прочь! – закричал Корсар, шедший впереди своих товарищей.

– Не торопитесь, кабальеро, – сказал один из басков, выступая вперед.

– Чего тебе надо?

– Выяснить одну мелочь, которая не дает нам покоя.

– А именно?

– Мы хотели бы знать, кто вы такой, кабальеро.

– Человек, убивающий всех, кто встает у него на пути, – ответил Корсар, наступая на баска со шпагой в руках.

– Тогда я вам скажу, кабальеро, что вы имеете дело с людьми, не ведающими страха, и вам не удастся расправиться с нами, как с тем беднягой, которого вы пригвоздили к стене. Ваше имя и ваше звание, иначе вы не уйдете живым из Маракайбо! Мы находимся на службе у господина губернатора и хотим знать, что за люди разгуливают по улицам в столь поздний час!

– Вам не терпится узнать мое имя, так подойдите поближе, я вам его скажу, – сказал Корсар, живо становясь в позицию. – Те двое слева за тобой, Кармо.

Вытащив абордажную саблю, флибустьер перешел в решительное наступление на обоих противников, преграждавших путь с противоположной стороны.

Пятеро басков не двигались с места, ожидая нападения обоих флибустьеров. Они твердо стояли на слегка расставленных ногах, готовые к любым неожиданностям. Уперев левую руку в бок и зажав в правой рукоятку навахи, так что ее клинок прижимался указательным пальцем, баски выжидали подходящего момента, чтобы поразить противника насмерть.

Должно быть, это были так называемые дьестрос, или смельчаки, которым вряд ли были незнакомы такие прославленные удары, как *javeque* – позорящий противника удар по лицу, или ужасный *desjarretazo* – удар, которым разят противника сзади, под последнее ребро, перерубая ему позвоночник.

Видя, что баски не решаются перейти в наступление, Корсар обрушился на трех противников, стоявших перед ним. С молниеносной быстротой он наносил удары направо и налево, в то время как Кармо наседавал на двух других.

Но и те пятеро не растерялись. Необыкновенно подвижные, они отступали назад, отражая удары то широкими клинками своих ножей, то мягкими плащами, намотанными на левую руку.

Оба флибустьера стали действовать осторожнее, поняв, что имеют дело с опасными противниками.

Заметив, однако, что африканцу с ношей удалось проскользнуть мимо сражающихся и скрыться в потемках, они вновь яростно накинулись на врагов, торопясь покончить с ними еще до того, как какой-нибудь ночной дозор, привлеченный бряцанием оружия, не придет на помощь баскам.

Корсар, шпага которого была намного длиннее навахи, а искусство фехтования несравненно, находился в выгодном положении, в то время как Кармо приходилось все время быть настороже, ибо его сабля была коротка.

Все семеро сражались ожесточенно и молча. Противники наступали и отступали, отскакивая то вправо, то влево. Клинки высекали искры.

Заметив, что один из трех противников потерял равновесие и сделал неверный шаг, Корсар изловчился и нанес ему в приоткрытую грудь молниеносный удар.

Удар попал в цель, и солдат беззвучно повалился наземь.

– Один готов, – сказал Корсар, обращаясь к другим. – Скоро дойдет очередь и до вас!

Ничуть не испугавшись, оба баска спокойно стояли перед ним, не отступая ни на шаг. Неожиданно самый ловкий из них бросился к Корсару, пригибаясь к земле и выставив вперед

плащ, прикрывавший руку. Казалось, он хотел нанести удар снизу. Но тут он внезапно разогнулся и, наклонившись в сторону, попытался нанести смертельный удар – desjarretazo.

Корсар живо отпрыгнул в сторону и тут же устремился вперед, но, как назло, его шпага запуталась в плаще солдата.

Он собирался вернуться в прежнюю позицию, чтобы отразить удары, сыпавшиеся со стороны другого баска, но вдруг яростно вскричал. Клинок его шпаги сломался пополам, наткнувшись на руку солдата, собиравшегося разрубить его на куски.

Размахивая обрубком шпаги, Корсар отскочил назад.

– Ко мне, Кармо! – позвал он.

Флибустьер, которому все еще не удалось избавиться от своих двух противников, хотя он их и оттеснил до угла улицы, в три прыжка оказался рядом с капитаном.

– Тысяча акул! – вскричал он. – В веселенькое дело мы влипли!.. Нам крупно повезет, если мы избавимся от этих бешеных собак.

– Спустим-ка шкуру с этих двух негодяев, – ответил Корсар, поспешно хватаясь за пистолет, висевший у него на ремне.

Он уже собирался выстрелить в ближайшего из двух, как вдруг увидел, что над сгрудившимися вокруг них басками возникла чья-то гигантская тень.

В руках у человека, подоспевшего так вовремя, была огромная дубина.

– Моко! – воскликнули разом Корсар и Кармо.

Вместо ответа африканец замахнулся дубиной и так яростно принялся колотить противников, что в мгновение ока эти несчастные повалились на землю: кто с разбитой головой, кто с переломанными ребрами.

– Спасибо, кум!.. – вскричал Кармо. – Гром и молнии!.. Вот это удар так удар!..

– Бежим! – сказал Корсар. – Здесь нам нечего больше делать.

Пробужденные стоном раненых, жители улицы распахивали окна.

Отделавшись от пятерых забияк, оба флибустьера и африканец поспешно завернули за угол улицы.

– Где ты оставил брата? – спросил Корсар у африканца.

– Он уже за городом, – ответил тот.

– Спасибо тебе за помощь.

– Я подумал, что вам нужна будет подмога, и поспешил вернуться.

– Много народу на окраине?

– Я никого не встретил.

Они собирались было уже двинуться в путь, когда возвратился Кармо, вышедший на разведку в одну из боковых улиц, и сказал:

– Капитан, сюда идет патруль!..

– Откуда?

– Из этой улочки.

– Так пойдем по другой. Оружие в руки – и вперед, мои храбрецы!.. Возьми оружие убитого баска; когда нет ничего другого, сгодится и наваха.

– С вашего позволения, капитан, я предложу вам свою саблю, ведь мне не впервой управляться баскским ножом.

Храбрый моряк вручил Корсару свою саблю, затем, вернувшись назад, вытащил из рук одного из басков наваху – оружие, которым он владел отлично.

Патрульный отряд быстро к ним приближался. Быть может, солдаты слышали крики сражавшихся, скрежет оружия и теперь спешили на помощь.

Послав вперед Моко, флибустьеры бросились бежать вдоль улицы, но шагов через полтора сннова послышался мерный шаг патруля.

– Черт возьми! – воскликнул Кармо. – Похоже, что они возьмут нас в клещи.

Черный Корсар остановился, сжимая в руке короткую саблю флибустьера.

– Неужели нас предали?.. – пробормотал он.

– Капитан, – сказал африканец, – к нам приближаются восемь человек, вооруженные алебардами и мушкетами.

– Друзья! – воскликнул Корсар. – Нам ничего не остается, как биться до последнего дыхания.

– Скажите, что нам делать, и мы готовы, – решительно ответил флибустьер, и африканец поддержал его.

– Моко!

– Слушаю, хозяин!

– Доставь на корабль тело моего брата. Сможешь ты это сделать? Наша шлюпка спрятана на берегу залива, и ты уйдешь на ней вместе с Ван Штиллером.

– Хорошо, капитан.

– Мы сделаем все возможное, чтобы избавиться от наших врагов, но если нам не повезет, то Морган знает, что делать. Отвези тело на корабль и возвращайся сюда узнать, живы ли мы.

– Я не решаюсь оставить вас, хозяин: я силен и могу вам пригодиться.

– Для меня важнее всего, чтобы мой брат был погребен в море, как Зеленый Корсар. Ты окажешь мне более важную услугу, если отправишься на борт моего «Молниеносного», чем если останешься здесь.

– Я вернусь с подкреплением, сеньор.

– Морган подоспеет, я в этом уверен. Ступай. А вот и патруль.

Африканец не заставил просить себя дважды. Он бросился в боковую улочку, кончавшуюся глухой стеной, ограждавшей чей-то сад.

Убедившись, что африканец исчез, Корсар сказал флибустьеру:

– Приготовься напасть на солдат. Если внезапная атака принесет нам успех, может быть, мы сумеем выбраться за город и скрыться в лесу.

Оба флибустьера притаились на углу улицы. Второй патруль был не дальше чем в тридцати шагах. Первого же еще не было видно. Скорее всего, он где-то задержался.

– Будь наготове, – сказал Корсар.

– Я готов, – ответил флибустьер, прячась за углом дома.

Восемь алебардчиков замедлили шаг, словно опасаясь засады. Один из них, скорее всего командир, сказал:

– Осторожней, ребята! Эти негодяи, должно быть, где-то поблизости.

– Но нас ведь восемь, сеньор Эльвэс, – ответил один из солдат, – а хозяин таверны сказал нам, что флибустьеров всего только трое.

– Ах, негодяй! – пробормотал Кармо. – Он нас предал! Попадись он мне в руки, я ему продырявлю брюхо так, что из него вытечет все вино, выпитое за неделю.

Черный Корсар поднял саблю, готовясь ринуться на противника.

– Вперед!.. – крикнул он.

Оба флибустьера ринулись на патруль, только что собиравшийся завернуть за угол. С молниеносной быстротой они принялись наносить удары налево и направо.

Застигнутые врасплох, алебардчики разбежались в разные стороны.

А когда они пришли в себя, Корсар и его товарищ были уже далеко. Заметив, однако, что они имели дело всего лишь с двумя пиратами, солдаты бросились вслед за беглецами, крича что есть мочи:

Оба флибустьера ринулись на патруль, только что собиравшийся завернуть за угол.

– Держите их! Пираты! Пираты!..

Корсар и Кармо бежали изо всех сил, не отдавая себе отчета, где они находятся. Запутавшись в лабиринте улочек и петляя по ним, они никак не могли выбраться за город.

Жители, разбуженные криками патруля и встревоженные присутствием в городе отчаянных флибустьеров, наводивших страх на все испанские города Америки, пробудились и стали выглядывать наружу, с шумом распахивая окна и двери. Кое-где прогремели ружейные выстрелы.

Положение беглецов становилось все более отчаянным. Выстрелы и крики могли поднять тревогу в центре города и разбудить весь гарнизон.

– Гром и молния!.. – восклицал Кармо, напрягая последние силы. – Весь этот гогот напуганных гусей будет нам стоить шкуры... Если мы не сумеем выбраться в поле, нам не миновать крепкой веревки на шею!

Не сбавляя скорости, оба беглеца влетели наконец в какую-то улочку, которая кончалась, по-видимому, тупиком.

– Капитан! – вскричал Кармо, бежавший впереди. – Мы попали в ловушку. Из этой улицы нет выхода.

– Так, может быть, перелезем через забор?

– Вокруг только дома, и довольно высокие.

– Вернемся, Кармо, – преследователи еще далеко – и отыщем какой-нибудь другой путь, который выведет нас за город.

Корсар уже снова собирался продолжить бег, как вдруг внезапно переменяет решение:

– Нет, Кармо! Я думаю, что мы проведем их.

Корсар быстро направился к дому, замыкавшему выход на улицу. Это было скромное двухэтажное жилище, частично сложенное из бревен, частично из кирпича, с небольшой терраской наверху, украшенной цветочными горшками.

– Кармо, – сказал Корсар, – открой эту дверь.

– Мы укроемся в доме?

– Это лучшее, что можно сделать, чтобы сбить с толку преследователей.

– Отлично, капитан. Мы станем домовладельцами, не платя ни гроша за аренду.

Вставив острие навахи в щель между створками двери, Кармо с силой налег на нее. Защелка отскочила, и дверь распахнулась.

Оба флибустьера поспешили войти, захлопнув за собой дверь. В это время в начале улицы появились солдаты.

– Держите их! Держите их!.. – кричали они во все горло.

Шаря в потемках, оба флибустьера добрались до лестницы, по которой поднялись до второго этажа.

– Надо взглянуть, сколько здесь комнат, – сказал Кармо, – и кто в них живет. Ну и сюрприз ждет этих бедняг!

Вынув огниво и кусок пушечного фитиля, он высек огонь и раздул пламя.

– Смотрите-ка! Открыта дверь, – сказал Кармо.

– И кто-то храпит, – добавил Корсар.

– Это хорошая примета!.. Тот, кто спит, всегда мирно настроен.

Корсар тем временем распахнул дверь, стараясь не производить шума. Войдя в скромно обставленную комнату, он увидел постель, на которой кто-то спал.

Поднеся фитиль к свече, стоявшей на старом ящике, служившем, видимо, комодом, он зажег ее. Затем, подойдя к кровати, он решительно сдернул одеяло.

В кровати лежал человек. Это был лысый морщинистый старикан с дряблой кожей кирпичного цвета, козлиной бородкой и закрученными вверх усами. Он спал так сладко, что не заметил, что в комнате зажгли свет.

– Этот человек не доставит нам хлопот, – сказал Корсар.

Схватив его за руку, он грубо его тряхнул, тот, однако, не пробудился.

– Его хоть пушкой буди, он не проснется, – заметил Кармо.

Однако при третьем, гораздо более сильном толчке старик наконец приоткрыл глаза. Разглядев двух вооруженных людей, он мигом соскочил с кровати и сказал, испуганно тараща глаза:

– Я погиб!..

– Ну-ну, дружок! Умереть еще успеешь, – сказал Кармо. – Сейчас ты выглядишь куда живее, чем раньше.

– Кто вы такой? – спросил Корсар.

– Бедняк, не делавший никому вреда, – ответил старик, щелкая от страха зубами.

– Мы не причиним вам зла, если вы ответите на наши вопросы.

– Ваше превосходительство, значит, не грабитель?

– Я флибустьер с Тортуги.

– Фли... бус... тьер!.. Тогда я... погиб!

– Я же вам сказал, что никто вам не сделает вреда.

– Что же вам нужно от меня?

– Прежде всего узнать, один ли вы в доме.

– Один, сеньор.

– Кто живет по соседству?

– Благонамеренные люди.

– Чем вы занимаетесь?

– Я маленький человек.

– Такой маленький, что у него есть дом, в то время как у меня нет даже своей постели, – сказал Кармо. – Ах, старая лиса! Ты боишься за свои деньги?

– У меня нет денег, ваше превосходительство.

Кармо разразился хохотом:

– Из пирата я стал вашим превосходительством!.. Да это самый веселый старикан, каких я только видел на свете.

Старик покосился на него, однако сделал вид, что не обиделся.

– Короче, – сказал угрожающе Корсар, – чем вы занимаетесь в Маракайбо?

– Я бедный нотариус, сеньор.

– Хорошо. Да будет тебе известно, что мы остановимся в твоём доме, пока не представится случай отправиться дальше. Мы не причиним тебе зла, но не вздумай нас выдать. В этом случае твоя голова навсегда распрощается с телом. Понял?

– Но что вам от меня нужно? – недоумевал несчастный.

– Пока ничего. Оденься и не вздумай кричать, иначе мы приведем в исполнение свою угрозу.

Нотариус поспешил подчиниться, однако был так напуган и дрожал так сильно, что Кармо пришлось ему помочь.

– А теперь свяжи этого человека, – сказал Корсар. – Смотри, чтобы он не сбежал.

– Я отвечаю за него, как за себя, капитан. Я так свяжу его, что он не шелохнется.

Пока флибустьер опутывал старика веревками, Корсар открыл окно, выходявшее на улицу, чтобы посмотреть, что делалось снаружи.

Патруль, по-видимому, уже удалился, крики солдат стихли, однако разбуженные люди выглядывали еще из соседних окон, громко переговариваясь друг с другом.

– Слыхали? – орал какой-то толстяк, размахивавший длинной аркебузой. – Говорят, флибустьеры пытались напасть на город.

– Это невозможно, – отвечали другие.

– Я сам слышал, как кричали солдаты.

– Но их отбили.
– Полагаю, что так, ведь больше ничего не слышно.
– Хорошенькое дело!.. Врываться в город, который нашпигован солдатами!..
– Они наверняка пытались спасти Красного Корсара.
– А вместо этого наткнулись на повешенного.
– Вот так сюрприз для негодяев!..
– Надеюсь, солдаты найдут еще кандидатов на виселицу, – сказал владелец аркебузы, – благо в бревнах у нас недостатка нет. Спокойной ночи, друзья! До завтра!..
– Да, – пробормотал Корсар, – бревен вам хватит, но на наших кораблях достаточно ядер, чтобы разрушить Маракайбо. Я еще дам вам о себе знать.

Осторожно закрыв окно, он вернулся в комнату к нотариусу.

Кармо тем временем обшарил весь дом.

Он вспомнил, что накануне вечером им не удалось поужинать, поэтому, отыскав отлично зажаренную рыбу и утку, оставленных, скорее всего, беднягой-нотариусом на завтрак, поспешил предложить их капитану.

Пошарив в одном из шкафов, он нашел несколько сильно запыленных бутылок с этикетками лучших испанских вин – хереса, порто, аликанте, мадеры.

– Сеньор, – предложил Кармо приятнейшим голосом, обращаясь к корсару, – пока испанцы гоняются за нашими тенями, откушайте рыбы, этого отличного озерного линя, и попробуйте кусочек дикой утки. Кроме того, я нашел кое-какие бутылки, которые наш нотариус припас, видимо, для больших праздников. Нам же они вернут хорошее настроение. Видать, наш друг не прочь побаловаться заморскими винами!.. Посмотрите, что у него за вкус.

– Спасибо, – сказал Корсар, который, однако, снова впал в меланхолию.

Он почти не ел. К нему вернулись прежняя задумчивость и печаль, к которым пираты почти привыкли. Внезапно поднявшись, он принялся расхаживать по комнате.

Флибустьер же не только проглотил остатки снеди, но и опустошил еще несколько бутылок, что привело в крайнее отчаяние нотариуса, не перестававшего ныть при виде столь быстрого исчезновения вин, выписанных им за большие деньги с далекой родины. Придя, однако, в хорошее настроение, моряк сделался настолько любезен, что предложил нотариусу стаканчик, дабы вознаградить его за испытанный страх и огорчения.

– Гром и молния! – воскликнул он. – Кто бы мог подумать, что эта ночь пройдет так весело. Оказаться вначале между двух огней с риском окончить жизнь с веревкой на шее, а вместо этого пировать! Кто бы мог на это рассчитывать?

– Опасность, однако, мой друг, не миновала, – заметил Корсар. – Кто даст нам гарантию, что завтра испанцы, не обнаружив нас в городе, не нагрянут сюда? Здесь, конечно, неплохо, но я предпочел бы оказаться на борту моего «Молниеносного».

– С вами я ничего не боюсь, капитан. Вы один стоите сотни смельчаков!

– Разве ты забыл, что губернатор Маракайбо – старая лиса и что он пойдет на все, чтобы добраться до нас. Ведь между нами идет война не на жизнь, а на смерть.

– Никто не знает, что вы прячетесь здесь.

– Об этом нетрудно догадаться. К тому же ты забыл о басках. Я думаю, они поняли, что убийцей хвастливого графа был брат Красного и Зеленого Корсаров.

– Быть может, вы правы, сеньор... Как вы думаете, Морган пришлет нам подмогу?

– Мой помощник не такой человек, чтобы оставить своего командира в руках испанцев. Это такой храбрец, такая отчаянная голова, что я не удивлюсь, если ему взбредет в голову обрушить на город ядерный ураган.

– За такую выходку можно дорого поплатиться, сеньор.

– Да. Но сколько мы совершали таких дел и всегда или почти всегда выходили из положения!

– Это верно.

Корсар сел, потягивая вино из стакана, потом снова встал и направился к окну на лестничной площадке, из которого видна была вся улица. Простояв с полчаса, он внезапно вернулся в комнату и спросил Кармо:

– Ты уверен в чернокожем?

– Это надежный человек, капитан.

– Он не выдаст нас?

– Я готов поручиться за него головой.

– Он здесь.

– Вы его видели?

– Он бродит по улице.

– Надо позвать его, капитан.

– А что он сделал с телом моего брата? – спросил Корсар, нахмутив брови.

– Когда он будет здесь, мы его спросим.

– Позови его, но будь осторожен. Если тебя заметят, я не поручусь за нашу жизнь.

– Предоставьте это дело мне, сеньор, – ответил Кармо, улыбаясь. – Дайте мне только десять минут, чтобы превратиться в нотариуса.

6

Положение флибустьеров осложняется

Не прошло и десяти минут, как Кармо покинул дом нотариуса, чтобы отправиться на поиски африканца, замеченного Корсаром.

За этот малый срок храбрый флибустьер настолько изменил свой вид, что стал совершенно неузнаваем. В одну минуту он укоротил ножницами пышную бороду, подровнял спутанные волосы и натянул на себя испанский костюм, хранившийся нотариусом для торжественных выходов и пришедшийся ему в самый раз, так как оба были одного роста.

В этой одежде наводивший ужас морской волк мог вполне сойти за тихого и скромного буржуа из Гибралтара, если не за самого нотариуса. Будучи, однако, человеком осторожным, он спрятал в глубоких и удобных карманах пистолеты, не надеясь на маскарад.

В этом преобразенном виде Кармо вышел из дома, словно обычный мирный гражданин, отправившийся подышать утренним воздухом. Время от времени он поглядывал на небо, чтобы убедиться, что уже близкий рассвет скоро разгонит тьму.

Улочка была пустынна, но если капитан незадолго до этого заметил на ней африканца, то вряд ли тот мог уйти далеко.

– Где-нибудь я тебя разыщу, – пробормотал флибустьер. – Если мой дорогой кум решил вернуться, значит серьезные причины помешали ему оставить Маракайбо. Неужели этот проклятый Ван Гульд пронюхал, что Черный Корсар в городе? Злой рок толкает всех трех братьев в руки этого мерзкого старика... Но Бог нас не выдаст!.. Мы выберемся отсюда и еще отплатим ему – око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь.

Так, разговаривая с самим собой, флибустьер дошел до конца улицы и уже готовился было повернуть за угол, как вдруг какой-то солдат с аркебузой, притаившийся в подворотне, преградил ему путь.

– Стой! – крикнул он угрожающе.

– Проклятие! – пробормотал Кармо, запуская руку в карман и нащупывая один из пистолетов. – Неужели попался?.. – Скроив мину добропорядочного буржуа, он сказал: – Что вы хотите, сеньор солдат?

– Узнать, кто вы такой.

– Как!.. Вы меня не узнаете?.. Я нотариус из этого квартала, сеньор солдат.

– Извините, я недавно приехал в Маракайбо, сеньор нотариус. А куда вы идете, можно спросить?

– Один бедняк по соседству собирается отдать Богу душу, а уж когда речь идет о переселении на тот свет, можете мне поверить, без наследников дело не обходится.

– Это верно, сеньор нотариус. Будьте, однако, осторожны, не попадитесь в лапы флибустьерам.

– Бог ты мой! – воскликнул Кармо, притворившись испуганным. – Флибустьеры здесь? Как же эти каналы посмели высадиться в Маракайбо, городе почти неприступном и управляемом столь доблестным воином, каким является Ван Гульд?

– Неизвестно, как им удалось высадиться: ни в заливе Сого, ни вблизи островов не замечено пиратских кораблей. Но то, что они здесь, в этом никто уже больше не сомневается. Достаточно сказать, что они уже убили трех-четыре человека и даже посмели похитить тело Красного Корсара, повешенного напротив губернаторского дворца вместе со своим экипажем.

– Что за негодяи!.. И где же они теперь?

– Полагаю, что они скрылись за городом. Несколько отрядов посланы в разные места, и есть надежда, что их поймут и отправят поддержать компанию с остальными висельниками.

– А вдруг они спрятались в городе?..

– Вряд ли: кое-кто видел, как они бежали из города.

Кармо получил достаточно сведений и счел за лучшее уйти, дабы не упустить африканца.

– Как бы на них не натолкнуться, – сказал он. – Счастливо оставаться, сеньор солдат. Я пойду, а то как бы не прийти слишком поздно к моему умирающему клиенту.

– Желаю вам успеха, господин нотариус.

Хитрый флибустьер натянул шляпу на глаза и поспешно удалился, оглядываясь по сторонам, будто бы от страха, которого вовсе не испытывал.

– Ха-ха!.. – воскликнул он. – Так, значит, нас считают удравшими за город!.. Отлично, мои дорогие!.. Мы пока что мирно отдохнем в доме этого молодчаги-нотариуса, а там, когда солдаты вернутся, преспокойно исчезнем. Что за прекрасная мысль пришла в голову нашему командиру!.. Олоне, хвастающий, что он хитрее всех флибустьеров на Тортуге, вряд ли придумал бы что-нибудь похлеще.

Кармо свернул за угол и собирался было пойти по более широкой улице, окаймленной красивыми домами с изящными верандами, поддерживаемыми разноцветными столбами, как вдруг заметил гигантский темный силуэт под пальмой возле небольшого домика.

– Если не ошибаюсь, это мой кум, – пробормотал флибустьер. – На этот раз нам необыкновенно повезло, но ведь известно, что нам помогает сам дьявол, – так, по крайней мере, говорят испанцы.

При виде Кармо человек, прятаясь за стволом пальмы, попытался перебраться в подворотню, полагая, видимо, что он наткнулся на солдата. Но, не чувствуя себя в безопасности и там, он быстро шмыгнул за угол дома, собираясь исчезнуть в одном из многих переулков города.

Флибустьер едва успел убедиться, что это был действительно африканец.

В несколько прыжков он очутился у домика и, повернув за угол, крикнул вполголоса:

– Эй, кум!.. Кум!..

Африканец сразу же остановился, затем, немного поколебавшись, вернулся назад. Узнав Кармо, несмотря на то что тот был облачен в костюм испанского обывателя, он не смог удержаться от радостных восклицаний:

– Это ты, белый кум!..

– У тебя отличное зрение, дорогой, – ответил флибустьер, смеясь.

– А где капитан?

– Не думай пока о нем, он в надежном месте – и баста. Почему ты вернулся? Капитан велел тебе отвезти тело на корабль.

– Я не смог этого сделать, кум. Весь лес кишит солдатами.

– Они заметили нашу высадку?

– Боюсь, что да, белый кум.

– А где ты спрятал тело Красного Корсара?

– В своей хижине, под толстым слоем свежих листьев.

– А его не найдут испанцы?

– Я выпустил на свободу всех своих змей. Если солдаты захотят войти в хижину, они наткнутся на змей и удерут.

– А ты хитер, дружище.

– Стараюсь как могу.

– Так, по-твоему, пока улизнуть отсюда невозможно?

– Я же сказал, что в лесу полно солдат.

– Дело плохо. Морган, помощник капитана, который остался на «Молниеносном», может совершить в наше отсутствие какой-нибудь необдуманный поступок... – пробормотал флибустьер. – Послушай, кум, тебя хорошо знают в Маракайбо?

– Все меня знают, я ведь часто торгую травами, от которых исцеляются раны.

– Тебя ни в чем не подозревают?

– Нет, кум.

– Тогда за мной. Пойдем к капитану.

– Одну минутку, кум.

– В чем дело?

– Я привел с собой и вашего товарища.

– Кого?.. Ван Штиллера?

– Да, он мог оказаться в плену, и я подумал, что ему лучше быть здесь, чем охранять хижину в лесу.

– А пленник?

– Мы его связали так крепко, что найдем его снова, если за это время его не освободят солдаты.

– Где же Ван Штиллер?

– Подожди минуту, кум.

Прижав ладони ко рту, африканец издал легкий свист, который вполне можно было принять за звуки, издаваемые вампиром: так называется здесь одна из крупных летучих мышей, столь распространенных в Южной Америке.

Секунду спустя какой-то человек, перевалив через забор соседнего сада, чуть не свалился Кармо на голову.

– Рад тебя видеть живым, дорогой друг! – воскликнул он.

– А я еще больше, дружище Ван Штиллер, – ответил Кармо.

– Как ты думаешь, капитан не будет ругаться, что я пришел сюда? Зная, что вы в опасности, я не мог прохладиться в лесу, созерцая красоты флоры и фауны.

– Командир будет доволен, мой дорогой. Сейчас каждый человек на счету, не говоря о таких, как ты.

– Пошли, друзья, – отозвался Ван Штиллер.

Начало светать. Звезды быстро бледнели, ибо в этих местах нет рассвета, или зари в привычном для нас смысле: за ночью сразу же следует день. Солнце появляется совсем неожиданно и силой своих лучей разгоняет тьму, исчезающую почти мгновенно.

Жители Маракайбо, любившие рано вставать, просыпались. То тут, то там открывались окна, на улицу высывались чьи-то головы, слышались звучные чихания и громкие позевывания, кое-где завязывался оживленный разговор.

Они обсуждали, конечно, события ночи: ведь флибустьеры наводили страх на обитателей всех испанских колоний, разбросанных на огромных пространствах Мексиканского залива.

Желая избежать ненужных встреч, Кармо прибавлял шаг. За ним, не отставая, следовали африканец и Ван Штиллер.

Дойдя до переулка, они снова столкнулись с солдатом, ходившим взад и вперед с алебардой на плече.

– Как? Вы уже вернулись, сеньор нотариус? – спросил он, заметив Кармо.

– Что вы хотите, мой друг, – ответил флибустьер, – мой клиент торопился оставить эту долину слез и не заставил нас долго ждать.

– Уж не он ли оставил вам в наследство этого великолепного чернокожего? – спросил солдат, указывая на заклинателя змей. – Каррамба! За такого великана дадут тысячу пиастров!

– Да, он мне его подарил. Всего доброго, сеньор солдат.

Они поспешно свернули за угол, вошли в переулок и вскоре очутились в доме нотариуса. Закрыв дверь, они завалили ее чем попало.

Черный Корсар ждал их внизу, не в силах скрыть сжигающего его нетерпения.

– В чем дело? – спросил он. – Почему Моко вернулся? Где тело моего брата?.. И ты здесь, Ван Штиллер?

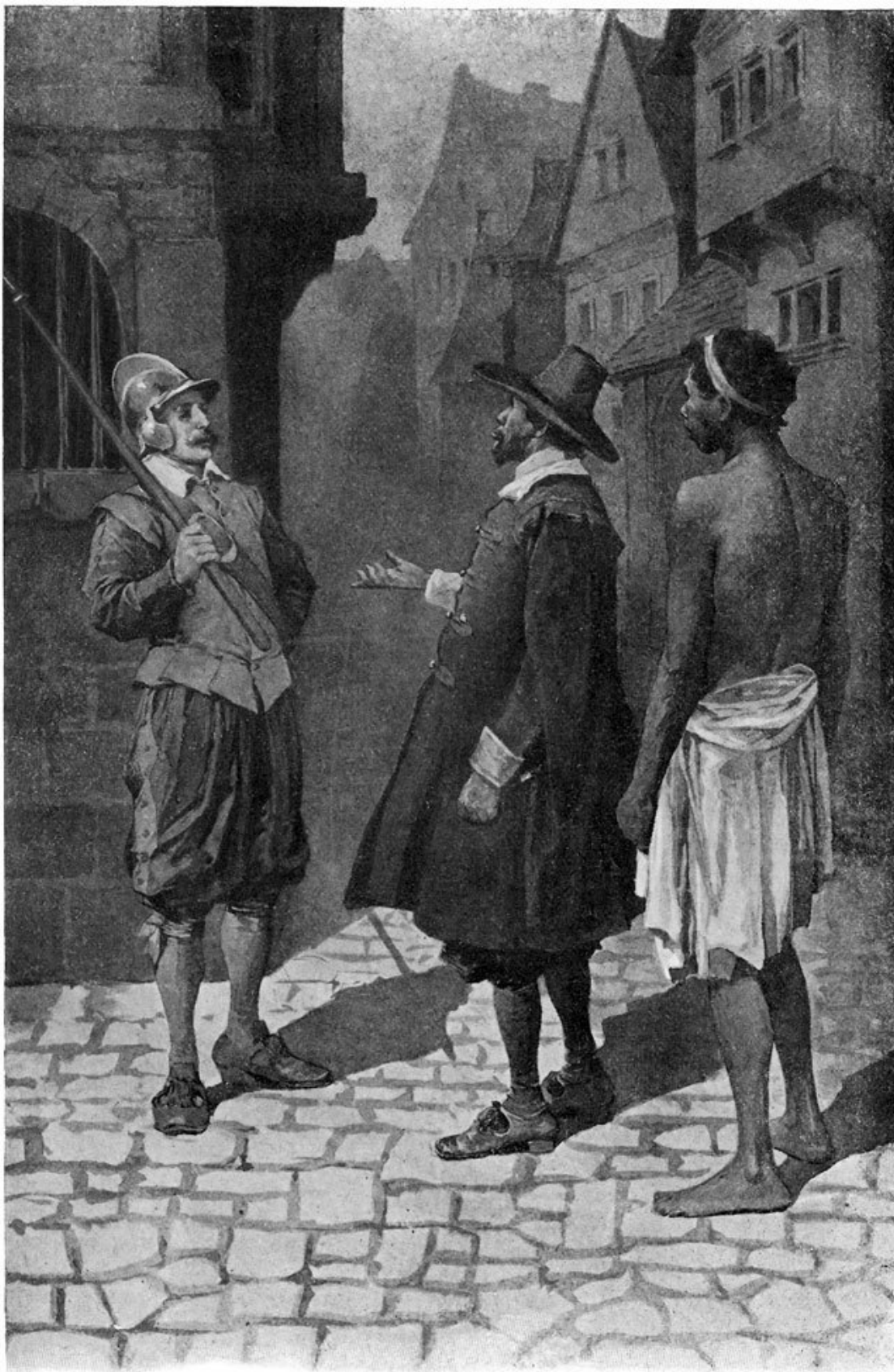
В немногих словах Кармо рассказал ему о причинах, заставивших африканца вернуться в Маракайбо, о решении Ван Штиллера прийти им на помощь и о том, что он выведал у солдата, караулившего выход с улицы.

– Принесенные тобой новости не радуют, – сказал капитан, обращаясь к африканцу. – Если испанцы прочесывают побережье и лес, то вряд ли мы сможем добраться до «Молниеносного». Но дело не в нас, а в корабле, на который того и гляди нападет эскадра адмирала Толедо.

– Гром и молния!.. – вскричал Кармо. – Не хватало нам только этого!..

– Боюсь, что наши похождения кончатся плохо, – пробормотал Ван Штиллер. – Но, черт возьми, мы и так должны были бы болтаться на веревке уже два дня! Будем же радоваться, что живем лишних сорок восемь часов.

Черный Корсар принялся расхаживать по комнате вокруг ящика, служившего им столом. Капитан был взволнован и озабочен. Время от времени он останавливался, круто поворачивался к флибустьерам, затем снова принимался шагать, покачивая головой.

Дойдя до переулка, они снова столкнулись с солдатом, ходившим взад и вперед с алебардой на плече.

Внезапно Корсар подошел к нотариусу, лежавшему неподвижно на кровати, и, сурово глядя на него, спросил:

– Ты хорошо знаешь окрестности Маракайбо?

– Да, ваше превосходительство, – ответил бедняга дрожащим голосом.

– Мог бы ты незаметно вывести нас из города в надежное место?

– Как это сделать, сеньор?.. Едва мы выйдем из дома, как нас с вами узнают и схватят.

Потом меня обвинят, что я пытался спасти флибустьеров. А губернатор, с которым шутки плохи, прикажет меня повесить.

– Ах!.. Вечно все боятся Ван Гульда, – процедил Корсар сквозь зубы, бросив на нотариуса испепеляющий взгляд. – Да, губернатор суров и безжалостен, он умеет заставить всех трепетать от страха... Нет, не всех! Когда-нибудь и он затрепещет и своей жизнью заплатит за смерть моих братьев!..

– Вы хотите убить губернатора? – недоверчиво спросил нотариус.

– Молчи, старик, если тебе дорога шкура! – пригрозил Кармо.

Корсар, казалось, не слышал ни слова. Выйдя из комнаты, он подошел к окну коридора, из которого, как уже говорилось, можно было обозреть всю улицу.

– В хорошенькую переделку мы попали, – сказал Ван Штиллер, обращаясь к африканцу. – А у нашего кума нет ли в черепке какой-нибудь идеи, как нам выбраться из этого невеселого положения?.. В доме нотариуса я как-то не чувствую себя в безопасности.

– Кое-какая есть, – ответил африканец.

– Так выкладывай же ее поскорее, кум, – сказал Кармо. – Если твоя идея осуществима, я тебя расцелую, хотя я в жизни не целовал ни черных, ни желтых, ни красных.

– Для этого надо дождаться вечера.

– Мы пока не торопимся.

– Переоденьтесь в испанские одежды и спокойно уходите из города.

– А я, по-твоему, разве не переодет нотариусом?

– Этого недостаточно.

– Чего же еще надо?

– Хороший костюм мушкетера или алебардщика. Если вы выйдете из города в гражданском платье, солдаты, рыскающие в окрестностях, не замедлят вас схватить.

– Гром и молния!.. Блестящая идея!.. – воскликнул Кармо. – Ты прав, мой милый кум!.. Если мы будем одеты солдатами, никому и в голову не взбрдет, особенно ночью, останавливать нас и спрашивать, куда мы идем и кто мы такие. Все подумают, что это патруль, и мы спокойно сможем выбраться из города и отыскать нашу лодку.

– А где взять одежду? – спросил Ван Штиллер.

– Где?.. Отправить на тот свет парочку солдат и снять с них форму, – решительно сказал Кармо. – Ты же сам знаешь, что у нас дела быстро спорятся.

– Нужды нет подвергать себя риску, – сказал африканец. – Меня все знают в городе, ни в чем не подозревают, и я спокойно могу купить одежду и оружие.

– Милый мой кум, ты замечательный человек, дай я тебя расцелую по-братски!

С этими словами флибустьер раскрыл объятия, собираясь прижать к себе африканца, но не успел. Снаружи раздался громкий удар, эхом прокатившийся по лестнице.

– Гром и молния! – воскликнул Кармо. – Стучат!..

В этот момент вошел Корсар.

– Наверное, к вам, нотариус, – сказал он.

– Может быть, кто-то из моих клиентов, сеньор, – ответил со вздохом пленник. – Один из тех, кто дал бы мне неплохо заработать, а я...

– Кончай! – оборвал его Кармо. – Надоел, старый хрыч!

Второй удар, еще сильнее первого, потряс дверь.

– Откройте, сеньор нотариус!.. – кричал незнакомец. – Нельзя терять ни минуты!

– Кармо, – сказал Корсар, принявший быстрое решение, – если ему не открыть дверь, то могут подумать, что со стариком приключилось несчастье, и предупредят квартального алькальда.

– Что делать, капитан?

– Открыть, покрепче связать и присоединить к нотариусу.

Он не закончил еще говорить, как Кармо в сопровождении черного великана уже спустился по лестнице.

После третьего удара, от которого дверь затрещала, Кармо поспешил открыть.

– Что за спешка, сеньор? – спросил он незнакомца.

Молодой человек лет восемнадцати-двадцати, богато одетый и вооруженный маленьким кинжалом, висевшим у пояса, поспешно вошел в дом.

– Разве можно заставлять ждать людей, у которых нет времени! – вскричал он. – Карр...

При виде Кармо и африканца он в изумлении остановился, затем попытался отступить назад, но дверь быстро захлопнулась за ним.

– Кто вы такие? – спросил он.

– Слуги господина нотариуса, – ответил Кармо, отвешивая шутовской поклон.

– А!.. – воскликнул юноша. – Дон Турилло так разбогател, что может позволить себе иметь сразу двух слуг?..

– Да, он получил наследство от дяди, умершего в Перу, – сказал, усмехаясь, флибустьер.

– Немедленно отведите меня к нему! Его же предупредили, что я сегодня сочетаюсь браком с сеньоритой Кармен де Васконсэллос. Сколько можно ждать...

Но тут юноша чуть не поперхнулся. Тяжелая черная рука опустилась ему на плечо, а потом схватила его за горло. Полузадушенный молодой человек упал на колени.

– Тихо, тихо, кум, – остановил его Кармо. – Еще немного, и ты его вовсе придушишь. Клиенты нотариуса нуждаются в более деликатном обращении.

– Не бойся, белый кум, – ответил заклинатель змей.

Юноша был настолько напуган внезапным нападением, что не оказал ни малейшего сопротивления. Его перенесли наверх в комнату, разоружили, крепко связали и уложили рядом с нотариусом.

– Все в порядке, капитан, – сказал Кармо.

Одобрив кивком действия моряка, Корсар приблизился к юноше, смотревшему на него испуганными глазами, и спросил:

– Кто вы такой?

– Это один из моих лучших клиентов, сеньор, – вставил нотариус. – Этот замечательный юноша позволил бы мне заработать сегодня по крайней мере...

– Да замолчите вы! – сухо прервал его Корсар.

– Нотариус стал настоящим попугаем! – воскликнул Кармо. – Если дело и дальше так пойдет, придется отрезать ему кончик языка.

Красивый юноша повернулся к корсару и, посмотрев на него с некоторым изумлением, ответил:

– Я сын дона Алонсо де Конксевия, судьи из Маракайбо. Надеюсь, теперь вы объясните причину моего похищения.

– Вам ни к чему ее знать. Но если вы будете вести себя тихо, вам не сделают ничего дурного, и завтра, если все будет в порядке, вас отпустят домой.

– Завтра!.. – вскричал в горестном изумлении юноша. – Имейте в виду, сеньор, что сегодня я должен обручиться с дочерью капитана Васконселлоса.

– Вы обручитесь завтра.

– Берегитесь!.. Мой отец – друг губернатора, и вы можете дорого поплатиться за ваше наглое вмешательство в мои дела. Здесь, в Маракайбо, достаточно пушек и солдат.

Гневная усмешка исказила рот морского волка.

– Я их не боюсь, – сказал он. – У меня самого есть люди посмелее тех, что охраняют Маракайбо, пушек у меня тоже достаточно.

– Но кто вы такой?

– Вам это знать не обязательно.

С этими словами Корсар резко повернулся и пошел к своему наблюдательному посту у окна. Кармо и африканец тем временем перерыли весь дом снизу доверху в поисках чего-нибудь подходящего на завтрак, а Ван Штиллер устроился поудобнее возле обоих пленников, дабы пресечь любую попытку к бегству.

Оба кума, черный и белый, обшарив все жилище, нашли наконец копченую ветчину и какой-то весьма острый сыр, который, по уверению весельчака-флибустьера, должен был привести всех в хорошее настроение и придать больше пикантности их трапезе.

Едва успели сообщить Корсару, что завтрак готов, и открыть несколько бутылок портвейна, как вдруг снова раздался стук в дверь.

– Кто бы это мог быть? – спросил Кармо. – Еще один клиент, который жаждет составить компанию нотариусу?..

– Сходи посмотри, – сказал Корсар, уже присевший к импровизированному столу.

Моряк не заставил повторять приказ дважды и, выглянув в окно из-за спущенных жалюзи, увидел у дверей какого-то пожилого мужчину, казавшегося слугой или привратником из трибунала.

– Черт возьми! – пробормотал он. – Наверное, он пришел за юношей. Таинственное исчезновение жениха, видать, обеспокоило невесту и приглашенных. Гм!.. Дело начинает запутываться!..

Слуга тем временем, не получая ответа, продолжал изо всех сил барабанить в дверь. Он поднял такой шум, что привлек внимание всех жильцов из соседних домов.

Ничего не оставалось делать, как открыть дверь и схватить и этого явившегося некстати гостя, иначе жильцы, заподозрив недоброе, могли взломать дверь или позвать на помощь солдат.

Кармо и африканец поспешили поэтому сойти вниз, чтобы открыть дверь. Но едва ново-явленный слуга или привратник очутился в коридоре, как тут же, во избежание шума, был схвачен за горло, связан и перенесен наверх в комнату, где составил компанию своему незадачливому хозяину и не менее несчастному нотариусу.

– Дьявол их побори! – воскликнул Кармо. – Если дело будет так продолжаться, то мы затащим к себе все население Маракайбо!

7

Поединок

Вопреки предсказанию Кармо, завтрак прошел невесело и настроение не улучшилось, хотя ветчина оказалась отличной и сыр острым.

Дело принимало дурной оборот из-за проклятого молодого человека и его свадьбы. Его таинственное исчезновение вместе со слугой не могло не всполошить родственников, и с минуты на минуту надо было ожидать новых посещений слуг, друзей или, что еще хуже, солдат, судей, а то и алыгвасила.

Корсар и его спутники обсудили создавшееся положение, но решение все не приходило. Бежать в данный момент было абсолютно невозможно. Пиратов наверняка бы узнали, схватили и повесили, как бедного Красного Корсара и его несчастных товарищей. Надо было дожидаться ночи, но кто мог поручиться, что родственники молодого человека оставят их в покое.

Трое флибустьеров, обычно не уступавшие в ловкости и находчивости своим товарищам с Тортуги, были на этот раз в полной растерянности.

Кармо предложил переодеться в одежду пленников и идти напролом, но тут же убедился в невозможности осуществить свой план, так как костюм юноши не налез бы не только на него, но и ни на кого другого. К тому же такое предприятие могло бы оказаться слишком рискованным в городе, где повсюду рыскали солдаты. Африканец, напротив, вернулся к старой идее и предложил отправиться в город, чтобы приобрести мундиры мушкетеров или алебардчиков. Но и это предложение было пока отвергнуто, поскольку для его успешного осуществления надо было дожидаться наступления ночи.

Пока они ломали голову в поисках подходящего выхода из создавшегося положения, с минуты на минуту становившегося все более запутанным и опасным, в дверь опять кто-то постучал.

На сей раз это был какой-то кастильский дворянин, вооруженный шпагой и кортиком, – возможно, кто-то из родственников юноши или его невесты.

– Гром и молния! – воскликнул Кармо. – В этот проклятый дом скоро выстроится целая очередь!.. Сначала явился юнец, затем слуга, теперь какой-то дворянин... А там, глядишь, появятся отец, родственники, друзья и так далее. Дело кончится тем, что свадьбу придется праздновать здесь.

Видя, что никто не торопится открывать, кастилец удвоил силу ударов. Он беспрерывно колотил тяжелым молотком в дверь, обнаруживая все свое нетерпение. Он явно был решительнее юноши и слуги.

– Сходи, Кармо! – приказал Корсар.

– Боюсь, капитан, что этого голыми руками не возьмешь. Нам попался крепкий орешек, и, уверяю вас, его сразу не раскусишь.

– Я пойду с тобой, ты ведь знаешь, что у меня крепкие руки.

Увидев в углу шпагу, хранившуюся у нотариуса в качестве семейной реликвии, капитан попробовал ее гибкость и повесил себе на пояс.

«Толедская сталь, – подумал он про себя. – Берегись, кастилец».

Кармо и африканец открыли тем временем дверь, грозившую рухнуть от следовавших один за другим яростных ударов молотка, и дворянин, держась рукой за шпагу, ворвался внутрь.

– Вас пушкой будить, что ли? – спросил он раздраженно, меча вокруг яростные взгляды.

Вновь явившийся был статным мужчиной лет сорока, крепкого телосложения, мужественный и высокомерный. Черные глаза и столь же черная густая борода придавали ему весьма грозный вид.

На нем был элегантный испанский костюм из темного шелка и кожаные сапоги из желтой кожи, со шпорами и отворотами, украшенными зубчиками.

– Извините, сеньор, что мы замешкались, – ответил Кармо, потешно раскланиваясь перед ним, – но мы были очень заняты.

– Чем это? – спросил кастилец.

– Лечением сеньора нотариуса.

– Неужели он заболел?

– Его мучит свирепая лихорадка, сеньор.

– Зови меня графом, мошенник.

– Извините, господин граф, я не имел чести быть с вами знаком.

– Убирайтесь к дьяволу!.. Где мой племянник?.. Вот уже два часа, как он торчит у вас.

– Мы никого не видели.

– Ты шутишь со мной!.. Где нотариус?..

– В постели, сеньор.

– Немедленно отведите меня к нему!

Стараясь заманить графа подальше в коридор, прежде чем напустить на него африканца с его могучей мускулатурой, Кармо повел кастильца за собой, но, подойдя к лестнице, внезапно обернулся и крикнул:

– Хватай его, кум!..

Африканец бросился к графу, но тот был настороже и, обладая ловкостью настоящего моряка, одним махом перескочил на три ступеньки выше, резко оттолкнул Кармо и, решительно обнажив шпагу, воскликнул:

– Ах, мошенник!.. Что все это значит?.. Я вам уши оторву!..

– Если вам угодно знать, что означает это нападение, то я вам объясню, сеньор, – раздался голос капитана.

На площадке неожиданно появился со шпагой в руках Черный Корсар и начал спускаться по лестнице.

Кастилец обернулся к нему, не спуская, однако, глаз с Кармо и африканца, отступивших вглубь коридора для охраны двери. Первый вооружился длинной навахой, второй – палкой, столь грозным в его руках оружием.

– Кто вы такой, сеньор? – спросил кастилец, не обнаруживая и признаков страха. – Судя по одежде, вы дворянин, но не все золото, что блестит, и я не удивлюсь, если вы окажетесь бандитом.

– За эти слова вы можете дорого поплатиться, мой дорогой, – ответил Корсар.

– Посмотрим!

– Вы смелый человек, сеньор, тем лучше. Я бы советовал вам, однако, отдать шпагу и сдаться.

– Кому?

– Мне.

– Бандиту, устраивающему засаду для расправы над благородными людьми?

– Нет, кавалеру Эмилио ди Рокканеру, кавалеру ди Вентимильи.

– Как, вы дворянин?! Могу я в таком случае знать, почему кавалер ди Вентимилья подослал своих слуг, чтобы убить меня?

– Вам это показалось, сеньор. Никто не собирался вас убивать. Вас хотели разоружить, подержать в плену несколько дней, и больше ничего.

– А с какой стати, позвольте узнать?

– Дабы вы не могли предупредить власти в Маракайбо, что здесь нахожусь я, – ответил Корсар.

– Быть может, господин Вентимилья не в ладу с властями Маракайбо?

– Просто они, а вернее, Ван Гульд не питает ко мне особой любви, и ваш губернатор был бы очень счастлив заполучить меня в свои руки, как я его – в свои.

– Не понимаю вас, сеньор, – сказал кастилец.

– Это не имеет отношения к вам. Итак, согласны ли вы сдаться?

– О!.. Неужели вы думаете, что человек, вооруженный шпагой, сдастся не защищаясь?

– Тогда я вынужден буду вас убить. Я не могу позволить вам уйти: это означало бы поставить под удар себя и своих товарищей.

– Но кто же вы такие, наконец?

– Вы, наверное, уже догадались: мы флибустьеры с Тортуги... Сеньор, защищайтесь! Я не собираюсь отпускать вас живым!

– Охотно верю, ибо вас трое.

– Не беспокойтесь о них, – сказал Корсар, кивая на Кармо и африканца. – Когда их командир сражается, они не имеют привычки вмешиваться.

– В таком случае надеюсь скоро с вами справиться. Вы ведь еще не знаете, какова рука у графа Лёрмы.

– Так же как вы не знаете, какова она у господина Вентимильи. Защищайтесь, граф!..

– Одно слово, если позволите. Что вы сделали с моим племянником и его слугой?

– Они мои пленники вместе с нотариусом, но за них не беспокойтесь. Завтра они будут на свободе, и ваш племянник сможет обручиться со своей невестой.

– Спасибо, сеньор.

Черный Корсар отвесил легкий поклон, затем, быстро сбежав с лестницы, напал на кастильца так стремительно, что тот был вынужден отступить на два шага.

В течение нескольких минут в тесном коридоре только и слышно было, как свистят шпаги. Прислонившись к двери, Кармо и африканец безмолвно следили за дуэлью. Скрестив руки на груди, они едва поспевали глазами за молниеносным сверканием шпаг.

Кастилец сражался отлично, как настоящий бретёр¹⁰. Он хладнокровно парировал удары и уверенно делал выпады, однако вскоре убедился, что имеет дело с одним из самых грозных противников, обладавшим железными мускулами.

После первых ударов Черный Корсар обрел свое обычное спокойствие. Он редко переходил в наступление, уходя в глухую защиту, словно хотел прежде утомить противника и посмотреть, на что тот способен. Крепко стоя на сухопарых ногах, он держался прямо, поддерживая равновесие левой рукой. Казалось, что для него этот поединок – обычная забава.

Безуспешно кастилец пытался прижать его к лестнице, втайне надеясь, что тот споткнется и упадет. Несмотря на град обрушившихся на него ударов, Корсар ни на шаг не сдвинулся с места. Он словно не обращал внимания на жужжание клинков и с изумительной быстротой отражал удары, не покидая своей позиции.

Вдруг он сделал глубокий выпад. Выбить шпагу из рук кастильца было делом одной минуты.

Оказавшись безоружным, кастилец побледнел и испуганно вскрикнул. Сверкающее острие шпаги Корсара на мгновение задержалось у его груди, затем поднялось кверху.

– Вы отличный боец, – сказал Корсар, салютуя противнику. – Вы не хотели отдавать мне шпагу, но я возьму ее сам взамен вашей жизни.

На лице кастильца отразилось глубокое изумление, он застыл на месте, словно не веря, что остался в живых.

Внезапно он быстро подошел к Корсару и протянул ему руку:

– Мои соотечественники утверждают, что флибустьеры – бесчестные люди, занимающиеся лишь грабежом на море, я же теперь могу подтвердить, что среди них есть достойные люди,

¹⁰ Бретёр – заядлый, опытный дуэлянт.

которые в рыцарстве и благородстве превзойдут самых благовоспитанных дворян Европы...
Господин рыцарь, вот вам моя рука: благодарю вас!..

Корсар с чувством пожал его руку, затем, подняв упавшую шпагу, протянул ему ее:

– Сохраните ваше оружие, сеньор: мне достаточно, если вы пообещаете не воспользоваться ею против нас до завтрашнего дня.

– Обещаю вам, сеньор, клянусь честью.

– Теперь позвольте связать вас. Мне жаль прибегать к этой крайности, но я не могу обойтись без нее.

– Делайте что хотите.

По знаку Корсара Кармо подошел к кастильцу и связал ему руки, затем препоручил его африканцу, который поспешил отвести его наверх, в компанию к племяннику, слуге и нотариусу.

Выбить шпагу из рук кастильца было делом одной минуты.

– Надеюсь, визитов больше не будет, – заключил Кармо, обращаясь к Корсару.

– Боюсь, что вскоре к нам пожалуют другие гости, – ответил капитан. – Все эти таинственные исчезновения не могут не всполошить родственников графа и его племянника, и

тогда вмешаются власти Маракайбо. Нам стоит подумать о том, как бы забаррикадироваться изнутри и подготовиться к обороне. Ты не заметил, нет ли огнестрельного оружия в доме?

– Я нашел на чердаке аркебузу и припасы к ней, а также старую, заржавевшую алебарду и латы.

– Аркебуза нам пригодится.

– А сможем ли мы выстоять, капитан, если солдаты пойдут на штурм дома?..

– Там будет видно, а сейчас могу тебе сказать, что живым меня Ван Гульд не увидит!..

Итак, подготовимся к обороне. Позднее, если останется время, подумаем о трапезе.

Африканец вернулся, поручив Ван Штиллеру охранять пленников. Узнав, что нужно делать, он горячо принялся за дело.

С помощью Кармо он притащил в коридор всю самую тяжелую и громоздкую мебель, что не обошлось, разумеется, без долгих, хотя и бесполезных, причитаний нотариуса. Шкафы, ящики, массивные столы, комоды – все было свалено возле двери, так что получилась надежная баррикада.

Не довольствуясь этим, флибустьеры с помощью других ящиков и мебели соорудили вторую баррикаду, у подножия лестницы, на случай если дверь не выдержит напора.

Едва они закончили подготовку к обороне, как увидели, что Ван Штиллер кубарем катится с лестницы.

– Командир, – воскликнул он, – на улице столпились горожане, и все смотрят на наш дом! Я думаю, они заметили таинственное исчезновение входивших людей.

– Ах так!.. – сказал, глазом не моргнув, Корсар.

Спокойно поднявшись по лестнице, он, стоя за занавеской, выглянул в окно, выходявшее на улицу.

Ван Штиллер сказал правду. Человек пятьдесят, разделившись на группы, толпились на противоположном конце улицы. Они оживленно переговаривались и указывали на дом нотариуса, в то время как из окон соседних домов выглядывали обеспокоенные люди.

– То, чего я боялся, того и гляди случится, – пробормотал Корсар, нахмутив лоб. – Ладно, если уж и мне суждено погибнуть в Маракайбо, значит так записано в книге судеб. Бедные мои братья, кто же за вас отомстит!.. О!.. Видно, смерть еще не близка, а фортуна улыбается пиратам с Тортуги!.. Кармо, ко мне!..

Услышав, что его зовут, моряк не замедлил явиться:

– Слушаю, капитан.

– Ты мне сказал, что нашел боеприпасы.

– Да, бочонок фунтов на восемь-десять пороха, сеньор.

– Поставь его в коридоре, под дверью, и приладь к нему фитиль.

– Гром и молния! Мы взорвем весь дом?

– Да, если понадобится.

– А пленники?

– Тем хуже для них, если солдаты попытаются нас схватить. Мы имеем право на защиту и воспользуемся им без колебаний.

На улице, вдали, показался отряд аркебузирова, сопровождаемый толпой любопытных. Под командованием лейтенанта маршировало две дюжины отлично вооруженных мушкетерами, шпагами и дагами¹¹ солдат, словно направлявшихся на войну.

Рядом с лейтенантом Корсар заметил какого-то старого господина с седой бородой, вооруженного шпагой, и решил, что это кто-нибудь из родственников графа или молодого человека.

¹¹ *Дага* – кинжал для левой руки при фехтовании шпагой.

Отряд проложил себе дорогу среди граждан, заполонивших улицу, и остановился в десяти шагах от дома нотариуса. Солдаты выстроились в три шеренги и взяли мушкеты на изготовку, словно собирались открыть огонь.

Понаблюдав несколько минут за окнами, лейтенант переговорил со стоявшим рядом стариком, затем решительно подошел к двери и постучал тяжелым молотком:

– Во имя закона, откройте!

– Вы готовы, мои храбрецы? – спросил Корсар.

– Готовы, сеньор, – ответили Кармо, Ван Штиллер и африканец.

– Вы останетесь со мной, а ты, мой славный африканец, поднимешься на верхний этаж и посмотришь, нет ли там лазейки, которая позволит нам выбраться на крышу.

С этими словами он поднял жалюзи и, облокотившись на подоконник, спросил:

– Что вам угодно, сеньор?

Увидев вместо нотариуса мужественное лицо Корсара, одетого в широкополую черную шляпу с развевающимся черным пером, лейтенант растерялся от удивления.

– Кто вы такой? – спросил он спустя мгновение. – Я хотел бы поговорить с нотариусом.

– Я его заменяю, поскольку он пока не может двигаться.

– Тогда откройте: у меня приказ губернатора.

– А если я не захочу?

– В таком случае я не отвечаю за последствия. В этом доме происходят весьма странные вещи, и я получил приказ узнать, что случилось с господином Педро Конксевиа, его слугой и его дядей, графом Лермой.

– Если вам не терпится это узнать, то могу вам сказать, что они находятся у нас в доме, все в добром здравии и даже в отличном расположении духа.

– Пусть они сойдут вниз.

– Это невозможно, сеньор, – ответил Корсар.

– Я требую подчиниться или велю взломать дверь.

– Как вам угодно, но предупреждаю, что за дверью установлен бочонок с порохом, и при первой же попытке взломать дверь я подожгу фитиль и взорву дом вместе с нотариусом, господином Конксевиа, его слугой и графом Лермой. Теперь попробуйте, если посмеете!..

При этих словах, произнесенных спокойным, решительным тоном, не допуская ни малейших сомнений, ужас объял солдат и присоединившихся к ним зевак. Кое-кто поспешил убраться подобру-поздорову, опасаясь, что дом того и гляди взлетит на воздух. Даже лейтенант отступил назад.

Корсар невозмутимо стоял у окна, словно простой зритель, не спуская, однако, глаз с аркебузирова, в то время как стоявшие за ним Кармо и Ван Штиллер следили за действиями соседей, высыпавших на террасы и балконы.

– Но кто вы такой? – спросил наконец лейтенант.

– Человек, не желающий, чтобы ему кто-либо мешал, даже офицеры губернатора, – ответил Корсар.

– Я приказываю назвать ваше имя.

– Не вижу в этом необходимости.

– Я заставлю вас сделать это.

– А я взорву дом.

– Но вы с ума сошли!

– А вы тоже.

– Ах, вы оскорбляете меня?

– Вовсе нет, сеньор, просто вам отвечаю.

– Кончайте!.. Ваши шутки зашли слишком далеко.

– Вы думаете? Послушай, Кармо... Подожги-ка фитиль у бочонка с порохом!..

8

Спасительное бегство

Эти слова исторгли громкий крик ужаса не только у зевак, но и у солдат. Особенно сильно вопили соседи, и не зря, ибо от взрыва дома нотариуса наверняка пострадали бы их жилища. И кричали они так, будто уже видели себя взлетающими в воздух от взрыва.

Мирные жители и солдаты поспешили освободить улицу. Они бросились прочь от дома нотариуса, а соседи градом посыпались с лестниц, унося с собой кое-какие пожитки. Все были уверены, что этот злодей и безумец и в самом деле приведет в исполнение свою ужасную угрозу.

Один лишь лейтенант не сдвинулся с места, но, судя по тревожным взглядам, которые он бросал в сторону дома, его давно бы уже не было там, если бы он был один или не имел командирских нашивок.

– Нет!.. Стойте, сеньор!.. – закричал он. – Это безумие!

– Что вам угодно? – спросил его Корсар невозмутимо.

– Прошу вас, повремените с вашим зловещим намерением.

– Охотно, если вы оставите меня в покое.

– Отпустите графа Лерму и остальных, и я обещаю вас не беспокоить.

– Я с радостью это сделаю, если вы согласитесь на мои условия.

– А именно?

– Прежде всего я требую отвести назад войска.

– Затем?

– Достать мне и моим товарищам охранную грамоту, подписанную губернатором, чтобы мы могли оставить город, пройдя сквозь кордоны солдат, прочесывающих окрестности.

– Но кто вы такой, если вам нужна охранная грамота? – спросил лейтенант, чье изумление росло вместе с подозрениями.

– Заморский дворянин, – ответил Корсар.

– Но в таком случае для выезда из города вам не нужна охранная грамота.

– Напротив.

– Значит, у вас на совести какое-нибудь преступление. Назовите мне ваше имя, сеньор.

В это время к лейтенанту, с трудом волоча ногу, подошел какой-то человек с повязкой на голове, пропитавшейся кровью.

При виде его Кармо, ни на шаг не отходивший от Корсара и следивший за действиями солдат, не смог удержаться от возгласа:

– Гром и молния!

– Что с тобой, приятель? – спросил Корсар, живо оборачиваясь к нему.

– Этот человек нас выдаст, капитан! Он из тех басков, которые напали на нас вчера ночью.

– Ну и что же! – промолвил Корсар, пожимая плечами.

Баск, а это был действительно один из тех, кто присутствовал на поединке в таверне, а затем пристал к флибустьерам на улице, повернулся к лейтенанту и сказал:

– Вы хотите знать, кто этот дворянин в черной шляпе, не так ли?

– Да, – ответил лейтенант. – Ты его знаешь?

– Каррамба!.. Еще бы не знать, когда один из его людей чуть не отправил меня на тот свет. Смотрите, сеньор лейтенант, как бы он от вас не ушел!.. Это один из флибустьеров!..

Толпа взревела в ярости, но в ту же минуту раздался выстрел, и кто-то вскрикнул.

По знаку Корсара Кармо быстро вскинул аркебузу и метким выстрелом поразил баска.

Двадцать аркебуз прицелились в Корсара, стоявшего в окне, а толпа завопила что есть мочи:

– Бейте каналий!..

- Тащите их на виселицу!
- Зажарьте их живьем!..
- Смерть им!.. Смерть им!..

Энергичным жестом лейтенант велел опустить аркебузы и, подойдя к окну, сказал Корсару, не двинувшемуся с места, словно угрозы его не касались:

- Сударь, комедия окончена, сдавайтесь!..

Вместо ответа Корсар пожал плечами.

- Вы меня поняли?! – закричал лейтенант, покраснев от гнева.
- Прекрасно, сеньор.
- Сдавайтесь, или я велю выломать дверь.

– Как вам угодно, – холодно ответил Корсар, – но предупреждаю, что бочонок с порохом у нас наготове и пленные взлетят на воздух вместе с домом.

- Но вы же погибнете вместе с ними!

– Куда лучше умереть под грохот рушащихся стен, чем кончить позорной смертью, которая ждет меня после сдачи.

- Я обещаю сохранить вам жизнь.

– Что толку от ваших обещаний! Сеньор, вот уже шесть часов пополудни, а я еще не обедал. Решайте пока, что делать, а я вместе с графом Лермой и его племянником пойду закутить, и мы постараемся выпить стаканчик вина за ваше здоровье, если к тому времени дом не взлетит на воздух.

С этими словами Корсар снял шляпу, с подчеркнутой вежливостью откланялся и удалился, оставив лейтенанта, солдат и толпу в еще большей растерянности и изумлении.

– Пойдемте со мной, друзья, – сказал Корсар Ван Штиллеру и Кармо. – Я думаю, у нас хватит времени поужинать и потолковать.

– А солдаты? – спросил Кармо, не менее, чем испанцы, удивленный необычайным хладнокровием командира.

- Пусть покричат, если им хочется.
- Итак, поужинаем в последний раз, капитан?

– Ну, смерти нам дожидаться дольше, чем ты думаешь, – ответил Корсар. – Настанут сумерки, и ты увидишь, какие чудеса способен творить бочонок с порохом.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, Корсар вошел в комнату, перерезал веревки, связывавшие графа Лерму и молодого человека, и пригласил их к столу:

– Составьте мне компанию, граф, и вы, молодой человек. Надеюсь, что ваше обещание оградит меня от каких-либо неожиданностей.

– Разумеется, сеньор, – ответил с улыбкой граф. – Мой племянник безоружен, к тому же я знаю, как опасна ваша шпага... Итак, что делают мои соотечественники?.. Мне послышалось, что на улице слишком шумят.

- Пока что дело ограничивается осадой.

– Мне неприятно об этом говорить, но боюсь, сеньор, что они кончат тем, что выломают дверь.

- Не думаю, граф.

– Тогда они окружат дом и рано или поздно заставят вас сдать. Видит бог, мне было бы жаль, если бы столь отважный и обходительный человек, как вы, угодил в руки губернатора. Этот человек не очень-то жалуется корсаров.

- Ван Гульду меня не достать. Я должен жить, чтобы рассчитаться с фламандцем.

- Вы с ним знакомы?

– К несчастью, да, – ответил со вздохом Корсар. – Он сыграл роковую роль в моих семейных делах, и если я стал флибустьером, то исключительно из-за него. Но не будем больше

говорить об этом. Всякий раз, как я вспоминаю о нем, у меня вскипает кровь от ненависти и делается тяжело, как на похоронах. Выпьем, граф... Кармо, что делают испанцы?

– Они совещаются друг с другом, капитан, – ответил флибустьер, отрываясь от окна. – Похоже, что они не решаются напасть на нас.

– Они решатся, но тогда, когда уже будет поздно. Африканец на своем посту?

– Он на чердаке.

– Ван Штиллер, отнеси ему чего-нибудь выпить.

Сказав это, Корсар, казалось, погрузился в глубокое раздумье, хотя и продолжал поглощать пищу. Он еще больше помрачнел, замкнулся в себе и почти перестал слушать то, что ему говорил граф.

Ужин закончился без помех, в полной тишине. Солдаты, несмотря на испытываемую ярость и желание вздернуть на виселице или сжечь флибустьеров вместе с домом нотариуса, казалось, не знали, на что им решиться. Не то чтобы им не доставало смелости (напротив, они томилась от бездействия) или они боялись взрыва (им было наплевать на нотариуса и его соседей), но дело было в том, что под угрозой находилась жизнь графа Лермы и его племянника, двух уважаемых граждан города, которых нужно было спасти любой ценой.

Уже спустились сумерки, когда Кармо предупредил Корсара, что отряд аркебузирова, подкрепленный дюжиной алебардчиков, появился в конце улицы, заняв все ходы и выходы из нее.

– Значит, что-то готовится, – ответил Корсар. – Позови Моко.

Через минуту африканец стоял перед ним.

– Ты хорошо осмотрел чердак? – спросил он.

– Да, хозяин.

– Нет ли выхода из него?

– Нет, но я проделал отверстие в крыше, и через него можно вылезти наружу.

– Нет ли поблизости наших врагов?

– Никого, хозяин.

– Знаешь ли ты, где можно спуститься?

– Да, здесь совсем рядом.

В этот миг оглушительный залп потряс окрестности. Пробив жалюзи, несколько пуль вонзилось в стены. Задребезжали стекла, посыпалась штукатурка.

Вскочив на ноги, Корсар выхватил шпагу. Почуввав запах пороха, этот человек, еще недавно столь спокойный и уравновешенный, теперь совершенно преобразился: его глаза метали молнии, бледные губы порозовели.

– Ага!.. Началось!.. – воскликнул он насмешливо.

Затем, повернувшись к графу и его племяннику, добавил:

– Я обещал сохранить вам жизнь и во что бы то ни стало сдержу свое слово. Однако прошу вас слушаться меня беспрекословно.

– Приказывайте, сеньор, – сказал граф. – Мне жаль, что вас осаждают мои соотечественники, иначе, уверяю вас, я охотно встал бы рядом с вами.

– За мной, если не хотите взлететь на воздух!

– Как, неужели рухнет дом?..

– Через несколько минут здесь не останется камня на камне.

– Вы меня разорите! – заверещал нотариус.

– Молчи, скопидом! – заорал на него Кармо, развязывая ему руки. – Мы спасем тебе жизнь – разве этого мало?

– Но я лишусь дома.

– Вам заплатит за него губернатор.

На улице прогремел новый залп, пули влетели в комнату, разбив лампу, висевшую на потолке.

- Вперед, морские волки!.. – прогремел Корсар. – Кармо, зажигай фитиль!..
- Слушаюсь, капитан.
- Проследи, чтобы бочонок не взорвался раньше, чем мы покинем дом.
- Не беспокойтесь, фитиль длинный, сеньор, – ответил флибустьер, кубарем скатываясь с лестницы.

Сопровождаемый четырьмя пленниками, Ван Штиллером и африканцем, Корсар поднялся на чердак, в то время как аркебузиры, целясь в окна, продолжали обстреливать дом и громко требовали сдачи осажденных.

Пули свистели так страшно, что у бедного нотариуса мурашки забегали. Чиркая о стены, пули рикошетом отскакивали от кирпичной стены, но флибустьеры да и граф Лерма, побывавший не в одном сражении, не обращали на них никакого внимания.

Взобравшись на чердак, африканец показал Корсару широкое отверстие неправильной формы, выходящее на крышу, которое он проделал с помощью бруса, вырванного из перекрытия.

- Вперед! – скомандовал Корсар.

Вложив на время шпагу в ножны, он ухватился за края отверстия и в мгновение ока выбрался на крышу.

Быстро оглядевшись, он заметил, что рядом находились три-четыре дома, за которыми росли пальмы; одна из них подходила вплотную к забору, ее огромные роскошные листья лежали прямо на черепичной крыше.

- Спускаться будем там? – спросил Корсар догнавшего его африканца.
- Да, хозяин.
- Из сада есть выход?
- Надеюсь.

Граф Лерма, его племянник, слуга, а также нотариус, посаженные крепкими руками Ван Штиллера, уже все были на крыше, когда появился Кармо.

- Быстрой, сеньоры! – крикнул он. – Через две минуты крыша рухнет под нами...
- Я разорен! – прохныкал нотариус. – Кто мне возместит...

- Ван Штиллер перебил его, грубо толкнув вперед:
- Поторапливайтесь!

Убедившись, что врагов вокруг нет, Корсар перепрыгнул на соседнюю крышу, за ним тотчас же последовали граф Лерма и его племянник.

Залп следовал за залпом, валил дым. Аркебузиры, казалось, решили изрешетить весь дом, прежде чем решиться выломать дверь.

Как видно, солдаты не шли на штурм дома, боясь, как бы Корсар не привел в исполнение свою ужасную угрозу и не похоронил под развалинами дома самого себя и всех четырех пленников.

Волоча за собой нотариуса, у которого от страха отнялись ноги, флибустьеры вскоре добрались до стены последнего дома, возле которого росла пальма.

Внизу раскинулся огромный сад, окруженный высоким забором, за которым, казалось, начиналось поле.

- Мне знаком этот сад, – проговорил граф. – Он принадлежит моему другу Моралесу.
- Надеюсь, вы нас не выдадите, – сказал Корсар.
- Нет. Я еще не забыл, что обязан вам жизнью.
- Спускайтесь скорее, – произнес Кармо, – пока нас не сбросило с крыши взрывом!

Не успел он произнести эти слова, как гигантское пламя озарило потемки и одновременно раздался ужасный грохот. Флибустьеры и их пленники почувствовали, как крыша ходунном заходила у них под ногами, и они разом повалились друг на друга. Через секунду на них посыпались известка, щебень, обломки мебели, горящее тряпье...

Столб дыма поднялся над крышами. На время беглецы потеряли из виду друг друга. Слышно было, как на улице рушатся стены, трещат полы, раздаются крики ужаса и брань.

...Гигантское пламя озарило потемки и одновременно раздался ужасный грохот.

– Гром и молния! – воскликнул Кармо, отброшенный воздушной волной к водостоку. – Еще полметра, и меня сдуло бы в сад, как пушинку!

Черный Корсар быстро вскочил на ноги, задыхаясь от дыма.

– Все живы? – спросил он.

– Надо полагать, – ответил Ван Штиллер.

– Но... там кто-то лежит без движения, – сказал граф. – Неужели его убило осколком?

– Успокойтесь, это трусишка-нотариус, – сказал Ван Штиллер. – Он еле жив от страха.

– Оставим его здесь, – предложил Кармо. – Он оправится сам, если к тому времени не оочурится от горя при виде своей разрушенной лачуги.

– Нет, – ответил Корсар. – Я вижу, сквозь дым пробивается пламя. Если мы оставим его здесь, он неминуемо сгорит заживо. От взрыва загорелись соседние дома.

– Это правда, – подтвердил граф. – Я тоже вижу, что горит чье-то жилище...

– Воспользуемся суматохой, друзья, – сказал Корсар. – А ты, Моко, займись нотариусом.

Капитан подошел к краю крыши, ухватился за ствол пальмы и соскользнул в сад. За ним последовали все остальные.

Он собирался было углубиться в одну из аллей, ведущих к ограде, как вдруг несколько человек, вооруженных аркебузами, высыпали из кустов и преградили ему путь:

– Стойте, стрелять будем!..

Схватившись рукой за шпагу, Корсар потянулся за пистолетом. Он решил с боем проваться вперед, но граф жестом остановил его.

– Позвольте мне, сеньор, – сказал он. Затем, подойдя к появившимся, добавил: – С каких это пор вы перестали узнавать друга своего хозяина?

– Господин граф! – воскликнули изумленные слуги.

– Опустите оружие!

– Извините, господин граф, – сказал один из слуг. – Мы услышали ужасный взрыв и, зная, что по соседству солдаты осаждают корсаров, прибежали сюда, чтобы помешать бегству опасных бандитов.

– Флибустьеры давно сбежали, так что можете спокойно идти спать. Есть ли в ограде калитка?

– Да, господин граф.

– Откройте мне и моим друзьям и не беспокойтесь.

Старший знаком отпустил вооруженную челядь и направился по боковой дорожке. Подойдя к железной калитке, он открыл ее.

Трое флибустьеров и африканец вышли вслед за графом и его племянником. Слуга графа, несший на руках нотариуса, все не приходившего в себя, задержался со служителем владельца парка.

Пройдя с флибустьерами еще шагов двести, граф привел их в пустынный переулок.

– Сеньор, – сказал он, – я обязан вам жизнью и рад отплатить вам тем же. Такие доблестные люди, как вы, не должны погибать на виселицах, хотя я знаю, что, попадись вы в руки губернатора, он не пощадил бы вашу жизнь. Следуйте этим переулком: он выведет вас в открытое поле, и вы сможете вернуться к себе на корабль.

– Спасибо, граф, – сказал Корсар.

Они пожали друг другу руки и, поклонившись, расстались.

– Отличный человек, – вздохнул Кармо. – Если мы вернемся в Маракайбо, то не преминем его навестить.

Корсар двинулся вперед вслед за африканцем, который, пожалуй, лучше самих испанцев знал окрестности Маракайбо.

Через десять минут четверо флибустьеров вышли без всяких помех из города. Вскоре они очутились на опушке леса, в чаще которого скрывалась хижина заклинателя змей.

Оглянувшись назад, они увидели клубы розоватого дыма, который ветер нес вместе с искрами в сторону озера. Это горел дом нотариуса, а может быть, и другие дома по соседству.

– Бедняга, – пожалел его Кармо, – он умрет с горя, когда узнает, что сгорели и дом, и винный погребок. Это слишком большой удар для такого скупердяя, как он!

Постояв несколько минут в густой тени гигантской симарубы, чтобы убедиться, не рыскают ли вокруг отряды испанцев, флибустьеры, успокоенные глубокой тишиной, царившей в лесу, вступили под сень огромных деревьев и быстро зашагали вперед.

Потребовалось не более двадцати минут, чтобы покрыть расстояние, отделявшее их от хижины. Им оставалось сделать всего несколько шагов, как вдруг послышался чей-то стон.

Корсар остановился, стараясь что-нибудь разглядеть в глубокой тени, отбрасываемой большими развесистыми деревьями.

– Гром и молния! – воскликнул Кармо. – Да это, никак, наш пленник, которого мы привязали к дереву. Я совсем забыл про него...

– И в самом деле! – пробормотал Корсар.

Подойдя к хижине, он разглядел испанца, все еще томившегося в путях.

– Вы хотите уморить меня голодом? – спросил несчастный. – Лучше бы вы меня сразу повесили.

– Никто сюда не заглядывал? – спросил его Корсар.

– Я не видел никого, кроме вампиров, сеньор.

– Возьми тело брата, – сказал Корсар, обращаясь к африканцу.

Подойдя к солдату, который задрожал от страха, решив, что пробил его смертный час, Корсар освободил его от веревок и тихо проговорил:

– Я мог бы начать с твоей казни свою месть за гибель того, кто скоро будет лежать на дне морском, за муки его несчастных сподвижников, которые все еще болтаются на виселице в этом проклятом городе, но я обещал тебя пощадить, а Черный Корсар никогда не изменял своему слову. Ты свободен. Но обещай, что по возвращении в Маракайбо ты отправишься к губернатору и скажешь ему от моего имени, что перед лицом верных мне людей и телом того, кто был Красным Корсаром, сегодня ночью на борту своего «Молниеносного» я дам такую клятву, узнав о которой он на ногах не устоит. Он убил двух моих братьев, я же уничтожу не только его, но и всех, кто носит имя Ван Гульда. Скажи ему, что я поклялся морем, Богом и адом и что скоро мы встретимся с ним! – Он толкнул в спину остолбеневшего от изумления пленника и добавил: – Беги и не оглядывайся, пока я не передумал.

– Спасибо, сеньор, – не веря своему счастью, пробормотал испанец, бросаясь со всех ног в чащу.

Корсар посмотрел ему вслед и, убедившись, что он исчез в потемках, сказал, обращаясь к своим товарищам:

– Пойдем же, время не ждет.

9

Ужасная клятва

Маленький отряд под предводительством африканца, знавшего лес как свои пять пальцев, быстро продвигался в сторону залива. Никто не мешкал, торопясь выбраться на свободу еще до рассвета.

Всех беспокоила мысль о корабле, крейсировавшем у входа в залив, ибо пленник рассказал им, что губернатор Маракайбо направил своих посланцев в Гибралтар просить о помощи адмирала Толедо.

Капитан опасался, что корабли последнего, составлявшие целую эскадру с мощным вооружением и отважным экипажем, набранным преимущественно из басков, уже пересекли залив, напали на «Молниеносного» и, может быть, потопили его.

Корсар был молчалив, но весь его вид выдавал беспокойство. Время от времени он делал знак спутникам остановиться и прислушивался, не донесется ли откуда далекий звук взрыва. Затем он еще больше ускорил и без того быстрый шаг, почти переходивший в бег.

Иногда у него вырывался нетерпеливый жест, особенно когда он неожиданно наталкивался на поваленного молнией или упавшего от старости лесного великана или попадал ногой в лесную топь. Эти препятствия заставляли флибустьеров пускаться в обход и терять драгоценное время.

К счастью, африканец прекрасно ориентировался в лесу и выводил их кратчайшими тропками, позволявшими идти быстрее и навёрстывать упущенное.

В два часа ночи Кармо, шедший впереди африканца, услышал далекий шум прибоя, свидетельствующий о близости моря. Его острый слух уловил рокот волн, разбивавшихся о берег.

– Если все будет в порядке, – сказал он подоспевшему Черному Корсару, – то через час мы будем на борту корабля, сеньор.

Тот кивнул, но ничего не ответил. Кармо не ошибся. Рокот волн становился все более различимым, время от времени сквозь него пробивались громкие крики диких гусей, которые плескались на берегу залива.

Корсар сделал знак еще больше ускорить шаг, и вскоре маленький отряд вышел на низкий берег, заросший манграми. Прихотливо изогнутой дугой залив раскинулся с севера на юг, теряясь где-то у горизонта.

В воздухе стоял густой туман, поднимавшийся из огромных заводей, усеивавших залив. Стояла непроглядная тьма, но море можно было различить благодаря множеству фосфоресцирующих бликов, пересекавших в разных направлениях.

Гребни волн, казалось, искрились, а бахрома пены, выброшенной прибоем на берег, испускала таинственный свет.

Отдельные участки моря, черные как чернила, начинали вдруг ярко светиться, словно освещенные изнутри мощной электрической лампой.

– Фосфоресценция! – воскликнул Ван Штиллер.

– Черт бы ее побрал! – пробурчал Кармо. – Можно подумать, что рыбы объединились с испанцами, дабы помешать нам выйти в открытое море.

– Нет, – ответил многозначительно Ван Штиллер, кивая на ношу в руках африканца. – Море сегодня иллюминировано, чтобы принять в свое лоно Красного Корсара.

– Наверное, так, – заметил Кармо.

Черный Корсар внимательно вглядывался в море. Прежде чем дать сигнал к отправлению, он хотел убедиться, не рыщет ли в заливе эскадра адмирала Толедо.

Повернувшись на север, он увидел на фоне светящегося моря большое темное пятно, ясно выделявшееся на горизонте.

– «Молниеносный» там, – сказал он. – Ищите шлюпку – и в путь.

Кармо и Ван Штиллер поспешно устремились к северу, внимательно осматривая мангры, чьи корни и пожелтевшие листья омывались фосфоресцировавшими волнами.

Пройдя по берегу около километра, они отыскивали шлюпку, благодаря отливу оказавшуюся на берегу, и, быстро вскочив в нее, пригнали к тому месту, где их ждали капитан с африканцем.

Уложив между банками тело, завернутое в черный плащ, и закрыв ему лицо капюшоном, они принялись грести изо всех сил. Африканец с мушкетом, отобранном у пленного испанца, устроился на носу, Корсар же сел на корму напротив тела брата.

Он снова погрузился в мрачную тоску. Обхватив голову руками и упершись локтями в колени, он ни на минуту не спускал взгляда с погибшего брата, очертания тела которого проглядывали сквозь траурное покрывало.

Погрузившись в свои мысли, он, казалось, позабыл обо всем на свете: о товарищах, о корабле, огромным китом маячившем на фоне светившегося моря, об эскадре адмирала Толедо.

Он ни разу не шелохнулся, и можно было подумать, что он не дышит.

Тем временем шлюпка быстро скользила по волнам, все более удаляясь от берега. Море полыхало вокруг огнем, а весла поднимали фонтаны переливчатых брызг, зачастую казавшихся настоящими искрами.

На волнах резвились многочисленные моллюски, которые словно принимали участие в этой оргии света. То и дело попадались огромные медузы. Шарообразные пелагические организмы солнечным зайчиком скакали в воде, подхлестываемые порывами ночного бриза. Грациозные мелитэи с их странными придатками в виде мальтийского креста светились, словно раскаленная лава. Акалеры сверкали так, словно были усеяны настоящими бриллиантами. Очаровательные велеллы испускали из-под своеобразного паруса пучки нежно-голубоватого света, а косяки морских огурцов с круглым телом, усеянным острыми шипами, мерцали таинственным зеленоватым светом.

Разнообразные рыбы то появлялись, то исчезали, оставляя за собой светящийся след; причудливые по форме полипы раскачивались в разные стороны, переливаясь всеми цветами радуги, а у самой поверхности плавали огромные ламантиньи, тогда еще весьма многочисленные, поднимая длинными хвостами и перистыми плавниками переливчатые волны.

Подгоняемая крепкими руками обоих флибустьеров, шлюпка быстро разрезала светящиеся волны, вздымая мириады сверкающих брызг. Ее черная масса отчетливо вырисовывалась на фоне пламеневшего моря, и она явила бы собой отличную мишень для пушек испанской эскадры, окажись адмирал Толедо в этих водах.

Не переставая энергично грести, оба флибустьера время от времени беспокойно поглядывали вокруг, словно боясь внезапно наткнуться на вражеские корабли.

Торопились они еще и потому, что места себе не находили от неприятных предчувствий. Таинственный свет моря, тело повешенного на борту шлюпки, присутствие печального корсара, облаченного в траурное одеяние, наводило на них суеверный ужас, и они только о том и помышляли, чтобы поскорее оказаться на борту «Молниеносного» со своими товарищами.

До корабля, устремившегося им навстречу, оставалось не больше мили, как вдруг до их слуха донесся странный крик, похожий на тяжкий стон, перешедший в рыдание.

Оба флибустьера разом перестали грести и начали испуганно озираться вокруг.

– Ты слышал?.. – спросил Ван Штиллер, чувствуя, что холодный пот выступил у него на лбу.

– Да, – ответил неуверенно Кармо.

- Быть может, это какая-нибудь рыба?..
- Никогда не слышал, чтобы рыбы так кричали.
- А кто же это, по-твоему?
- Не знаю, но мне от этого не по себе.
- Неужто это брат покойного?..
- Молчи, друг.

Оба взглянули на Черного Корсара, но тот, казалось, ничего не слышал, по-прежнему сидя неподвижно, обхватив голову руками и не спуская глаз с погибшего брата.

– Поехали дальше, Бог не выдаст, – прошептал Кармо, делая знак Ван Штиллеру взяться за весла. Затем, наклонившись к африканцу, он спросил его: – Ты слышал, как кто-то крикнул, кум?

- Да, – ответил африканец.
- Как по-твоему, кто это был?
- Может быть, ламантин.
- Гм!.. – пробормотал Кармо. – Может, и ламантин, но...

Вдруг он испуганно бросил весла и побледнел.

Как раз в это время за кормой шлюпки, в ореоле сияющей пены, появился какой-то темный бесформенный предмет и тут же ушел под воду.

– Видал? – спросил он Ван Штиллера прерывающимся голосом.

– Да, – ответил тот, не попадая зуб на зуб.

– Чья-то голова, правда?

– Да, Кармо.

– Наверняка покойник. Никак, Зеленый Корсар следует за нами...

– Не пугай меня, Кармо!

– А Черный Корсар так ничего не видит и не слышит?

– Он же брат обоих погибших.

– А ты, кум, ничего не видел?

– Да, чью-то голову, – ответил африканец.

– Чью?

– Да обыкновенного ламантина.

– Заладил: ламантин да ламантин, – пробурчал Кармо. – Говорят тебе, это был мертвяк, весь черный, без глаз.

Тут над морем разнесся возглас часового, окликнувшего их с корабля:

– Эй, там!.. На шлюпке!.. Есть кто живой?..

– Черный Корсар! – завопил Кармо.

– Причаливайте!..

«Молниеносный» летел, как морская ласточка, уверенно разрезая носом сверкающие волны. Весь черный, он походил на призрачный корабль Летучего Голландца.

По борту корабля застыли, как статуи, флибустьеры, составлявшие экипаж корабля. Все они были вооружены аркебузами, а артиллеристы, стоявшие на юте возле пушек, держали в руках зажженные фитили. Огромный черный стяг Корсара с удивительной виньеткой в виде прихотливо переплетенных золотых букв развевался на бизань-мачте.

Пристав по траверзу к левому борту, в то время как корабль вставал против ветра, моряки пришвартовались с помощью веревки, брошенной им с борта.

– Отпустить тали!.. – раздался чей-то хриплый голос.

Два каната с петлями спустились с рей грот-мачты. Кармо и Ван Штиллер прикрепили их к банкам, и шлюпка по команде боцмана поднялась вверх со всем своим экипажем.

Услышав, что лодка стукнулась килем о палубу, Черный Корсар вздрогнул и очнулся от мрачных мыслей.

Он удивленно оглянулся вокруг, словно не веря, что находится на борту своего корабля, затем, нагнувшись к покойнику, взял его на руки и осторожно перенес к грот-мачте. При виде погибшего корсара весь экипаж, выстроенный вдоль борта, обнажил голову.

Помощник командира Морган сошел с капитанского мостика и направился навстречу Черному Корсару.

– Слушаю ваши приказания, сеньор, – сказал он.

– Поступайте как знаете, – ответил ему Корсар, печально качая головой.

Пройдя медленно по палубе, он поднялся на капитанский мостик и остановился, скрепив руки на груди.

На востоке занималась заря. Там, где небо, казалось, сливалось с морем, пробивалась слабая полоска стального цвета, едва отражавшаяся в воде. И было что-то жуткое в том, что она была не алой, как обычно, а тусклой, землисто-серой.

Тем временем огромный стяг Корсара был наполовину приспущен в знак траура, а реи фор-брамселя и фор-бом-брамселя, не несшие парусов, были сведены друг с другом в форме креста.

Все члены экипажа пиратского корабля выстроились на палубе. Моряки с обветренными лицами, закаленные в бесчисленных сражениях, печально смотрели на Красного Корсара, которого боцман завернул в широкий брезент, положив туда же несколько пушечных ядер.

Становилось все светлее, но море все еще фосфоресцировало, глухо рокоча у черных бортов корабля и с шумом разбиваясь о его высокий нос.

Волны издавали странные звуки, напоминавшие то стоны больной души, то горестные вздохи, то тихие жалобы.

Внезапно с кормы донесся удар колокола.

Весь экипаж преклонил колени, а боцман с помощью трех моряков приподнял тело несчастного корсара и осторожно положил его на край бакборта.

Траурное молчание воцарилось на палубе корабля, неподвижно дрейфовавшего в светящихся водах. Даже море утихло, на минуту прекратив свой неумолчный рокот.

Все глаза устремились на Черного Корсара, мрачный силуэт которого высился над серой линией горизонта.

В этот момент отважный мореход, казалось, превратился в сказочного великана. Протянув руку в ту сторону, где покоилось тело Красного Корсара, он стоял на капитанском мостике с развевающимся по ветру высоким черным султаном, словно собираясь произнести ужасное проклятие.

Его громкий металлический голос внезапно прорезал траурное молчание, царившее на корабле.

– Моряки!.. – прогремел он. – Слушайте меня!.. Клянусь Богом, клянусь морем, никогда не изменявшим мне, что я до тех пор не буду знать покоя, пока не отомщу за своих братьев, загубленных Ван Гульдом... Пусть молнии испепелят мой корабль, пусть волны поглотят нас с вами, пусть проклянут меня оба корсара, нашедшие себе приют в глубинах Великого залива, пусть осудят мою душу на вечные мучения, если я не накажу Ван Гульда и не уничтожу весь его род, как он уничтожил мой!.. Друзья!.. Слышали ли вы меня?

– Да, – ответили флибустьеры, на лицах которых отразился священный ужас.

Черный Корсар обернулся к морю, пристально вглядываясь в сияющие волны.

– Бросайте! – приказал он мрачно.

Боцман и три моряка подняли брезент с телом корсара и бросили его в море. Оно тяжело рухнуло, подняв вокруг себя целый сноп брызг, взметнувшихся, словно языки пламени.

Флибустьеры приникли к борту. Сквозь фосфоресцирующие толщи воды отчетливо было видно, как тело плавно пошло ко дну, опускаясь в таинственные глубины моря. Через минуту оно исчезло из виду.

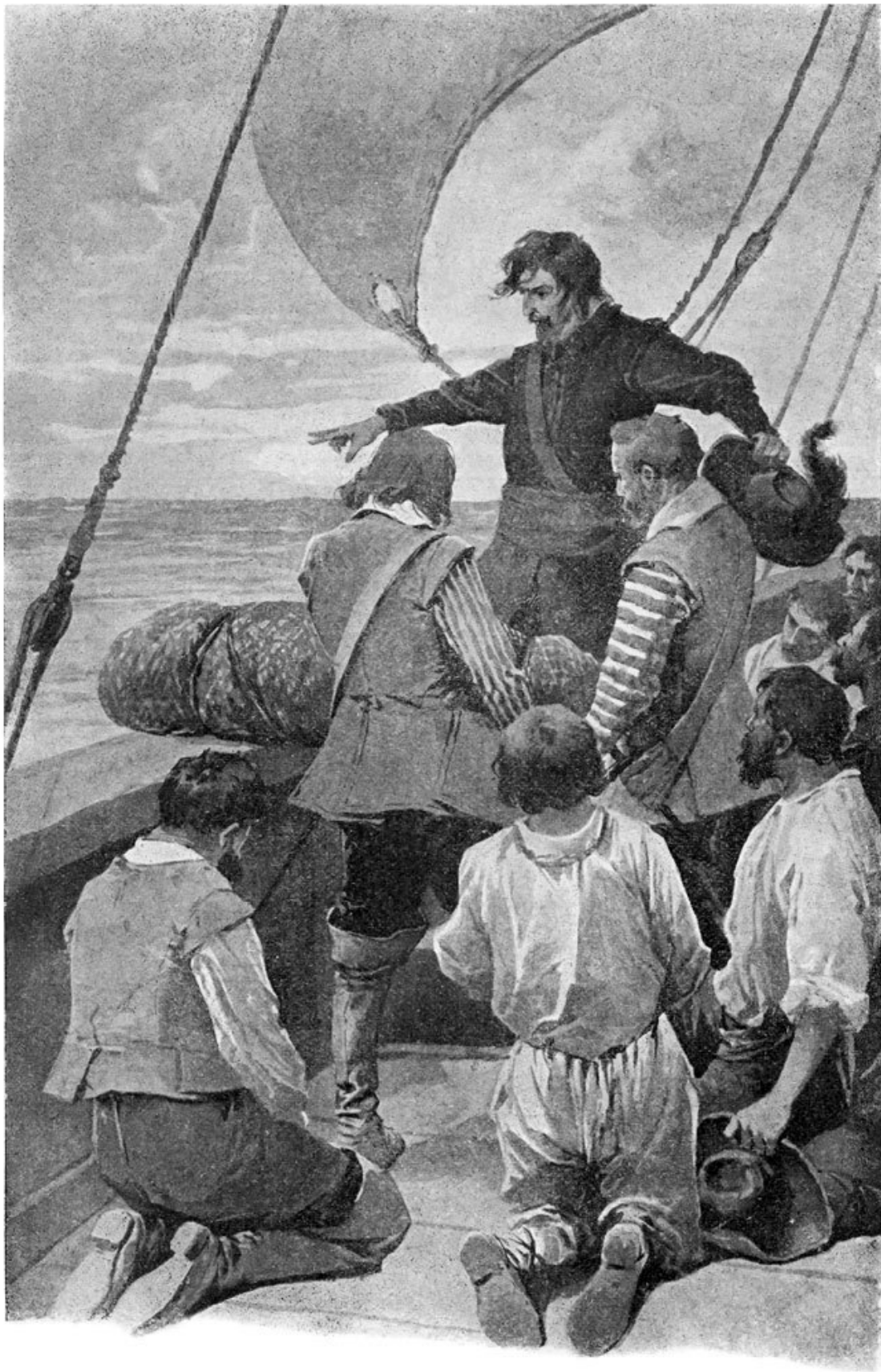
В это мгновение издалека вновь донесся таинственный крик, так сильно напугавший Кармо и Ван Штиллера.

Оба флибустьера, стоявшие под капитанским мостиком, переглянулись и побледнели.

– Это Зеленый Корсар салютует Красному, – пробормотал Кармо.

– Наверное, – ответил сдавленным голосом Ван Штиллер. – Оба брата соединились на дне моря.

Резкий свист прервал внезапно их разговор.

...Отважный мореход, казалось, превратился в сказочного великана.

– Все на левый борт!.. – закричал боцман. – Идем бейдевинд!..

«Молниеносный» развернулся носом к выходу из залива и стал лавировать между островами, направляясь в открытое море, начинавшее розоветь под лучами восходящего солнца. В ту же минуту свечение моря прекратилось.

10

На борту «Молниеносного»

Корабль Черного Корсара, миновав островки и обогнув длинный мыс, образованный отрогами Сьерра-ди-Санта-Мария, устремился по волнам Карибского моря к северу, в сторону Больших Антильских островов. Море было спокойно. Дувший с юго-востока легкий утренний ветерок поднимал небольшие волны. Покинув далекий берег, стаи морских птиц реяли над открытым морем. Морские вороны, крупные хищные птицы величиной с утку, напротив, жались поближе к берегу, гоняясь за мелкой рыбешкой, которую они тут же разрывали на части. На отмелях во множестве охотились вилохвостки – птицы с раздвоенными хвостами, черным сверху и белым снизу оперением. Не было недостатка здесь и в буревестниках. Длинными вереницами реяли они над водой, почти касаясь волн грудью и громко хлопая черными крыльями, что придавало их полету удивительное своеобразие.

Птицы следили за летучими рыбами, которые, выскочив внезапно из воды и пролетев в воздухе пятьдесят-шестьдесят локтей, снова падали в море, чтобы через минуту вновь начать свою прихотливую игру.

Зато не видно было ни одного корабля. Как ни напрягали зрение часовые, оставленные на палубе, они не смогли различить на горизонте ни одного парусника.

Испанские моряки в страхе перед отважными пиратами с Тортуги предпочитали отсиживаться в портах Мексики, Юкатана, Венесуэлы и Больших Антильских островов, отваживаясь пускаться в плавание только в составе эскадры.

Лишь хорошо вооруженные корабли с надежной командой осмеливались пересекать Карибское море и Мексиканский залив, ибо все знали по опыту, как велика была дерзость бесстрашных моряков, водрузивших пиратский стяг на острове Тортуга.

После похорон, в течение дня, жизнь на борту «Молниеносного» шла своим чередом.

Командир не появлялся ни на палубе, ни на капитанском мостике, предоставив помощнику управление кораблем. Запершись в каюте, он не подавал признаков жизни. Даже Кармо и Ван Штиллер не знали, чем он занят.

Они предполагали, что вместе с ним находится африканец, ибо последний исчез одновременно с капитаном и его не могли отыскать ни в одном из закоулков на корабле.

О чем они беседовали, запершись на ключ в каюте, никто не мог сказать, даже помощник капитана. Когда Кармо попытался его расспросить об этом, то попросту получил толчок в спину.

С наступлением вечера, когда на «Молниеносном» убрали часть парусов, опасаясь столь частых здесь ураганов, Кармо и Ван Штиллер, не отходившие от капитанской рубки, увидели наконец курчавую голову африканца, поднимавшегося из кормового люка.

– Вот и кум!.. – воскликнул Кармо. – Надеюсь, ты скажешь, на борту ли еще командир, или он отправился на дно морское, чтобы побеседовать со своими братьями. От него всего можно ожидать.

– И то верно, – подтвердил Ван Штиллер. – Ведь это не человек, а дьявол. Не то что мы с вами...

– Эй, кум, – обратился Кармо к африканцу. – Ты что-то обходишь стороной старых знакомых.

– Меня хозяин задержал, – ответил Моко.

– Есть, значит, новости?.. Что подделывает командир?

– Он сильно не в духе.

– Никогда, даже на Тортуге, я не видел, чтобы он был веселым или хоть раз улыбнулся.

– Он только и говорит о своих братьях и о том, какую ужасную месть он готовит.

– Уж в этом, кум, не сомневайся. Черный Корсар – не такой человек, чтобы бросить начатое дело, и не хотел бы я оказаться на месте губернатора Маракайбо и всех его близких. Ван Гульд, конечно, смертельно ненавидит Черного Корсара, но дорого ему это обойдется.

– А в чем тут дело, вы не знаете, белый кум?

– Говорят, Ван Гульд ненавидит его давно и поклялся мстить трем корсарам еще до того, как переехал в Америку и предложил свои услуги Испании.

– Значит, вся история началась еще в Европе?

– Да.

– И они столкнулись, видимо, там? – спросил африканец.

– Так говорят, ибо стоило Ван Гульду стать губернатором Маракайбо, как у острова Тортуга появились три прекрасно оснащенных судна, которыми командовали корсары – Черный, Красный и Зеленый. Все три пирата были смелыми, отважными мореходами, неукротимыми, как львы, бойцами. Самым младшим был Зеленый Корсар, самым старшим Черный Корсар. В храбрости они не уступали друг другу, а в искусстве владения оружием им не было равных среди пиратов Тортуги. Вскоре смельчаки вселили ужас в испанцев, плававших в Мексиканском заливе. Не сосчитать разграбленных ими судов, взятых штурмом городов. Их корабли были самыми быстроходными, и они были вооружены лучше всех на Тортуге.

– Охотно верю, – согласился африканец. – Достаточно взглянуть на это судно.

– Но настали, однако, и для них черные дни, – продолжал Кармо. – Отплыв однажды на одном из своих кораблей в неизвестном направлении, Зеленый Корсар наткнулся на испанскую эскадру, был побежден в неравном бою, схвачен и отвезен в Маракайбо, где был повешен Ван Гульдом.

– Это я помню, – сказал африканец. – Но тело его не досталось диким зверям.

– Нет, потому что Черный Корсар с горсткой верных ему людей пробрался ночью в Маракайбо и выкрал тело брата, чтобы похоронить его в море.

– Да, об этом мы узнали после. Ван Гульд же, говорят, пришел в ярость оттого, что упустил второго брата, и приказал расстрелять четырех часовых, охранявших повешенных на площади Гранады.

– Потом пришел конец Красному Корсару, и он теперь тоже лежит на дне Карибского моря, но третий брат, самый отчаянный из всех, не успокоится до тех пор, пока не сотрет с лица земли всех Ван Гульдов.

– Он скоро вернется в Маракайбо, кум. Он расспрашивал меня о таких подробностях, без которых не обойтись при взятии города с моря.

– Пьетро Нау, известный под грозной кличкой Олоне, еще на Тортуге, и он дружен с Черным Корсаром. А кто в силах устоять перед этими храбрецами? К тому же... – Тут Кармо остановился и, толкнув в бок африканца и стоявшего рядом Ван Штиллера, сказал им: – Взгляните на Черного Корсара!.. Разве он не внушает всем страх? Да он вылитый морской бог!..

Флибустьер с африканцем перевели взор на капитанский мостик.

Корсар был там, как всегда в черной одежде, с надвинутой на лоб широкополой шляпой, на которой развевалось огромное черное перо. Бесшумно, в полном одиночестве, медленно прогуливался он по мостику, опустив голову и скрестив руки на груди.

Его помощник Морган наблюдал за ходом корабля, не осмеливаясь прервать раздумья капитана.

– Ну чем он не призрак? – пробормотал вполголоса Ван Штиллер.

– А Морган ничуть не отличается от своего компаньона, – заметил Кармо. – Если один мрачнее ночи, то другой отнюдь не веселее. Вот уж действительно, два сапога – пара. Тихо!..

В сумерках прозвучал чей-то возглас. Он донесся с реи грот-мачты, на которой неясно чернел силуэт наблюдателя.

Дозорный дважды прокричал:

– Вдали, слева по ветру, корабль!

Прожаживавшийся по мостику Черный Корсар резко остановился.

Стоя неподвижно, он в течение секунды всматривался в наветренную сторону, но с палубы невозможно было заметить корабль, плывущий на расстоянии шести-семи миль.

Обратившись к Моргану, также смотревшему вдаль, он приказал:

– Распорядитесь потушить огни.

Получив приказ, моряки поспешили прикрыть два огромных фонаря, горевшие на баке по левому и правому борту.

– Марсовый, куда плывет корабль? – спросил Корсар, когда на «Молниеносном» воцарилась полная тьма.

– К югу, капитан.

– К берегам Венесуэлы?

– Скорее всего.

– Сколько миль до него?

– Пять или шесть.

– Ты уверен, что не ошибся?

– Да, мне ясно видны его фонари.

Перегнувшись с мостика, Корсар крикнул:

– Свистать всех наверх!

Менее чем за полминуты все сто двадцать флибустьеров, составлявшие команду «Молниеносного», оказались на боевых местах: палубные у парусов, марсовые на мачтах, стрелки на марсах и на баке, остальные расположились вдоль бортов, а артиллеристы с зажженными фитилями в руках стали наготове у пушек.

Порядок и дисциплина, царившие на борту флибустьерских кораблей, были таковы, что в любой час дня или ночи, независимо от обстоятельств, все моряки занимали свои места с удивительной быстротой, невиданной даже на военных кораблях, ходивших под флагом великих морских держав.

Смелые мореходы, стекавшиеся в Мексиканский залив со всех концов Европы, где их вербовали из числа отверженных в морских портах Франции, Италии, Голландии, Германии и Англии, люди, не лишённые подчас самых ужасных пороков, но не боявшиеся смерти и готовые на любое отчаянное предприятие, на флибустьерских кораблях были послушнее овец. Они отлично знали, что их предводители не простят ни малейшего проступка и что за трусость и неповиновение их могут тут же прикончить или высадить на берег какого-нибудь пустынного островка.

Убедившись, что люди его на месте (для чего пришлось пересчитать всех поголовно), Корсар обратился к ожидавшему его распоряжений Моргану:

– Вы полагаете, что корабль...

– Испанский, сеньор, – ответил помощник.

– Вечно эти испанцы! – воскликнул мрачно Корсар. – Эта ночь кончится для них плохо, и вряд ли многие из них доживут до завтрашнего дня.

– Мы нападём ночью, сеньор?

– Да, и отправим на дно. Там спят мои братья.

– Как вы прикажете, сеньор.

Вскочив на фальшборт и держась за канат, Морган вглядывался в даль...

В темноте, скрывавшей шумевшее море, у самой воды мерцали две светлые точки, которые невозможно было спутать со звездами, блестящими на горизонте.

– Они в четырех милях, – сказал помощник.

– И по-прежнему идут на юг? – спросил Корсар.

– Да, в Маракайбо.

– Тем хуже для них. Дайте команду развернуться и идти наперерез. Велите принести на палубу сотню гранат и проверьте, все ли закреплено в каютах и проходах.

– Мы пойдем на таран?

– Да, если это будет возможно.

– Пленных брать, сеньор?

– Зачем они нам?

– На корабле могут оказаться ценности.

– У меня на родине есть пока обширные владения.

– Я имею в виду наших людей.

– Для них у меня есть золото. Перемените галс, сеньор.

После первой команды на борту пиратского судна раздался свисток боцмана. С неописуемой быстротой маневровые принялись брасопить паруса, в то время как рулевой круто повернул румпель влево.

«Молниеносный» лег на другой галс мгновенно и, подгоняемый легким бризом, дувшим с юго-востока, взял курс на далекие огни.

Легкий как птица, он, словно призрак, бесшумно скользил в потемках, оставляя за кормой пену.

Неподвижные, как статуи, стрелки молча следили за вражеским кораблем, сжимая в руках аркебузы, из которых они стреляли без промаха, в то время как артиллеристы, суетившиеся у пушек, раздували фитили, готовясь открыть ураганный огонь.

Черный Корсар и Морган не сходили с капитанского мостика. Облокотившись на перила друг возле друга, они не сводили взора с двух светящихся точек, двигавшихся в темноте на расстоянии менее трех миль.

Стоя на полубаке, Кармо, Ван Штиллер и африканец беседовали вполголоса, поглядывая то на преследуемый корабль, спокойно продолжавший свой путь, то на Черного Корсара.

– Скверная ночь выдалась для этих людей, – сказал Кармо. – Боюсь, капитан никого не пощадит: он сегодня особенно зол на испанцев.

– Кажется, кораблик-то внушительный, – заметил Ван Штиллер, прикинув на глаз высоту фонарей от уровня моря. – Не хотел бы я, чтобы он оказался линейным кораблем, идущим на соединение с эскадрой адмирала Толедо.

– Черного Корсара ничем не испугаешь. Пока еще ни одно судно не могло устоять перед «Молниеносным», да говорят еще, что капитан хочет идти на таран.

– Черт возьми! Если дело и дальше так пойдет, то рано или поздно «Молниеносный» обломает себе нос.

– Он крепок, как утес, мой дорогой.

– Но и утесы иногда рушатся.

– Типун тебе на язык!

В этот момент голос Черного Корсара неожиданно прорезал тишину, царившую на борту корабля:

– Маневровые! Поставить марса-лиселя и брам-лиселя!

Марсовые тотчас же развернули добавочные паруса.

– В погоню!.. – воскликнул Кармо. – Видать, испанец идет неплохо, раз «Молниеносному» потребовались лиселя.

– Говорят тебе, это линейный корабль, – твердил Ван Штиллер. – Смотри, какие у него высокие мачты.

– Тем лучше!.. Будет дело!

В этот миг с вражеского корабля раздался чей-то громкий голос. Ветром его донесло до пиратов:

– Внимание!.. Подозрительный корабль с левой!..

Флибустьеры увидели, как Черный Корсар, нагнувшись к Моргану, что-то ему прошептал, а затем, спустившись с мостика на квартердек, воскликнул:

– Взять штурвал на себя!.. Ребята, в погоню!..

Всего лишь миля разделяла корабли, но скорость была велика у обоих, и расстояние между ними ничуть не уменьшалось.

Прошло около получаса, и вдруг на испанском корабле вспыхнуло ослепительное зарево, осветившее мостик и часть рангоута. Вслед за тем по черным волнам моря раскатился гром орудий, отдавшийся глухим несмолкающим гулом у самого горизонта.

Мгновение спустя в воздухе послышался знакомый флибустьерам свист ядер, и огромный снап брызг взмыл вверх в двадцати локтях от кормы пиратского корабля.

Никто из корсаров не проронил ни слова. На лице Черного Корсара, презрительно встретившего посланцев смерти, появилась саркастическая улыбка.

После первого залпа, означавшего предупреждение преследователям, вражеское судно переменяло галс, обнаружив решительное намерение направиться в залив, к Маракайбо.

При виде этого маневра Черный Корсар, прильнув к фальшборту у вантов, обратился к Моргану.

– На бак, сеньор! – приказал он.

– Открыть огонь?

– Нет, еще слишком темно. Приготовьте все для абордажа.

– Пойдем на абордаж, сеньор?

– Там видно будет.

Сойдя с полюта, Морган позвал боцмана и отправился с ним на палубу, где человек сорок с обнаженными абордажными саблями и ружьями в руках столпились на полубаке.

– Живо!.. – скомандовал он. – Приготовить абордажные дреки.

Обратившись затем к морякам, укрывшимся за фальшбортом, он приказал:

– Подготовьте мостки, привалите матрасы к бортам!

Все сорок корсаров с бака молча, соблюдая полный порядок, принялись за работу под придирчивым взглядом помощника.

Эти люди неукоснительно повиновались Черному Корсару, но и перед Морганом, человеком несгибаемой воли и львиной храбрости, трепетали.

Наделенный необыкновенной физической силой и выносливостью, красотой, обаянием и душевной щедростью, Морган, как и Черный Корсар, умел покорять сердца выдавших виды морских волков и заставлял слушаться с полуслова.

Под его руководством менее чем за двадцать минут между правым и левым бортом были воздвигнуты два мощных заслона из бревен и бочек, наполненных железным ломом для защиты квартердека и полюта на случай, если враги ворвутся на палубу.

Пятьдесят ручных гранат были уложены возле бревен, абордажные кошки – на фальшборте и на скатанных матрасах, образовавших нечто вроде амбразур.

После этого Морган отозвал людей на полубак. Встав у бушприта, он наблюдал за кораблем, придерживая одной рукой саблю, а другой – пистолет.

В это время вражеское судно находилось не более чем в шестистах-семистах метрах. Полностью оправдывая свое название, «Молниеносный» уверенно сокращал дистанцию, готовясь нанести противнику страшный, неотвратимый удар.

Несмотря на темноту безлунной ночи, испанский корабль можно было уже разглядеть.

Как и подозревал Ван Штиллер, это был линейный корабль весьма внушительных размеров: над высокими бортами возвышался огромный полуют, все три мачты гнулись от множества надутых парусов.

Это было военное судно, несомненно хорошо вооруженное и управляемое многочисленным и закаленным в боях экипажем, готовым оказать упорное сопротивление.

Любой другой корсар с Тортуги вряд ли пошел бы на риск: ведь при благоприятном исходе сражения на вражеском судне нечем было поживиться. Другое дело, если это был торговый корабль или галера, нагруженная сокровищами из рудников Мексики, Юкатана и Венесуэлы. Но не так поступал Черный Корсар, не помышлявший о богатстве.

Возможно, что во вражеском судне он видел мощного союзника Ван Гульда, спешившего пополнить эскадру адмирала Толедо или укрепить оборону Маракайбо, потому и стремился уничтожить его сейчас, чтобы не иметь с ним дела в будущем.

Когда расстояние между судами сократилось до пятидесяти метров, испанец, видя, что преследователь от него не отстает, и не сомневаясь больше в зловещих замыслах корсара, снова дал залп из самой мощной пушки.

Ядро на этот раз упало не в море. Пробив фор- и грот-марсели, оно срезало бизань-гафель и повалило черный флаг флибустьера.

Оба старших артиллериста с квартердека обернулись к Черному Корсару, стоявшему по-прежнему у штурвала с рупором в руках:

– Не пора ли начинать, капитан?

– Рано, – ответил Корсар.

Третий выстрел, прозвучавший оглушительнее первых, раздался над морем, и новое ядро понеслось в направлении пиратского корабля. На этот раз оно пробило корму в трех шагах от штурвала.

Сардоническая усмешка вновь озарила лицо бесстрашного флибустьера, но он оставался безмолвным.

«Молниеносный» летел, словно черная птица, рассекавшая грудь ветер. Он все более ускорял свой бег, угрожая вражескому кораблю высоким водорезом, глухо разрезавшим морские волны.

Вид судна, словно возникшего из глубины моря, не подававшего ни малейшего признака жизни и не отвечавшего на угрозы, точно на нем не было ни души, должно быть, производил зловещее впечатление на суеверных испанцев.

Внезапно до флибустьеров донесся невообразимый шум. На вражеском корабле слышались отчаянные вопли и поспешные приказания.

Чей-то властный голос, по-видимому это был командир, раздался в потемках:

– Брасопить слева! Взять штурвал на себя! Из бортовых орудий – огонь!

Оглушительный залп прогремел с борта испанского корабля. И будто ночь внезапно озарилась вспышками молний. Семь пушек правого борта и оба штурмовых орудия с палубы изрыгнули огонь на корсаров. Ядра посыпались на корабль. Падали паруса, рвались снасти, катились ядра, рушились фальшборты, но ничто не могло остановить порыва «Молниеносного».

Управляемый твердой рукой Черного Корсара, «Молниеносный» со всего хода обрушился на огромный корабль. К счастью для последнего, поворот штурвала, вовремя сделанный рулевым, спас его от трагической гибели.

Резкая перемена галса и вынос правого борта в сторону позволили испанцам чудом избежать удара водорезом, грозившего отправить корабль ко дну.

«Молниеносный» прошел там, где секунду назад находилась корма вражеского судна. Боком он резко толкнул испанца: послышался треск, отдавшийся в трюме, но это были всего лишь повреждения бизань-гафеля и части гакаборта.

Не попав в цель, пиратский корабль молнией пронесся мимо и исчез в темноте, так и не дав врагу рассмотреть свое вооружение и оставив его в неведении относительно численности своего экипажа.

– Гром и молния!.. – воскликнул Ван Штиллер, затаивший дыхание в ожидании неминуемого толчка. – Вот уж называется – людям повезло!..

– Я и ломаного гроша не дал бы за всех, кто плавает на этом корабле, – заметил Кармо. – Можно себе представить, как дружно они пойдут ко дну.

– Как ты думаешь, не попробует ли капитан повторить свой маневр?

– Ну теперь их не проведешь, они живо встанут к нам носом.

– И хорошенько нам всыпят. Было бы дело днем, не миновать нам гибели.

– А сейчас мы отделались одними царапинами.

– Тише, Кармо.

– А в чем дело?

– К повороту готовься! – раздалась команда.

– Никак возвращаемся? – спросил Ван Штиллер.

– Черт побери!.. Уж кто-кто, а капитан не даст испанцам уйти, – ответил Кармо.

– К тому же и тот, видать, не робкого десятка.

В самом деле, вместо того чтобы продолжить свой путь, испанский корабль встал против ветра, словно намереваясь принять бой.

Он медленно кружился на одном месте, подставляя нос противнику.

Но «Молниеносный» сделал бортовой поворот в двух милях от врага, готовясь к нападению. Он медленно стал описывать большие круги, стараясь держаться, однако, вне досягаемости его пушек.

– Понятно, – сказал Кармо, – наш командир хочет дождаться рассвета, чтобы пойти на абордаж.

– И помешать испанцам удрать в Маракайбо, – добавил Ван Штиллер.

– Да, конечно. Итак, дорогой, будем готовы к борьбе не на жизнь, а на смерть, и, уж как принято у нас, флибустьеров, коли мне суждено погибнуть от вражеской пули или пасть под ударами сабель на палубе вражеского корабля, то наследником моего скромного состояния будешь ты...

– А из чего оно состоит?.. – спросил со смехом Ван Штиллер.

– Из двух изумрудов, но за каждый дадут по крайней мере по полсотни пиастров. Найдешь их в моем поясе.

– Ого, на это можно неделю гулять на Тортуге! А моим наследником будешь ты, но предупреждаю, что больше чем тремя дублонами, зашитыми в кушаке, тебе не поживиться.

Тем временем «Молниеносный» продолжал лавировать вокруг линейного корабля, который, не покидая своего места, старался не упускать его из виду. Словно сказочная птица, кружился испанец на месте, угрожая противнику жерлами своих пока молчавших пушек.

Черный Корсар не оставлял штурвала. Его глаза, горевшие мрачным огнем, ни на минуту не отрывались от вражеского судна, словно стараясь разгадать, что происходит у него на борту, чтобы захватить его врасплох и нанести ему сокрушительный удар.

Экипаж «Молниеносного» взирал на него с суеверным страхом. Этот человек, управлявший своим кораблем так, будто вдохнул в него душу, умевший почти без смены парусов настичь обреченную жертву, а теперь неподвижно застывший на мостике, вызывал своей угрюмостью смятение даже среди бывалых моряков.

Всю ночь пиратский корабль кружил вокруг противника, не отвечая на выстрелы то и дело безуспешно грохотавших пушек. Но когда звезды стали бледнеть, а воды залива порозовели от первых лучей зари, на «Молниеносном» вновь прогремел голос Корсара.

– Ребята! – крикнул он. – По местам!.. Поднять флаг!

Перестав описывать круги вокруг испанского корабля, «Молниеносный» двинулся прямо на него с явным намерением подойти вплотную.

Большой черный стяг с эмблемой Корсара взвился на вершине бизань-мачты, где его наглухо прибили матросы в знак того, что они намерены во что бы то ни стало победить или погибнуть, не сдаваясь в плен.

Артиллеристы на баке нацелили пушки на врага, а флибустьеры, просунув аркебузы в щели между матрасами, приготовились засыпать противника пулями.

Убедившись, что все на местах, Черный Корсар взглянул на марсовых, поспешно взбравшихся по вантам, и кинул клич:

– Морские волки!.. Действуйте по своему усмотрению!.. Да здравствует морская вольница!..

Три мощных «ура» грянули на палубе пиратского корабля, смешавшись с грохотом обеих пушек.

Встав по ветру, линейный корабль ринулся навстречу пиратам. Должно быть, им управляли смелые и отважные люди, ибо обычно испанские корабли старались держаться подальше от корсаров с Тортуги, зная по опыту, что с этими головорезами дела плохи.

В тысяче футов вновь завязалась яростная перестрелка. Меняя галсы, испанский корабль изрыгал то справа, то слева огонь и клубы дыма.

Это была огромная трехпалубная шхуна с полной парусной оснасткой, с высоким бортом, вооруженная четырнадцатью пушками, – настоящий боевой корабль, возможно отделившийся из-за срочных дел от эскадры адмирала Толедо.

На корме, на капитанском мостике, стоял командир в расшитом мундире, с саблей в руках, окруженный помощниками. На палубе было тесно от матросов.

Гордо поблескивая испанским штандартом, поднятым на грот-мачте, мощный корабль, извергая гром и молнии, бестрепетно шел навстречу «Молниеносному».

Несмотря на гораздо меньшие размеры, пиратский корабль упрямо шел вперед, невзирая на сыпавшиеся ядра. Он все больше ускорял свой ход, огрызаясь носовыми пушками и ожидая, быть может, подходящего случая, чтобы разрядить все двенадцать пушек, стволы которых торчали из бортовых люков. Ядра засыпали его палубу, пробивали борта, залетали в трюм, на батарее, мешали маневрам и опустошали ряды флибустьеров на баке. Но «Молниеносный» не снижал скорости и по-прежнему смело лез на abordаж.

В четырехстах метрах меткие стрелки пришли на помощь артиллеристам, прошив пулями палубу вражеского корабля.

В скором времени их шквальный огонь должен был нанести испанцам непоправимый урон, ибо, как мы говорили, флибустьеры стреляли без промаха. Недаром среди них были буканьеры – охотники на диких быков.

От пуль их аркебуз погибало больше врагов, чем от огня пушек. Флибустьеры косили бортовых стрелков десятками, не щадили прислугу носовых пушек и офицеров с капитанского мостика.

Не прошло десяти минут, и мало кто остался в живых из испанцев. Пал в бою и капитан еще до того, как оба корабля вплотную подошли друг к другу.

Но засевших в трюмах моряков было значительно больше, чем палубных матросов. Так что победу предстояло еще завоевывать.

В двадцати метрах друг от друга оба корабля круто развернулись и встали бортом друг к другу. Тут же послышался голос корсара, перекрывший грохот вражеских орудий:

– Грот и грот-марсель готовы! Вынести фок на ветер! Обтянуть бизань!..

От резкого поворота штурвала «Молниеносный» качнулся и уперся в ванты бизань-мачты испанского корабля.

Корсар соскочил с полубака и, размахивая саблей и пистолетом, закричал:

– Ребята! На abordаж!

11

Фламандка

При виде командира и Моргана, устремившихся к вражескому судну, которому некуда было деваться, флибустьеры, все как один, ринулись за ними.

Побросав огнестрельное оружие, почти бесполезное в рукопашной схватке, и вооружившись абордажными саблями и пистолетами, они лавиной хлынули вперед, сметая все на своем пути.

С помощью своевременно брошенных абордажных дреков моряки стали подтягивать корабли друг к другу, но некоторые смельчаки, сгорая от нетерпения, взобрались на бушприт и, ухватившись за найтовы и кливера или спустившись по канатам, прыгали на палубу вражеского корабля.

Но тут они неожиданно встретили сильное сопротивление. Из люков, яростно размахивая оружием, повалили трюмовые матросы.

Всего их было около сотни. Предводительствовали оставшиеся в живых офицеры, бомбардиры и их помощники.

В один миг рассыпались они по палубе, забрались на полубак, отбросили тех флибустьеров, что оказались на корабле в числе первых, в то время как другие, овладев полуюзом, в упор стреляли из палубных пушек, обрушив на пиратский корабль ураганный картечный огонь.

Оба корабля, притянутые абордажными дреками, касались бортами друг друга. Черный Корсар не стал медлить. Перескочив через борт, он бросился на палубу испанского корабля.

– За мной, флибустьеры! – воскликнул он.

Морган последовал его примеру, следом за ними хлынули стрелки, в то время как марсовые изо всех сил швыряли с рей и вантов гранаты, стараясь попасть в толпу испанцев и расстрелять их из пистолетов и аркебуз. Поднялся невообразимый, адский грохот.

Борьба разгоралась со страшной силой.

Черный Корсар трижды водил своих людей на штурм полуюза, где засели около семидесяти испанцев, но трижды их отбрасывали назад, сметая огнем из обеих пушек. Моргану также не удалось овладеть полубаком.

Осажденные сражались с не меньшим пылом, чем нападавшие. Понеся ужасные потери от пуль аркебузирова, испанцы, ряды которых заметно редели, оказывали сопротивление, предпочитая смерть позорному плену.

Они не дрогнули и тогда, когда с мачт пиратского корабля на них обрушились гранаты. Возле них выросла целая гора убитых и раненых, но огромное полотнище испанского стяга по-прежнему реяло на грот-мачте, поблескивая золотым крестом в лучах восходящего солнца. Силы обороняющихся были, однако, на исходе. Разъяренные неожиданным отпором, флибустьеры во главе с командирами, сражавшимися в первых рядах, в последнем порыве устремились на штурм полуюза. Вот они взбираются по вантам, прыгают на врага с бизань-штага, проникают в его стан через кормовые проходы, хватаются за шкоты, перебегают по фальшборту, наседая со всех сторон на последних защитников несчастной шхуны.

И вот Черный Корсар врывается в группу оставшихся воинов. Отбросив абордажную саблю, он обнажает шпагу.

Его клинок со свистом рассекает воздух, парируя удары, направленные ему прямо в грудь, разит и колет направо и налево. Никто не может устоять перед его натиском, его удары неотразимы. В толпе противника образуется брешь, она становится все шире и шире.

Тем временем Морган вместе с толпой флибустьеров теснит своих противников.

Захватив шканцы, он готовится расправиться с немногими оставшимися в живых, с отчаянной яростью защищающими штандарт корабля, развевающийся на бизань-мачте.

– Добьем их, ребята! – восклицает Морган с жаром.

Но его останавливает Черный Корсар.

– Моряки! Врагов убивают, но побежденным даруют жизнь! Сдавайтесь! – воскликнул корсар, приближаясь к испанцам, сгрудившимся возле штурвала. – Отважных ждет пощада!

Боцман, единственный оставшийся в живых из командных чинов, выступил вперед и бросил наземь обагренный в крови топор.

– Мы разбиты, – глухо сказал он. – Мы в вашей воле.

– Возьмите свой топор, боцман, – сурово ответил Корсар. – Доблестные люди, с таким упорством защищающие стяг далекой родины, заслуживают уважения.

Затем он перешел к остальным, не обращая внимания на удивление боцмана, столь естественное, – ведь флибустьеры редко щадили побежденных и никогда без выкупа не отпускали на волю.

Из защитников испанского корабля осталось всего восемнадцать человек, почти все они были ранены. Побросав оружие, они с мрачным видом ожидали своей участи.

– Морган, – сказал Корсар, – прикажите спустить на воду баркас с провиантом на неделю.

– Как, мы отпустим их на свободу? – спросил разочарованный помощник капитана.

– Да, сеньор. Смелость, даже побежденная, заслуживает награды.

Услышав эти слова, боцман выступил вперед и сказал:

– Спасибо, капитан. Мы никогда не забудем благородства того, кого зовут Черным Корсаром.

– А теперь отвечайте мне: откуда вы начали плавание?

– Из Веракруса.

– Куда направлялись?

– В Маракайбо.

– Вас ждет губернатор? – спросил корсар, нахмурившись.

– Откуда мне знать, сеньор. Только капитан мог бы ответить на ваш вопрос.

– Вы правы. К какой эскадре приписан ваш корабль?

– К эскадре адмирала Толедо.

– Что у вас в трюме?

– Порох и ядра.

– Можете идти, вы свободны.

Но вместо того чтобы подчиниться, боцман посмотрел на него с растерянностью, не ускользнувшей от глаз Корсара.

– Вы хотите что-то сказать? – спросил он.

– На борту есть еще люди, капитан.

– Это пленники?

– Нет, женщины со слугами.

– Где они?

– В кают-компании.

– Что за женщины?

– Капитан не говорил, но сдается мне, что среди них есть одна знатная дама.

– Кто такая?

– Герцогиня, я думаю.

– На военном корабле!.. – в изумлении воскликнул Корсар. – Где она села на корабль?

– В Веракрусе.

– Хорошо. Она поедет с нами на Тортугу, и если захочет получить свободу, то заплатит столько, сколько захотят мои моряки. Отправляйтесь, храбрые защитники своего стяга. Желаю вам счастливо добраться до берега.

– Спасибо, сеньор.

Флибустьеры спустили баркас на воду, положили в него провиант на семь дней, несколько ружей и немного патронов.

Боцман и восемнадцать матросов сели в баркас, поглядывая на испанский стяг, медленно спускавшийся с грот-мачты вместе с флажком, развевавшимся на вершине бизань-мачты. В это время ввысь взвились черные флаги флибустьеров, приветствуемые залпами палубных пушек.

Поднявшись на полубак, Черный Корсар следил, как быстро удалялся баркас, направлявшийся к югу, туда, где начиналась широкая бухта Маракайбо.

Как только баркас скрылся вдаль, капитан медленно сошел на палубу, пробормотав:

– И такие люди служат предателю!..

Взглянув на моряков, оказывавших первую помощь раненым и заворачивавших убитых в брезент, прежде чем опустить их в море, он знаком велел Моргану приблизиться.

– Передайте моему экипажу, – сказал он, – что я отказываюсь от причитающейся мне доли за продажу корабля.

– Сеньор!.. – воскликнул пораженный помощник. – Этот корабль, вы же знаете, стоит несколько тысяч пиастров.

– Какое мне дело до денег? – презрительно ответил Корсар. – Я веду войну из мести, а не ради наживы. К тому же свою долю я получил.

– Это неправда, сеньор.

– Как же, а восемнадцать пленников? Отвези мы их на Тортугу, им бы пришлось просить заплатить за себя выкуп.

– Пустяки! Вряд ли за всех вместе дали бы тысячу пиастров.

– Мне и этого довольно. Спросите потом у ребят, сколько они хотят получить за даму, которая находится на этом корабле. В Веракрусе или в Маракайбо наверняка раскошелятся, если захотят видеть ее на свободе.

– Наши люди падки до денег, но они любят своего командира и с удовольствием отдадут ему пленных из кают-компания.

– Посмотрим, – сказал Корсар, пожимая плечами.

Он собирался было пойти на корму, как вдруг дверь кают-компания распахнулась и появилась юная красавица в сопровождении двух дам и двух роскошно одетых пажей.

Она была высока и стройна. Кожа лица ее отличалась необыкновенной нежностью и тем розоватым оттенком, который так свойствен девушкам северных, и особенно англосаксонских и Скандинавских, стран.

У нее были длинные волосы светло-русого цвета, отливавшие скорее серебром, чем золотом. Они были заплетены в толстую косу, завязанную голубой лентой с жемчугом. Ее красивые глаза, цвет которых нелегко было определить, временами поблескивали вороненой сталью, а тонкие брови были темными.

Девушка была одета согласно моде того времени, и ее платье из голубого шелка с кружевным воротом хотя и было очень элегантным, в то же время отличалось строгостью стиля. На нем не было ни золотых, ни серебряных украшений, хотя у ворота висело несколько нитей крупного жемчуга, наверняка стоившего не одну тысячу пиастров, а в ушах сверкали серьги с двумя крупными изумрудами, столь редкими и высоко ценимыми в те времена. Ее сопровождали две камеристки – красивые мулатки. Их кожа отливала медью. Оба пажа были также мулатами.

Увидев залитую кровью палубу, убитых и раненых, сломанное оружие и пушечные ядра, девушка отшатнулась, отступив назад, словно собираясь вернуться в кают-компанию, но, бросив взгляд на Черного Корсара, остановившегося в двух шагах от нее, она нахмурила брови и сурово спросила:

– Что произошло здесь, сеньор?

– Нетрудно догадаться, сеньорита, – ответил Корсар с поклоном. – Ужасное сражение, в котором испанцам не повезло.

– А вы кто такой?

Бросив в сторону шпагу, которую он не успел вложить в ножны, Корсар галантно приподнял широкополую шляпу с пером и любезно представился:

– Заморский дворянин, сеньорита.

– Это мало о чем говорит, – сказала девушка, несколько смягченная любезностью Корсара.

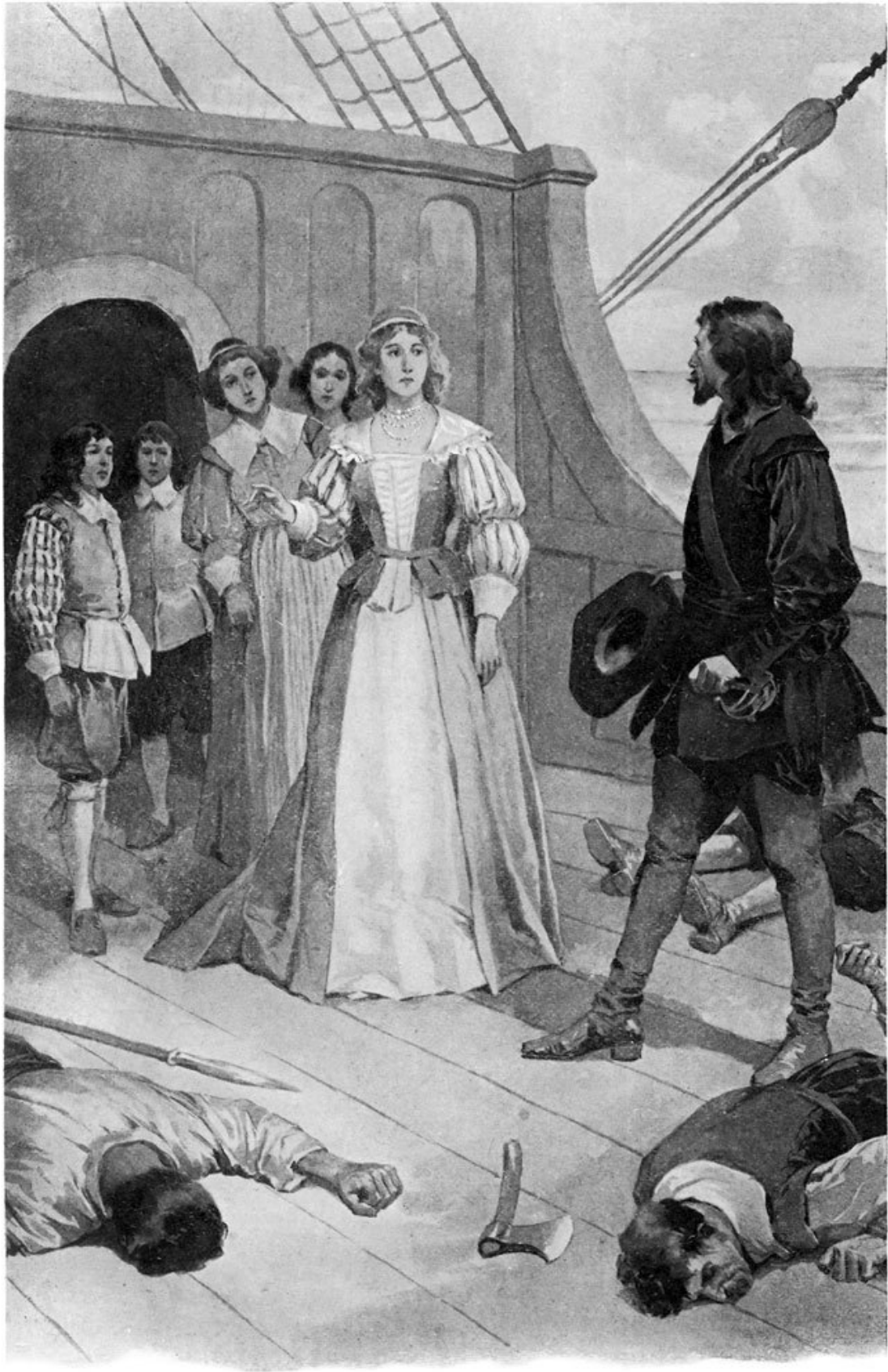
– Тогда добавлю, что меня зовут Эмилио ди Рокканера и я – владелец Вальпенты и Вентимильи, но здесь ношу совсем другое имя.

– Какое же, кабальеро?

– Меня зовут Черный Корсар.

Лицо незнакомки исказилось ужасом, румянец мгновенно схлынул со щек, ставших бледными, как алебастр.

– Черный Корсар... – прошептала она, глядя на него в растерянности. – Ужасный корсар с Тортуги, заклятый враг испанцев...

...Вдруг дверь кают-компанин распахнулась и появилась юная красавица...

– Ошибаетесь, сеньорита. С испанцами я воюю, но у меня нет причин ненавидеть их, и вы только что видели доказательство этому – я отпустил на волю оставшихся в живых защитников вашего судна. Взгляните туда, где море сливается с небом. Видите точку, которая кажется затерянной в бесконечном пространстве? Это баркас, на котором плывут к берегу восемнадцать испанских моряков, хотя по военным законам я мог бы их убить или лишить свободы.

– Значит, мне лгали, когда говорили, что нет никого ужаснее вас на Тортуге?

– Да, лгали, – ответил флибустьер.

– А как вы поступите со мной, кабальеро?

– Разрешите, прежде чем я отвечу, задать вам один вопрос.

– Спрашивайте, сеньор.

– Кто вы такая?

– Фламандка.

– Как мне сказали – герцогиня.

– Да, кабальеро, – ответила она, опустив голову, словно не хотела, чтобы Корсар знал о ее высоком положении в обществе.

– Не можете ли вы назвать свое имя?

– Это необходимо?

– Мне надо знать, кто вы такая, если вы хотите обрести вновь свободу.

– Свободу!.. Ах да!.. Ведь я совсем забыла, что теперь я ваша пленница.

– Не моя, сеньорита, а всех флибустьеров. Будь на то моя воля, вы немедленно получили бы лучшую шлюпку и самых надежных матросов, которые отвезли бы вас в ближайший порт, но я не властен над законами морского братства.

– Спасибо, – сказала она, улыбаясь. – Иначе было бы не понятно, как рыцарь из рода герцогов Савойских опустился до такого занятия, как морской разбой.

– Вы хотите обидеть флибустьеров, сеньорита? – сказал Корсар, нахмутив брови. – Морские разбойники!.. Гм... А сколько среди них тех, кого принудили стать мстителем! Разве Монбар воевал не из мести за бедных индейцев, доведенных до нищеты ненасытной жадностью испанских авантюристов? Как знать, быть может, в один прекрасный день вам станет известно, по какой причине дворянин из рода герцогов Савойских оказался в водах Мексиканского залива... Ваше имя, сеньорита?

– Онората Виллерман, герцогиня Вельтендрёмская.

– Хорошо, сеньорита. Удалитесь пока в кают-компанию, ибо нам предстоит невеселая церемония погребения отважных героев, павших в борьбе, но сегодня вечером я жду вас к ужину на борту моего корабля.

– Спасибо, кабальеро, – сказала фламандка, протягивая ему маленькую, как у ребенка, руку с тонкими пальцами.

Отвесив легкий поклон, девушка медленно направилась к себе, но, не доходя до кают-компания, обернулась и, увидя, что Черный Корсар по-прежнему стоит со шляпой в руке, приветливо ему улыбнулась.

Флибустьер не шелохнулся, но глаза его, по-прежнему устремленные к кают-компанию, заволоклись дымкой печали, а лоб еще больше нахмурился.

Минуту он стоял неподвижно, словно отгоняя от себя мучительное видение, затем двинулся с места и, покачав головой, прошептал:

– Безумие!

12

Пробуждение любви

Ужасное сражение между флибустьерами и испанцами принесло неисчислимые жертвы обеим сторонам. Более двухсот трупов лежали на палубе, полубаке и полуюте взятого пиратами корабля. Тут были и павшие от взрывов гранат, которыми марсовые забрасывали защитников судна, и убитые из ружей и пистолетов, и погибшие в рукопашных схватках.

Испанский корабль потерял сто шестьдесят человек, корсары – сорок восемь, не считая двадцати семи раненых, отправленных для оказания им помощи на «Молниеносный».

Во время перестрелки сами корабли потерпели немалый урон. «Молниеносный» благодаря стремительности нападения и быстроте маневрирования потерял лишь пару стеньг, которые нетрудно было заменить запасными, во многих местах у него был пробит фальшборт, теперь маневры были затруднены. Испанский же корабль оказался совсем в плачевном состоянии и вряд ли мог поднять паруса.

Его руль был погнут, грот-мачта, поврежденная у основания бомбой, грозила обрушиться при малейшей попытке поднять на ней паруса, бизань-мачта лишилась вантов и части оснастки, фальшборты еле держались.

И все же это был прекрасный корабль, за который после надлежащего ремонта дали бы немалые деньги на Тортуге, тем более что на нем было множество пушек и большой запас пороха, что весьма ценилось флибустьерами, ведь им обычно не хватало того и другого.

Справившись о понесенных потерях и об ущербе, причиненном обоим судам, Черный Корсар приказал немедленно приступить к необходимому ремонту, дабы поскорее покинуть места, где на него в любой момент могла напасть эскадра адмирала Толедо, не говоря уже о том, что до Маракайбо было рукой подать.

Печальная церемония длилась недолго. Быстро осмотрев карманы и кушаки убитых (ведь рыбы не нуждались в ценностях, шутливо заметил Кармо своему другу Ван Штиллеру), моряки связали их попарно, завернули в брезент и, привязав ядро к ногам, отправили в глубины Великого залива.

Покончив с этой печальной обязанностью, экипаж под присмотром боцманов и старшин очистил палубу от обломков и приступал к замене поврежденных в перестрелке снастей. На линейном судне пришлось, однако, срубить грот-мачту и укрепить бизань-мачту, а вместо руля поставить огромное весло, поскольку в запасе не оказалось ничего более подходящего.

И все же испанский корабль был не в состоянии идти своим ходом, и было решено, что «Молниеносный» возьмет его на буксир. К тому же Корсар не хотел разделять свой и без того поредевший экипаж.

Толстый канат, переброшенный с кормы пиратского корабля, был закреплен на носу испанского, и к вечеру корсары, подняв паруса, медленно поплыли к северу, стремясь укрыться под надежной защитой своего неприступного острова.

Отдав последние распоряжения, Черный Корсар велел усилить ночной дозор, ибо после яростной утренней перестрелки в непосредственной близости от берегов Венесуэлы он отнюдь не чувствовал себя в безопасности. Затем он приказал африканцу и Кармо отправиться на испанский корабль и доставить фламандку.

Пока оба посланца, усевшись в шлюпке, уже спущенной на воду, плыли к шхуне, шедшей на буксире за «Молниеносным», Черный Корсар быстро шагал по палубе, что выдавало волнение и глубокую озабоченность.

Против обыкновения он выглядел встревоженным. Время от времени капитан останавливался, словно какая-то мысль не давала ему покоя, затем направлялся к Моргану, стоявшему

на вахте на полубаке, словно собираясь отдать ему приказание, но, не дойдя до него, круто поворачивал и шел обратно.

Он был еще мрачнее, чем обычно. Моряки видели, как он трижды поднимался на полуют, нетерпеливо глядел на линейный корабль и поспешно возвращался. Остановившись на полубаке, он рассеянно смотрел, как, встав над горизонтом, луна серебрила море волнистыми бликами.

Услышав, однако, как по возвращении с испанского корабля лодка звучно стукнулась о борт, он поспешно оставил полубак и застыл у лесенки, спущенной с левого борта.

Не держась за поручень, Онората легко, как птица, поднялась на корабль. Она была в той же одежде, но голову ее покрывала разноцветная шелковая шаль с золотой каймой и длинной бахромой, как на мексиканских серапе.

Черный Корсар ждал ее, держа шляпу в руке и опершись на эфес шпаги.

– Благодарю вас, сеньорита, что вы удостоили мой корабль своим посещением, – сказал он ей.

– Это я, кабальеро, должна благодарить вас за то, что вы сообразовали принять меня на своем корабле, – ответила она с грациозным поклоном. – Ведь я ваша пленница.

Предложив девушке руку, он провел ее на корму и пригласил в кают-компанию.

Маленький салон, уютно расположенный под полуютом на уровне остальной палубы, был обставлен с такой элегантностью, что молодая фламандка, привыкшая жить среди великолепия и роскоши, не могла удержаться от изумленного возгласа.

Видно было, что владелец каюты, даже став корсаром, не отказался от удобств и роскоши, к которым привыкли его предки.

Стены салона были обтянуты голубым шелком, затканым золотом, и украшены большими венецианскими зеркалами; мягкий восточный ковер устилал пол, а на широких окнах, выходящих в море и разделенных изящными витыми колоннами, висели легкие кисейные занавески.

По углам были расположены четыре горки с серебряной посудой, в середине – отлично сервированный стол, покрытый белоснежной скатертью из голландского полотна. Вокруг стола были расставлены удобные кресла с большими металлическими набалдашниками на спинке, обитые голубым бархатом.

Два прекрасных серебряных канделябра заливали салон светом, от которого поблескивали зеркала и скрещенные клинки, висевшие над дверью.

Корсар пригласил к столу молодую фламандку и ее спутницу.

Великан Моко принялся подавать на стол кушанья в серебряных тарелках с гербом – это было изображение скалы и сидящих на ней четырех орлов, окаймленное загадочной надписью.

Ужин, состоящий главным образом из свежей рыбы, копченого мяса, тропических фруктов и сладостей, отборных итальянских и испанских вин, закончился в полной тишине, так как ни одно слово не сорвалось с уст Черного Корсара, а молодая фламандка не посмела отвлечь его от беспокойных дум.

После того как был подан шоколад по испанскому обычаю в крошечных фарфоровых чашечках, капитан, казалось, решил нарушить становившееся тягостным молчание, царившее в салоне.

– Извините, сеньорита, – сказал он, глядя на молодую фламандку. – Извините, что я не сумел занять вас любезным разговором, но с наступлением ночи мою душу часто охватывает глубокая печаль, а мысли обращаются к глубинам Великого залива или уносятся в дальние страны, омываемые Северным морем.

– И это вы? Самый бесстрашный из всех корсаров? – воскликнула девушка в изумлении. – Вы, которому покоряются моря и самые мощные корабли? Ведь по одному вашему знаку

сотни людей готовы пойти на смерть, вы не нуждаетесь в богатстве и роскоши, вас считают одним из самых прославленных вожаков флибустьеров. И вы печалитесь?..

– Взгляните на мое платье, сеньорита, и вспомните об имени, которое я ношу. Разве нет во всем этом чего-то печального?

– В самом деле... – ответила молодая фламандка, пораженная его словами. – Вы носите темное, как ночь, платье, и флибустьеры дали вам имя, от которого все трепещут. В Веракрусе, где я недолгое время гостила, мне рассказывали о вас такие истории, что кровь стыла в жилах.

– Какие же, сеньорита? – спросил с горькой усмешкой Корсар, вперив свой мрачный взор в лицо молодой фламандки, словно пытаясь прочесть ее мысли.

– Мне говорили, что, собираясь совершить ужасную месть, Черный Корсар пересек с двумя братьями Атлантический океан. Один из них носил зеленое, другой – красное платье.

– Так!.. – промолвил Корсар, все более мрачней...

– Мне сказали, что вы всегда отличались суровым и замкнутым характером, что не боялись выходить в море, когда на Антилах бушевал ураган, и что наперекор волнам и ветру ваш корабль бесстрашно бороздил воды Великого залива, бросая вызов силам природы, ибо вам покровительствовали демоны ада.

– Что же дальше? – спросил Корсар пронзительным голосом.

– А дальше оба – Зеленый Корсар и Красный Корсар – были повешены вашим смертельным врагом, человеком, который...

– Продолжайте, – промолвил Корсар.

Не закончив фразу, молодая фламандка запнулась, глядя на него с беспокойством и страхом.

– Что же вы умолкли? – спросил он.

– Я не смею говорить, – ответила она нерешительно.

– Вы боитесь, сеньорита?

– Нет. Но... Правда ли, что вы можете вызывать души умерших?

В этот миг огромная волна с грохотом налетела на борт корабля и глухой стон донесся из трюма. Брызги и пена окатили окна, замочив занавески.

Побледневший Корсар вскочил на ноги. Он бросил на девушку испытующий взгляд, но в его глазах тут же отразилось глубокое смятение. Подойдя к окну, он отворил его и выглянул наружу.

Море спокойно блестело под лучами ночного светила. Легкий бриз, раздувавший паруса «Молниеносного», лишь немного волновал пустынное море.

И все же по левому борту виднелся еще пенистый след, оставленный плеснувшей волной.

Черный Корсар молча стоял у окна, скрестив по привычке руки на груди и пристально вглядываясь в море. Можно было подумать, что горящим взором он хочет проникнуть в тайны Карибского моря.

Не говоря ни слова, девушка подошла к капитану. Ей было не по себе от гнетущей тишины.

– Что вы там видите, кабальеро? – спросила она.

Корсар не шелохнулся, словно не слыша вопроса.

– О чем вы думаете? – продолжала фламандка.

На этот раз Корсар отозвался.

– Вы спрашивали, – ответил он мрачно, – могут ли умершие оставить глубины моря, где они покоятся, и подняться к нам на поверхность?

Девушка вздрогнула.

– О каких умерших вы говорите?.. – спросила она после минутного молчания.

– О тех, кто умер... неотмщенным.

– Быть может, о ваших братьях?

– Быть может, – ответил Корсар едва слышно.

Затем он поспешно вернулся к столу и, наполнив бокалы белым вином, сказал с принужденной улыбкой, так не вязавшейся с его бледностью:

– За ваше здоровье, сеньорита! Время уже позднее, и вам пора возвращаться на шхуну.

– Ночь тиха, кабальеро, и ничто не грозит шлюпке, которая доставит меня обратно, – ответила девушка.

Взгляд Корсара, казалось, вдруг смягчился.

– Значит, вы хотите разделить мое общество, сеньорита? – спросил он.

– Если вы не возражаете.

– Напротив, сеньорита. Жизнь на море нелегка, и подобные минуты бывают так редко.

Но у вас, если не ошибаюсь, есть тайная причина для того, чтобы остаться.

– Возможно, что так.

– Слушаю вас, сеньорита.

– Скажите, кабальеро, это правда, будто вы оставили родные места, чтобы отомстить своему врагу?

– Да. Могу лишь добавить, что ни на земле, ни на море не будет мне покоя, пока не свершится эта страшная месть.

– Вы так сильно ненавидите этого человека?

– Я готов отдать всю свою кровь до последней капли во имя того, чтобы это свершилось.

– Но что же он сделал такого?

– Он уничтожил всю мою семью. Два дня назад я дал страшную клятву и сдержу ее, даже если для этого придется объехать весь свет и спуститься в преисподнюю. Рано или поздно я уничтожу моего врага и всех тех, кто имеет несчастье носить его имя.

– И этот человек находится здесь, в Америке?

– В одном из городов Великого залива.

– Но как его зовут?.. – спросила девушка с трепетом. – Быть может, я его знаю?

Вместо ответа Корсар пристально посмотрел ей в глаза.

– Вы очень хотите знать его имя?.. – спросил он, немного помолчав. – Но вы не член нашей вольницы, и вряд ли я вправе сообщить вам его.

Корсар тряхнул головой, словно отгоняя навязчивую мысль, затем поднялся и стал нервно ходить по каюте.

– Уже поздно, сеньорита, – проговорил он. – Вам надо возвращаться на корабль.

Обернувшись к африканцу, неподвижно застывшему у двери, словно статуя из базальта, он спросил:

– Шлюпка готова?

– Да, хозяин, – ответил африканец.

– Кто на веслах?

– Белый кум и его друг.

– Пойдемте, сеньорита.

Накинув на голову шелковую шаль, молодая фламандка встала.

Не произнося ни слова, Корсар предложил ей руку и отвел ее на палубу. По пути он дважды останавливался и заглядывал ей в лицо. Казалось, легкий вздох сорвался с его уст.

– Прощайте, сеньорита, – сказал он, когда они подошли к лестнице.

Она протянула ему свою маленькую руку и вздрогнула, ощутив трепет его руки.

– Спасибо за гостеприимство, кабальеро, – пробормотала девушка.

Он молча поклонился и препоручил ее Кармо и Ван Штиллеру, ожидавшим у лестницы.

В сопровождении мулатки девушка стала спускаться в лодку, однако, замешкавшись, она подняла голову и увидела Черного Корсара, наклонившегося через борт и пристально следившего за ней.

Вскочив в шлюпку, она села на корме рядом с мулаткой. Кармо и Ван Штиллер принялись грести, налегая на весла. Сделав несколько взмахов, они подогнали шлюпку к борту линейного корабля, медленно шедшего в кильватере «Молниеносного», тащившего его на буксире.

Взойдя на корабль, молодая фламандка, вместо того чтобы отправиться к себе в каюту, осталась на палубе и долго смотрела на пиратский корабль.

На корме, близ руля, при свете луны она ясно различила черную фигуру Корсара с длинным пером на шляпе, развевающимся на ветру.

Прислонившись к фальшборту, он стоял неподвижно, опершись на эфес своей грозной шпаги. Его взгляд неотступно следил за испанским кораблем.

– Взгляни! Он там! – шепнула девушка, наклонившись к неразлучной мулатке. – Наш Рыцарь печального образа!.. Что за странный человек!..

13

Таинственные чары

«Молниеносный» медленно плыл к северу, направляясь к берегам Гаити, с тем чтобы оттуда войти в широкий пролив, отделяющий этот остров от Кубы.

Преодолевая экваториальное течение Гольфстрим, которое из Атлантики с силой вливается в Карибское море, направляясь к берегам Центральной Америки, чтобы затем, описав огромный круг в Мексиканском заливе, выйти к Багамским островам и южным берегам Флориды, «Молниеносный», тянувший за собой линейный корабль, шел медленно: стояло почти полное безветрие.

К счастью, морякам повезло с погодой, иначе им пришлось бы бросить добычу, доставшуюся столь дорогой ценой, ибо ураганы, свирепствующие в морях возле Антильских островов, настолько страшны, что не поддаются никакому описанию.

Здесь благоденствие края, эти острова с плодороднейшей почвой и несравненным климатом, расцветающие под голубым небом, ничуть не уступающим по красоте прославленной итальянской лазури, слишком часто переживают страшные трагедии из-за опустошительного восточного ветра и морских бурь.

Временами на них налетают грозные ураганы. Они уничтожают целые плантации, вырывают с корнем леса, разрушают города и села; подводные землетрясения с силой вздымают море, неотвратимо бросают его на берег, уничтожая все, что попадает на пути, срывают корабли с якорей и выбрасывают их на сушу; мощные толчки сотрясают внезапно недра земли, погребая в руинах тысячи людей.

Счастливая звезда, однако, улыбалась флибустьерам Черного Корсара, ибо, как мы говорили, погода все время оставалась отличной, обещая спокойное плавание вплоть до Тортуги.

«Молниеносный» мирно плыл по лазурному морю, гладкому, как кристалл, и настолько прозрачному, что на глубине ста локтей можно было различить просвечивающее дно залива, усеянное кораллами.

Свет, отражавшийся от белого песка, делал воду еще прозрачнее, так что у новичка, заглянувшего вниз, с непривычки закружилась бы голова.

Благодаря необычной прозрачности воды повсюду можно было видеть, как резвятся, преследуют и пожирают друг друга странные рыбы. Нередко из глубины неожиданно всплывали грозные молот-рыбы, достигающие иногда пяти метров в длину. Мощно двигая хвостом, они тарасили большие круглые, как пуговицы, глаза, посаженные по бокам молотообразной головы, и разевали громадную пасть, вооруженную длинными треугольными зубами.

Спустя два дня после захвата испанского судна «Молниеносный» с попутным ветром вошел в тот участок моря, который отделяет Ямайку от Гаити. Отсюда было уже недалеко до южных берегов Кубы.

Узнав, что лоцман заметил высокие горы Ямайки, Черный Корсар, почти все время сидевший взаперти в своей каюте, поднялся на мостик.

Он все еще не избавился от необъяснимого смятения, что охватило его в тот вечер, когда его посетила молодая фламандка.

Его словно обуял бес движения. Он нервно ходил по мостику, не разговаривая ни с кем, даже со своим помощником Морганом.

Побыв с полчаса на мостике, откуда он рассеянно взирал на горы Ямайки, ясно выступавшие из моря на фоне горизонта, он спустился на палубу и вновь стал рассказывать между фок-мачтой и грот-мачтой, надвинув на лоб свою широкополую шляпу.

Осененный внезапной мыслью и словно повинувшись неодолимому влечению, он снова поднялся на полуют и остановился у борта.

Взгляд его сразу же устремился к испанскому судну, шедшему не далее чем в шестидесяти футах: насколько позволял ему длинный буксирный швартов.

Вздрыгнув, он отпрянул назад, но тут же остановился. Лицо его прояснилось, а привычная бледность на миг сменилась легким румянцем.

На носу испанского корабля он увидел знакомую фигуру, облокотившуюся на лебедку. Это была молодая фламандка, одетая в длинное белое платье.

Девушка смотрела на пиратский корабль, вернее, на Черного Корсара.

Неподвижная, подперев голову рукой, она о чем-то размышляла. Черный Корсар не сделал ни единого движения. Ухватившись обеими руками за фальшборт, словно боясь упасть, он смотрел в глаза девушки.

Это гипнотическое состояние, необычайное для столь сурового человека, длилось не больше минуты. Словно устыдившись своей слабости, Корсар оторвался от фальшборта и отступил назад.

Он бросил взгляд на стоявшего в двух шагах от него рулевого, потом на паруса своего корабля и, отступив еще два шага назад, снова взглянул на молодую фламандку.

Она оставалась неподвижной. По-прежнему облокотившись на лебедку и подперев рукой русую голову, она пристально глядела на Корсара.

Командир «Молниеносного» медленно отступал назад, словно не в силах освободиться от ее чар.

По-прежнему не поворачиваясь, он поднялся на капитанский мостик и, постояв с минуту, отступил снова назад, но тут столкнулся с Морганом, окончившим свою вахту.

– Ах, извините, – сказал он, смущенно заливаясь краской.

– Вы тоже заметили, какого цвета стало солнце, сеньор? – спросил его помощник.

– Нет, а что такое?

– Посмотрите сами.

Взглянув на небо, Корсар убедился, что ослепительно блестящее солнце теперь стало багровым, как раскаленное железо.

Обернувшись в сторону Ямайки, он увидел, что вершины гор резко выделяются на фоне неба, словно за ними разожгли яркий костер.

Тень беспокойства пробежала по лицу Корсара, и взор его обратился к испанскому кораблю, к молодой фламандке, так и не покинувшей своего места.

– Быть урагану, – сказал он глухо.

– Все говорит за это, сеньор, – ответил Морган. – Чувствуете, какой противный запах идет от моря?

– Да, и небо начинает мутнеть. А это значит, что приближается один из тех ужасных ураганов, которые так часто бушуют в районе Антил.

– Как видно, придется расстаться с нашей добычей?.. Можно дать вам совет, сеньор?

– Слушаю вас, Морган.

– Переведите половину людей на испанский корабль.

– Пожалуй, вы правы. Наши моряки огорчились бы, если б такой корабль пошел ко дну.

– А сеньору вы оставите на нем?

– Молодую фламандку!.. – сказал капитан, нахмутив брови.

– Ей будет лучше на «Молниеносном», чем на шхуне.

– Вас огорчит, если она утонет? – спросил капитан, резко обернувшись к Моргану и глядя ему в глаза.

– Ведь она может принести нам не одну тысячу пиастров.

– Ах да... верно! За нее должны заплатить выкуп.

– Прикажете перевести ее к нам, прежде чем этому помешают волны?

Ничего не ответив, Корсар снова принялся расхаживать по мостику, словно мучимый навязчивой идеей.

Походив несколько минут взад и вперед, он внезапно остановился перед Морганом и прямо спросил его:

– Верите ли вы в роковую любовь?

– Что вы имеете в виду? – спросил помощник изумленно.

– Способны ли вы беззаветно полюбить женщину?

– Должно быть, да!

– Не кажется ли вам, что влюбиться в красивую девушку страшней, чем пойти на abordаж?

– Иногда да, но известно ли вам, капитан, что говорят флибустьеры и буканьеры с Тортуги, прежде чем жениться на одной из женщин, присылаемых сюда блюстителями закона из Англии и Франции?

– Никогда не занимался брачными делами наших флибустьеров и буканьеров.

– Они говорят так: «О твоём прошлом, женщина, я не спрашиваю и совершенные тобой грехи прощаю, но о твоих будущих делах я должен знать все». И, пощелкав по стволу ружья, добавляют: «Кто-кто, а оно постоит за меня, и если ты дашь промах, то оно не промахнется».

Пожав плечами, Черный Корсар сказал:

– Я имею в виду не тех женщин, которых принудительно высылают сюда заморские правители.

Постояв немного, он показал на девушку, оставшуюся на своем месте, и спросил:

– Что вы скажете об этой девушке, Морган?

– Это одно из самых прелестных созданий, которых я когда-либо видел на Антилах.

– И вы не испугались бы ее?

– Этой девушки!.. Конечно нет.

– А я ее боюсь, Морган.

– Вы, которого называют Черным Корсаром? Вы шутите, капитан?

– Нет, – ответил флибустьер. – Я заглядываю иногда в свой гороскоп, и к тому же одна цыганка мне предсказала, что первая же любовь окажется для меня роковой.

– Поплюйте, капитан.

– А что вы скажете, если я добавлю, что та же цыганка предсказала моим трем братьям, что один из них погибнет в бою из-за предательства, а двое других будут повешены? Как видите, ее печальное предсказание сбылось.

– А что она сказала вам?

– Что я погибну в море, вдали от родины, по вине любимой женщины.

– Бог мой!.. – пробормотал, содрогаясь, помощник. – Но в последнем случае цыганка могла и ошибиться.

– Нет, – мрачно ответил Корсар. Опустив голову, он на мгновение задумался, а потом добавил: – Пусть будет так!..

Спустившись с капитанского мостика, он направился на бак, где увидел африканца, беседовавшего с Кармо и Ван Штиллером.

– Спустите на воду большую шлюпку! – крикнул им он. – Привезите к нам на корабль фламандку и ее свиту.

Оба флибустьера и африканец бросились выполнять приказание. Тем временем Морган, чувствуя, что скоро придется перерезать буксирный швартов, отобрал тридцать матросов для оказания помощи тем, кто уже находился на борту линейного корабля.

Через четверть часа Кармо и его товарищи вернулись назад. Фламандка и ее спутники поднялись на борт «Молниеносного». У лестницы их ждал Корсар.

– Вы хотите безотлагательно что-то сообщить мне, кабальеро? – спросила девушка, глядя ему в глаза.

– Да, сеньорита, – ответил с поклоном Корсар.

– Слушаю вас.

– Обстоятельства таковы, что нам придется бросить ваш корабль на волю судьбы.

– Но почему же? Разве нас преследуют?

– Нет, но надвигается ураган, и я вынужден прекратить буксировку. Вам, наверное, известно, как страшен Великий залив, когда бушует ураган. На «Молниеносном» вы будете в большей безопасности.

– Спасибо за заботу, кабальеро.

– Не благодарите меня, сеньорита, – ответил задумчиво Корсар. – Боюсь, что ураган не пройдет и для нас бесследно.

Указав на кают-компанию, он снял шляпу и произнес:

– Воспользуйтесь моим гостеприимством, сеньорита.

Надев шляпу, он поднялся на капитанский мостик. В тот же миг ветер, налетевший со стороны Малых Антильских островов, возмутил спокойствие, царившее на море. Шлюпки, на которых тридцать моряков переправились на линейный корабль, вернулись обратно, и теперь флибустьеры поднимали их на борт «Молниеносного».

Стоя рядом с Морганом, Корсар стал вглядываться в восточный край неба.

Огромная темная туча с огненно-красной каймой быстро заволакивала горизонт, в то время как солнце, опускавшееся к горизонту, все больше окутывалось дымкой.

– На Гаити уже бушует ураган, – сказал Корсар Моргану.

– А Малые Антилы, наверное, обращены в руины, – добавил помощник. – Через час и это море станет неузнаваемым.

– Как бы вы поступили на моем месте?

– Поискал бы убежища на Ямайке.

– Чтобы «Молниеносный» бежал от урагана? – воскликнул гордо Корсар. – Этого не будет никогда!..

– Но ведь вы знаете, сеньор, как страшны ураганы у Антильских островов.

– Знаю, но не отступлю. Пусть испанская шхуна, а не «Молниеносный» прячется у берегов. Кто командует на линейном корабле?

– Боцман Николас Ван Хорн.

– Он сумеет выбраться из этой переделки целым и невредимым.

Спустившись на квартердек, он взял в руки рупор, вскочил на фальшборт и громко крикнул:

– Руби буксирный швартов! Боцман Николас Ван Хорн, держите курс на Ямайку! Мы ждем вас на Тортуге!

– Хорошо, капитан, – ответил боцман, дожидавшийся на носу приказаний.

Вооружившись топором, он одним взмахом перерубил швартов, затем, обратившись к морякам, воскликнул, обнажив голову:

– Да помилует нас Бог!

Развернув паруса на фок- и бизань-мачтах, ибо на поврежденную грот-мачту надеяться было нельзя, шхуна сделала поворот и взяла курс на Ямайку, а «Молниеносный» смело вошел в так называемый Наветренный пролив, отделяющий западное побережье Гаити от южных берегов Кубы. Ураган быстро приближался. Казалось, море закипает изнутри: на его поверхности появлялись пенистые водовороты, вспучивались горы воды, с шумом обрушивавшиеся фонтанами брызг. Темная туча тем временем все больше заслоняла небо, поглощая слабый свет солнца, и наконец на бурное море пала тьма, отчего воды вокруг приобрели зловещий бурый оттенок, словно смешавшись с потоками смолы.

Не теряя присутствия духа, Корсар не обращал внимания на ураган. Он следил за линейным кораблем, медленно плывшим по волнам и готовившимся исчезнуть с горизонта.

Если он и беспокоился, то, скорее всего, за этот корабль, недостаточно оснащенный, чтобы выдержать порывы ураганного ветра, но отнюдь не за свой «Молниеносный».

Когда шхуна исчезла с горизонта, он спустился на шканцы и, отстранив лоцмана, сказал:
– Дайте мне штурвал!.. Я сам поведу корабль!..

14

Ураганы антильских островов

Опустошив Малые Антильские острова, первыми встречающие грозные удары бури и сдерживающие волны Атлантического океана, с неодолимой мощью гонимые восточными ветрами на Американский материк, а значит, на Пуэрто-Рико и Гаити, ураган ворвался в Наветренный пролив с такой силой, которая хорошо знакома мореплавателям Мексиканского залива и Карибского моря. Здесь, недалеко от экватора, посреди бела дня внезапно наступила темная ночь, которую не озаряли еще молнии надвигавшегося урагана, одна из тех ночей, что нагоняют страх на самых бывалых мореходов. В темноте видна была только пена крутых валов, отливавшая каким-то холодным, мерцающим блеском.

Воздушный смерч стремительно несся по воде, мощные порывы ветра с ревом и свистом неотвратимо следовали друг за другом, от них лопались паруса, гнулись самые прочные мачты.

В воздухе слышался нарастающий гул. В небе, казалось, грохочут несущиеся под гору телеги, груженные железным ломом, или набирают скорость тяжелые поезда, проезжая по стальному мосту.

Море внушало ужас. Мощные волны, перекатываясь с запада на восток, с яростным ревом обрушивались друг на друга, поднимая в воздух густую пелену фосфоресцирующей пыли. Слово от мощного толчка, взмывали они вверх, чтобы тут же провалиться в такую глубину, что вот-вот, казалось, обнажится дно самого залива.

Поставив под ветер кливера да по одному зарифленному на две трети парусу на первых двух мачтах, «Молниеносный» отважно ринулся вперед.

Точно сказочная птица, реял он по волнам. Бесстрашно рассекая гребни рокочущей пены, он то взбирался на зыбкие горы, словно собираясь взлететь до облаков, то неожиданно исчезал в водных провалах, словно решив уйти на дно моря. Пена захлестывала реи фок-мачты и грот-мачты, но мощные борта корабля не уступали грозному натиску волн.

В вихре урагана кружились, то и дело залетая на палубу, вырванные в лесах и на плантациях Гаити ветви деревьев, разнообразные плоды, сахарный тростник, листва. Грозовые тучи обрушивали на корабль мощные потоки воды, которые, наводняя палубу, с трудом уходили через шпигаты.

Вскоре, однако, непроглядная тьма сменилась огненным шквалом. Ослепительные вспышки прорезали потемки, озаряя море и судно холодным синим светом. Гром гремел так, словно на небе шла пальба из сотен артиллерийских орудий.

Воздух был так наэлектризован, что из снастей «Молниеносного» сыпались искры и на вершинах мачт и флюгерах зажглись огни святого Эльма¹².

Ветер, достигший бешеной скорости, оглушительно ревел, закручивая волны в водяные смерчи, которые тут же падали обратно в море, образуя завесу из мельчайших брызг.

От кливеров «Молниеносного», оборванных ветром, вскоре не осталось ни одной нитки, парус на фок-мачте разлетелся в клочья, один лишь грот стойко выдержал испытание.

Корабль, ставший игрушкой течений и ветра, несся с головокружительной быстротой, рассекая волны и водовороты.

Казалось, что он вот-вот пойдет ко дну, но он тут же выныривал, яростно сокрушал ревущие вокруг валы и сбрасывал с себя покрывавшую его пену.

Застыв у штурвала, Черный Корсар твердой рукой вел свой корабль, не сгибаясь под ветром и не обращая внимания на волны, заливавшие палубу.

¹² *Огни святого Эльма* – свечение выступающих частей корабля, наблюдаемое на море во время бурь, когда атмосфера перенасыщена электричеством.

Его темная фигура четко вырисовывалась на фоне молний.

Молнии чертили зигзаги вокруг него, ветер рвал перо с его шляпы, волны захлестывали с головой, чуть не валя с ног, гром оглушал, но он бесстрашно стоял на своем посту, ведя корабль навстречу ветрам и волнам.

Он походил на гения моря, внезапно возникшего из глубин Великого залива, чтобы помериться силами с разбушевавшейся стихией.

Как и в ту ночь, когда Черный Корсар повел корабль на abordаж испанского судна, моряки смотрели на него с суеверным страхом, задавая себе вопрос, действительно ли он такой же смертный, как и они, или же существо сверхъестественное, которому не страшны ни ядра, ни шпаги, ни ураганы.

В одно из мгновений, когда волны с особой яростью обрушились на борт корабля, Корсар на секунду отвлекся от штурвала, словно собираясь броситься к лестнице левого борта. Видно было, как его что-то внезапно поразило и даже ужаснуло.

Из кают-компания вышла женщина и стала подниматься по лестнице, изо всех сил цепляясь за поручень, чтобы не упасть.

Она была закутана в плотную накидку из каталонской ткани, но лицо ее оставалось открытым, и ветер развевал русые пряди.

– Сеньорита!.. – закричал Корсар, сразу узнавший молодую фламандку. – Разве вы не понимаете, что вы рискуете жизнью?

Не говоря ни слова, герцогиня махнула рукой, словно желая сказать: «Я ничего не боюсь».

– Вернитесь, сеньорита!

Не слушая его, отважная фламандка поднялась на полуют, пересекла его, затем, цепляясь за бизань-гафель, встала между фальшбортом и кормой вельбота, вытащенного на палубу, чтобы волны не унесли его прочь.

Корсар знаком приказал ей уйти к себе, однако она отрицательно покачала головой.

– Но вы рискуете жизнью!.. – повторил он. – Вернитесь в каюту, сеньорита.

– Нет, – ответила фламандка.

– Зачем вы пришли сюда?

– Полюбоваться Черным Корсаром.

– Вас снесут волны.

– Стоит ли беспокоиться об этом?

– Я не хочу, чтобы вы погибли, сеньорита! – воскликнул Корсар, и в голосе его слышалось неподдельное волнение.

Девушка улыбнулась, но не двинулась с места. Забившись в свой угол и судорожно прижимая к себе тяжелую накидку, она не обращала внимания на волны, захлестывавшие корабль. Безмолвная, как изваяние, с развевающимися волосами, она не сводила глаз с Корсара.

Поняв, что уговоры бесполезны, а может быть, втайне радуясь, что бесстрашная девушка, невзирая на опасность, осталась с ним рядом, чтобы полюбоваться его отвагой, капитан не стал настаивать больше, чтобы она покинула палубу.

Как только ураган стихал хотя бы на одну минуту, он обращал свой взор к девушке и невольно ей улыбался.

Всякий раз он встречался с ее глазами, неподвижно глядевшими на него, как и в то утро, когда она стояла на носу испанской шхуны.

Ее глаза, излучавшие таинственное очарование, приводили, однако, бесстрашного корсара в необъяснимое смятение. Даже не глядя на нее, он чувствовал, что она ни на минуту не спускает с него взора, и ему страстно хотелось посмотреть туда, где она находилась.

«Молниеносный» в это время шел вдоль берегов Гаити.

При свете молний можно было различить высокий берег, усеянный отвесными скалами, о которые легко мог разбиться корабль.

Сквозь шум волн и завывания ветра прорезался голос Корсара:

– Запасной парус на фок-мачту!.. На ветер кливера!.. К повороту готовьсь!..

Хотя ветер гнал волны к южным берегам Кубы, море у берегов Гаити было не менее бурным. Огромные валы, высотой в пятнадцать-шестнадцать метров, налетев на утесы, с грохотом откатывались обратно.

Однако «Молниеносный» не сдавался. Запасной парус был натянут на фок-мачте, кливера развернуты на бушприте, и корабль стремительно несся вдоль берега.

Время от времени волны круто кренили его, но Корсар грудью налегал на штурвал и выпрямлял корабль, направляя его в нужную сторону.

К счастью, ураган, достигнув наибольшей силы, стал понемногу стихать – ведь такие бури длятся недолго.

Тучи стали рассеиваться, выглянули первые звезды, ветер умерил свою ярость. Тем не менее море оставалось все еще бурным, и прошло немало часов, прежде чем улеглись огромные валы, пригнанные из Атлантики в Великий залив.

Всю ночь пиратский корабль отчаянно боролся с наседавшими на него валами. Успешно преодолев Наветренный пролив, он вышел наконец в ту часть моря, которая заключена между Большими Антилами и Багамскими островами.

На рассвете, когда восточный ветер сменился северным, «Молниеносный» очутился вблизи мыса Гаити.

Промокший до нитки, Черный Корсар едва стоял на ногах от усталости. Завидев маленький маяк на мысу, он тотчас же передал Моргану штурвал и направился к вельботу, у которого укрылась молодая фламандка.

– Пойдемте, сеньорита, – сказал он ей. – Я восхищен вашей смелостью и думаю, что ни одна женщина на свете не стала бы рисковать своей жизнью, как это сделали вы, только для того, чтобы полюбоваться, как мой «Молниеносный» борется с ураганом.

Девушка выпрямилась, стряхнув с себя воду, залившую ее одежду и волосы. С улыбкой взглянув в глаза Корсару, она произнесла:

– Зато я могу теперь сказать, что лишь я одна видела поединок Черного Корсара с самым ужасным ураганом в мире. Я восхищена, капитан, вашей смелостью и отвагой.

– Вы отчаянная девушка, – пробормотал он, но так тихо, что его услышала только фламандка. Потом со вздохом добавил: – Жаль, что меня не покидает воспоминание о предсказании цыганки.

– О каком предсказании? – в изумлении спросила девушка.

Вместо ответа Корсар печально покачал головой.

– Это безумие!.. – прошептал он.

– Вы суеверны, кабльеро?

– Пожалуй, да.

– Это вы, такой бесстрашный!

– Но что же делать? Предсказания порой сбываются, сеньорита. – Указав на волны, угрюмо бившиеся о борт корабля, он печально добавил: – Спросите у них, если можете, сеньорита. Оба моих брата были прекрасными юношами, сильными и отважными, и вот теперь они покоятся на дне моря. Предсказанное им сбылось, как, возможно, сбудется и то, что было предсказано мне, ибо я чувствую, что в груди моей разгорается жаркое пламя и я не в силах с ним совладать. Будь что будет!.. Что на роду написано, того не миновать. Море меня не страшит, и я со спокойной душой найду свое место рядом с братьями, после того как отправлю на тот свет предателя...

Он сделал угрожающий жест, затем сошел с палубы вниз, оставив молодую фламандку в полном недоумении, ибо она не могла еще понять значения этих слов.

Три дня спустя, когда море наконец успокоилось, «Молниеносный», подгоняемый благоприятным ветром, оказался вблизи от Тортуги – опорного пункта флибустьеров Великого залива.

– Пойдемте, сеньорита, – сказал он ей. – Я восхищен вашей смелостью...

15

Пиратская вольница

В 1625 году, пока Франция и Англия пытались обуздать непомерную мощь Испании¹³, две шхуны – одна французская, другая английская – с бесстрашными корсарами на борту отправились в моря, окружавшие Антильские острова, чтобы подорвать цветущую торговлю испанских колоний. Вскоре они почти одновременно бросили якорь у острова Святого Христофора, на котором жили отдельные племена карибов¹⁴.

Французов возглавлял нормандский дворянин по имени Энанбус, англичан – сэр Томас Варнер.

Убедившись в миролюбии обитателей острова и найдя его земли плодородными, корсары основали на нем свои мирные поселения. Они разделили пустующие земли и заложили две небольшие фактории. Они возделывали землю и совсем было перестали бороздить моря, как вдруг возле острова появилась испанская эскадра. Считая все острова Мексиканского залива своей собственностью, испанцы перебили большую часть поселенцев и сожгли их жилища на острове.

Некоторым из колонистов, спасшимся от преследований испанцев, удалось укрыться на острове, носившем название Тортуга – Черепаха, названном так за отдаленное сходство с этим пресмыкающимся. Остров был расположен к северу от Гаити, почти напротив полуострова Саман, и имел удобную бухту, которую было нетрудно защитить.

Немногие оставшиеся в живых переселенцы стали основателями воинственного племени флибустьеров, которые вскоре должны были изумить весь мир своими необычайными подвигами.

Пока одни занимались выращиванием табака, отлично прижившегося на непаханой земле, другие, горя желанием отомстить за гибель родных селений, принялись, плавая на простых шлюпках, грабить испанские суда, причиняя им немалый урон.

Тортуга стала вскоре важным центром, поскольку туда перебрались многие французские и английские авантюристы с соседнего Гаити и из Европы, направленные туда нормандскими судовладельцами.

Эти люди – главным образом бродяги, солдаты и моряки – стремились сюда в поисках лучшей доли и в надежде поживиться огромными богатствами, вывозимыми Испанией из своих колоний, где находились богатейшие залежи золота. Не найдя на острове того, к чему стремились, флибустьеры безбоязненно рыскали по всему заливу, тем более что их страны вели постоянные войны с иберийским колоссом.

Видя, что торговля приходит в упадок, испанские колонисты с Гаити постарались побыстрее избавиться от этих разбойников и, выбрав момент, когда на Тортуге почти не осталось гарнизона, направили туда большие силы. Остров был захвачен легко, и все, кто попал испанцам в руки, были замучены или повешены.

Узнав об этой расправе, флибустьеры поклялись отомстить и отвоевали свой остров, перебив оставленных на нем испанских солдат. Но возникли раздоры между французами и англичанами. Этим воспользовались испанцы, чтобы снова напасть на Тортугу и изгнать с нее поселенцев, вынужденных после этого скрываться в лесах на Гаити.

¹³ Во время правления Филиппа IV (1621–1665) Испания вступает в Тридцатилетнюю войну на стороне немецких Габсбургов против Англии и Франции. Одной из ответных акций англичан и французов явилось поощрение ими корсаров, действовавших против испанских колоний в Центральной и Южной Америке.

¹⁴ *Карибы* – группа индейских народов в Южной Америке.

Подобно тому как первые поселенцы острова Святого Христофора стали основателями пиратского промысла, так и беглецы с Тортуги положили начало буханьерскому.

Сушение и дубление шкур убитых животных обозначалось на языке карибов словом «бухан». Отсюда и ведет свое происхождение прозвище буханьеров.

Эти люди, позднее ставшие неустрашимыми союзниками флибустьеров, жили вначале наравне с местными жителями в жалких лачугах, наспех сплетенных из ветвей.

Они носили лишь груботканые рубахи, постоянно выпачканные кровью, да кое-как скроенные брюки. На широком кушаке у них обычно болтались короткая сабля и пара кинжалов. Их «туалет» довершали башмаки из свиной кожи и широкая шляпа.

У всех буханьеров была одна мечта: иметь хорошие аркебузы и побольше собак.

На рассвете они попарно выходили на охоту – ведь вдвоем было легче убить крупного зверя – и отважно нападали на одичавших быков, населявших леса Гаити. Домой они возвращались лишь к вечеру.

Объединившись в особый союз, они скоро принялись досаждать испанцам, которые стали их преследовать, как диких зверей, но успеха не добились. Тогда на острове были устроены массовые облавы и уничтожены почти все дикие быки. Несчастные охотники остались без питания.

Вот тогда-то буханьеры и флибустьеры основали союз Береговых братьев и снова вернулись на Тортугу. Но это были уже не прежние поселенцы, а люди, горевшие неутомимой жаждой отомстить испанцам.

Отважные охотники, стрелявшие почти без промаха, оказали неоценимые услуги пиратской вольнице, достигшей вскоре необычайных размеров.

Тортуга стала быстро процветать, превратившись в прибежище всех авантюристов из Франции, Голландии, Англии и других стран, особенно во времена правления Бельтрана Орегонского, направленного на остров французами в качестве губернатора.

Так как в это время вспыхнула война с Испанией, флибустьеры с отчаянной дерзостью стали нападать на все испанские корабли, которые попадались им на пути.

Вначале они обходились лишь небольшими лодками, в которых с трудом можно было поместиться, но затем обзавелись отличными кораблями, захваченными у своих заклятых врагов.

Пушек у них не было, и они возлагали большие надежды на буханьеров. Меткие стрелки, те молниеносно расправлялись с экипажами испанских судов.

Они осмеливались нападать на самые крупные корабли, идя на abordаж с отчаянной смелостью. Ни картечь, ни ядра не могли сдержать их натиска. Это были сущие дьяволы, не боявшиеся смерти. Испанцы верили, что имеют дело с выходцами из ада, и смертельно их боялись.

Они редко щадили побежденных, чего, впрочем, не делали и их противники. Жизнь сохраняли лишь лицам высокого звания в надежде получить за них большой выкуп, остальных же бросали за борт. С обеих сторон велась борьба не на жизнь, а на смерть, без всякой пощады.

Однако и у буханьеров были свои законы, с которыми они, пожалуй, больше считались, чем их соотечественники. Все члены их вольницы обладали равными правами, и лишь при дележе добычи главари получали большую долю.

После продажи захваченного дележ обычно шел таким образом. Сначала выдавали награду самым смелым и раненым. Так, вознаграждение получали те, кто первым прыгнул на вражеский корабль, кто сорвал флаг противника. Необделенным оставался и тот, кто, невзирая на опасность, добывал сведения о передвижениях и вооружении испанцев. Потерявший в бою правую руку получал возмещение в шестьсот пиастров, за левую руку платили пятьсот, за ногу – четыреста пиастров. По пиастру в день получали раненые в течение двух месяцев.

На пиратских кораблях царили суровые законы. Оставившему свой пост во время сражения грозила смертная казнь; после девяти вечера, то есть после тушения огней на корабле,

было запрещено пить крепкие напитки и вино; на борту не допускались ссоры, пререкания, азартные игры; нельзя было под страхом смерти привести на корабль женщину, даже собственную жену.

Предателей высаживали на необитаемых островах. Так же поступали и с теми, кто во время дележа добычи незаконно присваивал хотя бы и сущую мелочь. Правда, подобные случаи были очень редки, так как корсары отличались, как правило, безупречной честностью.

Завладев множеством кораблей, пираты осмелели и, не встречая больше торговых судов, ибо испанцы прекратили почти все связи между островами, стали пускаться на более рискованные операции.

16 На Тортуге

Когда «Молниеносный», пройдя сквозь узкий канал, вошел в гавань, надежно защищавшую ее от любых сюрпризов со стороны испанского флота, веселье на Тортуге было в полном разгаре. Большинство флибустьеров только что вернулось из похода к берегам Гаити и Кубы, где под предводительством Олоне и Мигеля Баска они захватили богатую добычу.

На берегу возле мола, под навесами и в тени высоких пальм, эти грозные рыцари удачи веселились, проматывая доставшиеся им деньги.

На суше морские волки становились самыми веселыми людьми из всех обитателей Антильских островов и, что самое удивительное, пожалуй, самыми обходительными, ибо никогда не забывали пригласить на свои пиры несчастных испанцев, лишенных свободы ради щедрого выкупа, а также красивых пленниц, по отношению к которым они вели себя как настоящие рыцари, изоцряясь во всевозможных любезностях, дабы отвлечь их от печальной действительности. Мы говорим – печальной, ибо флибустьеры в случае задержки выкупа часто прибегали к жестоким напоминаниям, посылая испанским правителям отрубленную голову одного из пленных.

С прибытием корабля флибустьеры прервали игры и танцы и шумно приветствовали возвращение Черного Корсара, пользовавшегося среди них не меньшей любовью, чем знаменитый Олоне.

Все знали, что он поехал в Маракайбо с намерением вырвать живым или мертвым из рук губернатора своего брата, и, зная о его мужестве, надеялись увидеть вместе с ним и Красного Корсара.

Увидев, однако, наполовину приспущенный черный флаг, они разом прекратили шумное веселье и молча собрались на молу, стораю от нетерпения услышать известия об обоих корсарах и результатах похода.

Сеньор Рокканера, стоявший на капитанском мостике, сразу понял все. Подозвав к себе Моргана, занимавшегося спуском на воду шлюпок, он сказал ему, показывая на флибустьеров, собравшихся на берегу:

– Передайте им, что Красный Корсар с почестями погребен в водах Великого залива, а его брат вернулся назад, чтобы собрать людей для мщения... – Тут он сделал паузу и закончил: – Предупредите Олоне, что сегодня вечером я зайду к нему, затем сходите к губернатору и передайте ему привет от меня. Позднее я сам посету его.

Сказав это, он дождался, когда были убраны паруса и брошены на берег швартовы, затем спустился в кают-компанию, где его ждала молодая фламандка, уже готовая к высадке.

– Сеньорита, – сказал он ей, – вас ждет шлюпка, на которой вы поедете на берег.

– Слушаюсь, сеньор, – ответила она. – Я пленница и не хочу спорить с вами.

– Нет, сеньорита, вы больше не пленница.

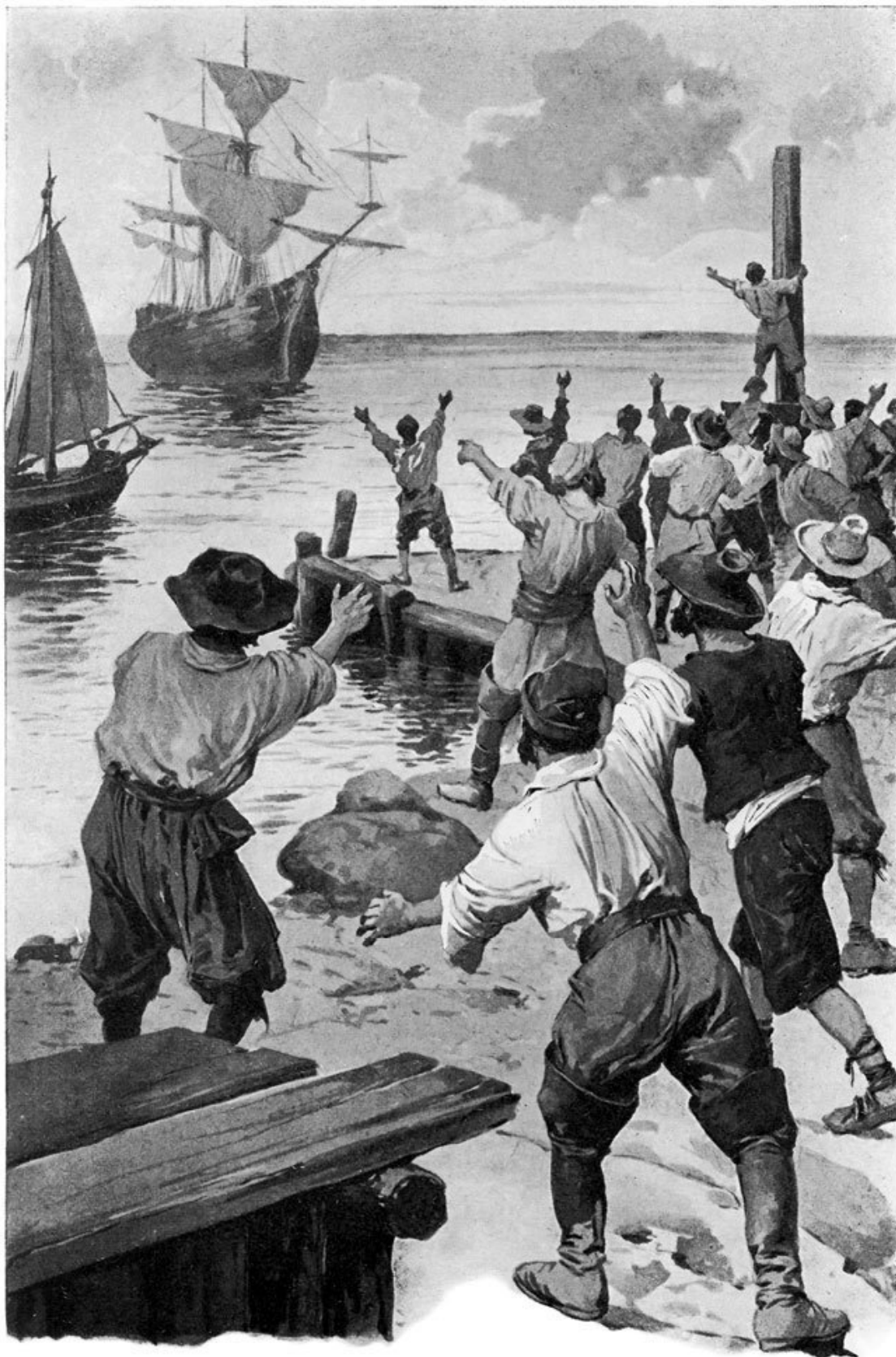
– Как? – воскликнула она. – Но за меня не заплачен еще выкуп.

– Деньги уже внесены в судовую кассу.

– Кем же? – спросила в изумлении фламандка. – Я не успела еще предупредить губернатора Маракайбо о том, что нахожусь в плену.

– Это верно, но кое-кто уже позаботился о том, чтобы внести за вас выкуп, – ответил с улыбкой Корсар.

– Так, может быть, это вы?

...Флибустьеры прервали игры и танцы и шумно приветствовали возвращение Черного Корсара...

– Если это и так, то что же?.. – спросил Корсар, не сводя с нее взгляда.

Помолчав с минуту, молодая фламандка сказала взволнованно:

– Я не ожидала встретиться с благородством на Тортуге, но меня несколько не удивляет, что этим благородным человеком оказался Черный Корсар.

– Почему же, сеньорита?

– Потому что вы не такой, как все остальные. За короткое время, что я на борту вашего корабля, я смогла убедиться, насколько благороден, щедр и отважен сеньор Рокканера, владелец Вентимильи и Вальпенты. Прошу вас только, скажите, во что обошлась мне свобода.

– Вам не терпится уплатить свой долг? Или, быть может, вы торопитесь покинуть Тортугу?..

– Нет, ошибаетесь, кабальеро, расставаясь с вашим островом, я, наверное, буду сожалеть о нем больше, чем вы думаете. Верьте мне, в моей душе никогда не угаснет благодарность Черному Корсару и я никогда его не забуду.

– Сеньорита! – воскликнул Корсар, не в силах скрыть своего волнения. Он рванулся к девушке, но тотчас отступил назад и промолвил печально: – Да, но к тому времени я стану заклятым врагом ваших друзей и вызову в вашем сердце бог весть какую ненависть.

Взволнованный, он сделал несколько шагов по салону, внезапно остановился перед девушкой и спросил ее без обиняков:

– Вы знакомы с губернатором Маракайбо?

При этих словах Онората вздрогнула, выдав взглядом крайнее волнение.

– Да, – ответила она с дрожью в голосе. – Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Предположим, из чистого любопытства.

– О боже!..

– Что с вами, сеньорита? – спросил удивленный Корсар. – Вы бледны и взволнованы...

Вместо ответа молодая фламандка спросила его еще настойчивее:

– Но почему вы меня об этом спрашиваете?

Корсар собирался было уже ответить, но в эту минуту послышались шаги на лестнице. В каюту спускался Морган, уже успевший выполнить задание своего командира.

– Капитан, – сказал он, входя, – Пьетро Нау ждет вас, чтобы сделать срочное сообщение. Мне кажется, что у него все готово для экспедиции.

– Ах так!.. – воскликнул Корсар, нахмутив брови. – Уже?.. Не думал я, что месть так близка... – Обернувшись к молодой фламандке, которая была заметно взволнована, он сказал: – Позвольте предложить вам гостеприимство в моем доме, который я предоставляю в ваше полное распоряжение. Моко, Кармо и Ван Штиллер отвезут вас туда и будут к вашим услугам.

– Но, кабальеро... одно только слово... – пробормотала она.

– Я понимаю вас, но о выкупе мы поговорим позднее.

Он поспешно вышел в сопровождении Моргана и спустился в шлюпку, ждавшую его у левого борта с шестью матросами на веслах.

Сев на корму, он взял в руки руль, но направил лодку не к молу, на котором флибустьеры возобновили свою пирушку, а к маленькой бухте, расположенной к востоку от порта.

Сойдя на берег, поросший высокими стройными пальмами с веерными листьями, он знаком велел людям вернуться на корабль, а сам по едва заметной тропинке углубился в заросли.

Какая-то неотвязная мысль, как видно, не давала ему покоя. Время от времени он оставался, резко, словно грозя кому-то, размахивал руками и шевелил губами, разговаривая с самим собой.

Он далеко углубился в заросли, как вдруг чей-то насмешливый голос отвлек его от мучительных дум:

– Так я и знал, черт возьми, что встречу тебя здесь, кабальеро! Знать, тебе не до веселья, от которого все ходит ходуном на Тортуге, раз ты стороной добираться до моего дома? Что с тобой, приятель? Уж не на похороны ли ты собрался?..

Корсар вздрогнул и по привычке потянулся к шпаге.

Перед ним стоял коренастый крепыш с грубыми чертами лица и пронизательным взглядом. Одет он был как простой матрос и вооружен парой пистолетов и абордажной саблей.

– Ах это ты, Пьетро? – воскликнул Корсар.

– Он самый.

Это был знаменитый Олоне, отважный мореход и заклятый враг испанцев. Выйдя из зарослей навстречу Корсару, он весело смотрел на него.

Сейчас Олоне было не более тридцати пяти лет. Слава его гремела повсюду. Родился он во Франции, в Олоне, в графстве Пуату, и занимался контрабандой, плавая вдоль берегов Испании. Однажды ночью таможенники застигли его врасплох, он лишился лодки, а брат его был убит в перестрелке. Его самого ранили так тяжело, что он едва выжил.

Выздоровев, Олоне попал в такую нужду, что продался в рабство к флибустьеру Монбару Губителю, лишь бы зарабатывать сорок эскудо, которые отсылал старушке-матери.

Долгое время он подвизался среди буканьеров в качестве подручного, а попросту говоря, им прислуживал, затем пошел в флибустьеры и выделился необыкновенной храбростью и отвагой. В конце концов он выпросил у губернатора Тортуги небольшой корабль.

На этом суденышке Олоне творил сущие чудеса, нанося огромный урон испанским колониям. Все три пирата – Черный, Зеленый и Красный – неизменно оказывали ему поддержку во всех его предприятиях.

Однажды, подгоняемый бурей к берегам Кампече, он потерпел кораблекрушение на виду у испанцев. Все его друзья были перебиты, но ему удалось спастись, погрузившись по горло в болото и вымазав лицо грязью.

Выбравшись живым из трясины, он и не подумал бежать, а, переодевшись испанским солдатом, проник в Кампече. Изучив укрепления города и подкупив нескольких рабов, он выкрал лодку и вернулся на Тортугу, где его все считали погибшим.

Другой на его месте не стал бы снова испытывать судьбу, но Олоне с двадцатью восьмью матросами поспешил выйти в море и на двух маленьких судах направился к Лос-Кайос-ди-Куба, бывшему в то время весьма крупным торговым центром.

Заметив его появление, испанские рыбаки предупредили губернатора. Тот направил против него огромный фрегат и четыре небольших парусных судна с солдатами и палачом, которому было велено повесить флибустьеров.

Но и тут Олоне не отступил. Дождавшись рассвета, он с двух сторон обложил фрегат, а его двадцать восемь молодцев, несмотря на отчаянное сопротивление девяти испанцев, ворвались на палубу и перебили всех, включая палача.

После этого он захватил оставшиеся четыре корабля, сбросив в море сопротивляющихся испанцев.

Таков был этот человек, которому позднее было суждено совершить еще более славные подвиги и с которым теперь договаривался Черный Корсар.

– Заходи, – сказал Олоне, пожав руку капитану «Молниеносного». – Я с нетерпением ждал твоего возвращения.

– И мне очень хотелось тебя видеть, – ответил Корсар. – Ты знаешь, что я был в Маракайбо?

– Ты?.. – воскликнул пораженный Олоне.

– А как же я мог выручить тело моего брата?

– Я думал, ты воспользуешься чьими-нибудь услугами.

– Нет, ты сам знаешь, что такие дела следует делать самому.

– Смотри, как бы тебя не подвела твоя смелость. Видал, чем кончили твои братья?

– Молчи, Пьетро.

– Ну не печалься, мы отомстим за них, и очень скоро.

- Решился, наконец? – спросил радостно Корсар.
- Мало того! Я задумал целую экспедицию.
- Неужели? Ты правду говоришь?
- Клянусь честью разбойника, каковым меня нарекли испанцы! – сказал со смехом Олоне.
- Сколько же кораблей у тебя?
- Вместе с твоим «Молниеносным» будет восемь. Всего шестьсот флибустьеров и буканьеров. Мы возглавим нашу флотилию, а Мигель Баск поведет остальных.
- Баск тоже с нами?
- Он просился с нами, и я сразу же согласился. Ты ведь знаешь, он был в армии солдатом и может сослужить нам хорошую службу. К тому же он богат.
- Тебе нужны деньги?..
- Я спустил все, что заработал от продажи последнего корабля, захваченного на обратном пути из Лос-Кайоса, недалеко от Маракайбо.
- Я готов выложить десять тысяч пиастров.
- Черт возьми! У тебя, видать, дома настоящие золотые россыпи!
- Я дал бы больше, если бы утром не заплатил большой выкуп.
- Заплатил выкуп? За кого?
- За одну благородную даму, попавшую мне в руки. Деньги причитались моему экипажу, и я их заплатил.
- Кто же это такая? Какая-нибудь испанка?
- Нет, фламандка, которая наверняка в родстве с губернатором Веракруса.
- Фламандка!.. – воскликнул Олоне. – И твой смертельный враг тоже ведь фламандец.
- Что ты хочешь сказать этим? – спросил, бледнея, Корсар.
- Я подумал, что она может оказаться и в родстве с Ван Гульдом.
- Бог мой! – вымолвил Корсар слабым голосом. – Это невозможно... Олоне остановился в тени хлопкового дерева и пристально посмотрел на Корсара.
- Что ты на меня уставился? – спросил тот.
- Я думаю о твоей фламандке, но никак не могу понять, почему ты так взволнован. Ведь на тебе лица нет!
- Я поклялся уничтожить всех Ван Гульдов до последнего!
- Ну и прекрасно, покончи с ней, и дело с концом.
- С ней!.. О нет!.. – воскликнул с ужасом Корсар.
- Тогда, значит... – заметил, поколебавшись, Олоне.
- Что?
- Не будь я Олоне, если ты не влюбился в свою пленницу.
- Замолчи, Пьетро.
- С какой стати? Разве для флибустьера позор полюбить женщину?
- Нет, но я чувствую, что она сыграет роковую роль в моей судьбе, Пьетро.
- Тогда предоставь ее самой себе.
- Поздно.
- Ты ее сильно любишь?
- Безгранично.
- И она тебя?
- Мне кажется...
- Прекрасная пара, ничего не скажешь!.. Сеньор Рокканера может породниться только с великосветской дамой!.. Вот уж чего не сыщешь в Америке, да еще под пару флибустьеру... Ладно, друг мой, давай опрокинем стаканчик за здоровье твоей фламандки!

17

Дом Черного Корсара

Жилищем знаменитому флибустьеру служил небольшой деревянный домик, наскоро сооруженный и покрытый, по обычаю островных индейцев, сухими листьями. Внутри, однако, он был весьма уютен и обставлен довольно богато.

Расположен он был в полумиле от городка, на опушке леса, в красивом и спокойном месте, окруженном высокими пальмами, в тени которых всегда было прохладно.

Олоне провел Корсара в комнату на нижнем этаже с окнами, затянутыми циновками, и усадил в бамбуковое кресло. Затем он велел одному из слуг принести испанского вина, попавшего к нему в погреб, скорее всего, с какого-нибудь вражеского судна, и, раскупорив бутылку, наполнил стаканы.

– За твое здоровье, кабальеро, и за прекрасные глаза твоей дамы!

– За твое здоровье, кабальеро, и за прекрасные глаза твоей дамы! – произнес он, чокаясь с гостем.

- Я хотел бы, чтобы ты выпил за успех нашего предприятия, – возразил Корсар.
- Все будет в порядке, мой друг, обещаю отдать тебе в руки убийцу двоих твоих братьев.
- Трех, Пьетро.
- Как! – воскликнул Олоне. – Мы все знаем, что Ван Гульд убил Зеленого Корсара и его брата Красного Корсара, но что был еще третий, я не знал.
- Да, их было трое, – повторил мрачно Корсар.
- Черт возьми!.. И этого человека еще носит земля?..
- Ему осталось недолго ходить по земле, Пьетро.
- Ну, я готов помочь тебе всем, чем смогу. Но скажи мне прежде, ты хорошо знаешь Ван Гульда?..
- Я знаю его лучше, чем испанцы, которым он служит.
- Что это за человек?
- Это старый вояка, поднаторевший в сражениях во Фландрии, отпрыск одного из старинных фламандских родов. Некогда он стоял во главе отряда смельчаков и к своему теперешнему званию мог бы сейчас добавить другие, если бы испанское золото не сделало из него предателя.
- Он стар?
- Ему сейчас за пятьдесят.
- Ну, он человек крепкой закалки. Говорят, что в испанских колониях не было более отважного губернатора.
- Он хитер, как лиса, отважен, как Монбар.
- Значит, в Маракайбо нас ждет отчаянное сопротивление.
- Конечно, Пьетро, но кто сможет устоять перед натиском шестисот флибустьеров? Ты же знаешь, чего стоят наши люди.
- Клянусь честью! – воскликнул флибустьер. – Я сам видел, как дрались двадцать восемь молодцев, которые напали со мной на эскадру в Лос-Кайосе. К тому же ты побывал в Маракайбо и легко найдешь лазейку в стенах крепости.
- Я поведу вас, Пьетро.
- Тебя ничто здесь не удерживает?
- Ничто.
- Даже твоя прекрасная фламандка?
- Она подождет, я уверен, – сказал с улыбкой Корсар.
- Где ты ее поместил?
- У себя в доме.
- А сам куда денешься, если у тебя дома гости?
- Останусь у тебя.
- Вот это хорошо. Так мы лучше договоримся обо всем вместе с Баском, который пожелает ко мне на обед.
- Спасибо, Пьетро. Значит, отправляемся в поход?
- Завтра на рассвете. У тебя экипаж в порядке?
- Нет, не хватает шестидесяти человек: тридцать мне пришлось отправить с испанским судном, захваченным недалеко от Маракайбо, и столько же погибло в бою.
- Не беда!.. Здесь легко наберешь столько же. Все горят желанием пойти с тобой в плавание на «Молниеносном».
- Поднявшись, Корсар направился к двери.
- Ты уже уходишь? – встревожился Олоне.
- Да, меня ждут дела, но вечером, когда стемнеет, я зайду к тебе. Прощай, Пьетро.
- До встречи, и смотри, чтобы фламандка тебя не заморозила окончательно.

Корсар возвращался по другой тропинке, в обход города, углубившись в лес, занимавший значительную часть острова. Роскошные, так называемые максимилианские пальмы, гигантские винные пальмы с огромными веерными листьями переплетались с бабасу и буксусами, чьи кожистые листья похожи на жестяные пластины. А у подножия этих колоссов шетинились никем не культивируемые ценные сорта агав, из которых добывают сладковатый сок, известный на берегах Мексиканского залива под названием мескаля или пряной бражки. Рядом росли кусты дикого перца – пимента.

Погрузившись в свои думы, Черный Корсар не обращал внимания на пышную растительность. Он шел все быстрее, словно торопясь поскорее добраться до цели.

Через полчаса он внезапно остановился на краю плантации высокого тростника желтовато-красного цвета, отливавшего пурпуром в лучах заходящего солнца. Тонкая стрелка ствола, окаймленная длинными листьями, заканчивалась роскошным белым султаном с нежной бахромой голубовато-синего цвета.

Это была плантация сахарного тростника, достигшего полной зрелости.

Помедлив минуту, Корсар решительно двинулся вперед, пересек возделанный участок и остановился на другой стороне, перед изящных очертаний домиком, укрывавшимся от палящих лучей солнца в пальмовой роще.

Это был двухэтажный домик, похожий на те, которые и сейчас строят в Мексике. Стены его были выкрашены красной краской и затейливо украшены фарфоровой плиткой. Вокруг дома шла большая терраса, уставленная цветами.

Огромная кухейра – гигантское растение с широкими листьями и тыквообразными глянцевиными плодами светло-зеленого цвета, которые в высушенном виде используются бедняками-индейцами вместо посуды, – будто заключила дом в объятия, заполнив даже окна и террасу.

У входа в жилище сидел африканский богатырь Моко и раскуривал старую трубку, вероятно подарок его друга – белого кума.

Остановившись на миг, Корсар посмотрел на окна, затем на террасу, нетерпеливо махнул рукой и направился к африканцу, моментально вскочившему на ноги.

– Где Кармо и Ван Штиллер? – спросил он его.

– Они пошли в порт узнать, не будет ли каких указаний, – ответил африканец.

– Что делает девушка?

– Она в саду.

– Что она делает?

– Готовит стол к ужину для вас.

– Для меня?.. – спросил Корсар, и лицо его прояснилось, словно от порыва ветра, разогнавшего тучи.

– Она уверена, что вы поужинаете с ней.

– Честно говоря, меня ждут в другом месте, – пробормотал сквозь зубы Корсар. – Но ее общество приятнее, чем компания флибустьеров.

Войдя в дверь, он прошел по коридору, украшенному цветами, испускавшими тонкий аромат, и вышел в просторный сад, огороженный высоким и прочным забором, надежно охранявшим его от вторжения посторонних.

Если дом был красив, то сад был живописен. Двойные ряды кухейр, надежно хранивших в тени широких листьев приятную свежесть, образовывали аллеи, разделявшие участок на множество газонов, где цвели роскошные тропические растения.

Там и сям возвышались прекрасные персеи, дающие зеленые плоды величиной с лимон, из мякоти которых, настоянной в хересе, готовится отличный напиток. Кое-где виднелись пассифлоры, лакомые орехи которых величиной с утиное яйцо содержат студенистую массу, очень приятную на вкус. Грациозные кумару с пурпурными цветами, испускающими

тончайший аромат, перемежались с пальмовой капустой, листья которой съедобны и идут в пищу.

Корсар вошел в одну из аллей и неслышно подошел к беседке, образованной такой же огромной кухейрой, как и та, что росла возле дома, и скрытой в тени оринокской юбеи – удивительной пальмы, листья которой достигают одиннадцати метров в длину.

Сквозь листья кухейры мелькали отблески света и доносился серебристый смех.

Подойдя поближе, Корсар заглянул в густую листву.

В живописном уголке стоял стол, покрытый полотняной скатертью ослепительной белизны. Пышные букеты благоухающих цветов были со вкусом расставлены вокруг подсвечников и ваз, наполненных ананасами, зелеными кокосовыми орехами и плодами пафуны, похожими на крупные персики и употребляемые в пищу после варки в сахарном сиропе.

Юная фламандка была в отделанной брюссельскими кружевами голубой, как небо, накидке, которая оттеняла белизну ее кожи и красоту ее русых волос, собранных в тугую косу. В отличие от испанок американского происхождения, среди которых она, вероятно, долго жила, на ней почти не было драгоценностей – ее белоснежную шею украшала нить крупного жемчуга с изумрудной застежкой.

Черный Корсар залюбовался ею. Нежным взором неотступно следил он за малейшим ее движением. Он был ослеплен северной красотой фламандки и почти не дышал, боясь разрушить очарование.

Внезапно неловким движением он задел маленькую пальму, росшую возле беседки.

Услышав шорох листьев, юная фламандка обернулась и увидела Корсара.

Легкий румянец вспыхнул у нее на щеках, губы невольно сложились в улыбку.

– Ах, это вы, кабальеро!.. – радостно воскликнула она. И пока Корсар, сняв шляпу, отвечивал изящный поклон, добавила: – Я вас ждала... Взгляните: стол накрыт для ужина.

– Вы ждали меня, Онората? – спросил Корсар, целуя протянутую руку.

– Разве вы не видите, кабальеро: жаркое из ламантина, птица на вертеле и морская рыба только и ждут, чтобы их съели. А вы знаете, ведь я сама присматривала за их приготовлением!

– Вы!

– Разве вас это удивляет?.. Мы, фламандки, привыкли сами готовить пищу для мужей и дорогих гостей.

– И вы ждали меня?

– Да, кабальеро.

– Сеньорита, – промолвил Корсар, – я напросился на ужин к одному из друзей, но пусть он ждет сколько угодно, я не откажусь от удовольствия провести этот вечер с вами. Как знать, быть может, мы видимся в последний раз.

– Что вы говорите, кабальеро? – воскликнула девушка, вздрогнув. – Неужели Черному Корсару не терпится уйти обратно в море?.. Разве, вернувшись из славного похода, он тут же должен искать новых приключений?.. Разве он не знает, что в море его подстерегают смертельные опасности?

– Знаю, сеньорита, но судьба влечет меня в дальние края, и я не могу ей противиться.

– И ничто не может вас здесь удержать?.. – спросила она дрожащим голосом.

– Ничто, сеньорита, – ответил он со вздохом.

– Никакая привязанность?..

– Нет.

– И никакая дружба? – спросила она в тревоге.

Корсар собирался было снова сказать «нет», но сдержался и, предложив девушке стул, произнес:

– Садитесь, сеньорита, иначе все остынет, а мне было бы жаль лишиться возможности оценить ваше умение.

Они сели друг против друга, а обе метиски стали подавать на стол. Корсар сделался необыкновенно любезен и охотно вел беседу за трапезой, блистая остроумием и красноречием. Он рассказывал об обычаях и быте флибустьеров и буканьеров, об их необыкновенных подвигах и чудесных приключениях, живописно рисовал картины боев и кораблекрушений, приводил в ужас рассказами о людоедах, но ни словом не обмолвился о предстоящем: походе, о котором договаривался с Олоне и Баском.

Молодая фламандка весело внимала ему и не сводила с него глаз, восхищаясь его находчивостью, красноречием и обходительностью. Но какая-то мысль, казалось, не давала ей покоя, ибо, отвечая Корсару, девушка невольно задумывалась о чем-то.

Сумерки спустились на землю, и луна уже два часа как стояла над лесом, когда Корсар наконец встал, вспомнив, что Олоне и Баск ждут его и что до рассвета ему предстоит пополнить экипаж «Молниеносного».

– Как быстро летит с вами время, сеньорита, – сказал он. – Каким волшебством заставляете вы забывать о неотложных делах?..

– Наверное, вам необходим отдых после бесчисленных походов, кабальеро, – заметила она.

– А может, все дело в вас, сеньорита! Беседа с вами так приятна!

– В таком случае, кабальеро, я тоже могу сказать, что в вашем обществе я провела несколько счастливых часов... и, как знать, сможем ли мы еще побыть вместе в этом чудесном уголке, вдали от людей и моря, – добавила она с горечью.

– Иных война губит, но к некоторым судьба бывает милостива!

– Война ли только!.. А чего стоит море! Всегда ли ваш «Молниеносный» будет побеждать капризы Великого залива?

– Когда корабль веду я, ему не страшны никакие бури.

– Значит, вы скоро снова отправитесь в море?

– Завтра на рассвете, сеньорита.

– Едва ступив на берег, вы снова куда-то стремитесь. Можно подумать, что земля вызывает в вас отвращение.

– Я люблю море, к тому же, оставаясь здесь, я никогда не достигну своего заклятого врага.

– Вы все время только о нем и думаете!..

– Да. Все время. И так будет всегда.

– И вы будете искать поединка с ним?

– Разумеется.

– В каких же краях?.. – спросила девушка с тревогой, не ускользнувшей от Корсара.

– Не могу сказать, сеньорита. Это не моя тайна. Мне не следует забывать о том, что не так давно вы гостили у испанцев в Веракрусе и что у вас много знакомых в Маракайбо.

Молодая фламандка с печалью взглянула на Корсара.

– Вы не доверяете мне? – спросила она.

– О нет, сеньорита! Могу ли я подозревать вас! Но я должен подчиниться законам, принятым у флибустьеров.

– Было бы очень жаль, если бы Черный Корсар усомнился во мне. Я вас знаю как человека умного и прямолинейного.

– Спасибо за лестное мнение, сеньорита.

Надев шляпу, он взял в руки плащ, но, казалось, никак не решался уйти. Стоя возле девушки, он не сводил с нее испытующего взгляда.

– Вам надо спросить меня о чем-то, кабальеро? – сказала девушка.

– Да, сеньорита.

– И это так серьезно, что вы не решаетесь?

– Пожалуй, что это так.

- Слушаю вас, кабальеро.
- Я хотел бы знать, покинете ли вы остров до моего возвращения?
- Но если покину, то что же из этого? – ответила вопросом на вопрос девушка.
- Было бы жаль, сеньорита, если бы мне не пришлось увидеть вас снова.
- Отчего же, кабальеро? – спросила она, покраснев.
- Мне трудно назвать причину, но я знаю, что был бы очень рад провести с вами еще такой же вечер, который вознаградил бы меня за муки, которые я перенес в своих скитаниях.
- Хорошо, кабальеро, если вам жаль расстаться со мной, то признаюсь, что и я не желала бы навсегда расстаться с Черным Корсаром, – сказала фламандка, потупив очи.
- Значит, вы меня дождетесь?.. – спросил радостно Корсар.
- Больше того.
- Слушаю вас, сеньорита.
- Я попросилась бы к вам в гости, на борт вашего «Молниеносного».
- Корсара охватила радость, но он тут же спохватился.
- Нет... это невозможно, – сказал он твердо.
- Я буду вам мешать?
- Нет, но флибустьерам запрещено брать в плавание женщин. Правда, «Молниеносный» принадлежит мне и я волен делать на нем все, что хочу, но все же...
- Продолжайте, – сказала она печально.
- Не знаю почему, сеньорита, но мне становится не по себе, когда я вижу вас на судне. Что это: предчувствие каких-то грядущих бед, а может быть, гибели?.. Когда вы попросились ко мне на корабль, сердце мое забилося от радости, но сразу же я ощутил чувство тревоги.
- Правда? – вскричала в страхе девушка. – Неужели этот поход окажется для вас роковым?..
- Кто может заглянуть в будущее?.. Сеньорита, позвольте мне уйти. Что-то гнетет меня, хотя я и не понимаю, что это. Прощайте, и если мне вместе с моим кораблем суждено утонуть в пучинах Великого залива либо погибнуть от пули или вражеской шпаги, не забывайте Черного Корсара.
- С этими словами он поспешно удалился и, не оборачиваясь, пересек сад, вышел из дому и углубился в лес, направляясь к жилищу Олоне.

18

Ненависть Черного Корсара

Утром следующего дня, как только взошло солнце и начался прилив, вся Тортуга была разбужена грохотом барабанов, звуками труб, пальбой буканьерских пистолетов и оглушительными криками флибустьеров, грузившихся на корабли. Это отправлялась в путь эскадра под командованием Олоне, Черного Корсара и Мигеля Баска.

Она состояла из восьми больших и малых кораблей, из восьмидесяти шести пушек шестнадцать находились на шхуне Олоне и двенадцать на «Молниеносном». Всего в поход отправилось шестьсот пятьдесят флибустьеров и буканьеров.

Как самый быстроходный корабль, «Молниеносный» возглавлял эскадру, выполняя одновременно роль разведчика.

На флагштоке грот-мачты развевался черный штандарт флагмана с золотой бахромой, на бизань-мачте большая красная лента – символ боевых кораблей. Остальные суда в два ряда следовали за «Молниеносным», но так, чтобы не мешать друг другу и не пересекать пути следом идущим.

Выйдя в открытое море, эскадра двинулась на запад, направляясь в Наветренный пролив, чтобы оттуда выйти в Карибское море.

Прекрасная погода, спокойное море и попутный ветер, дувший с северо-востока, благоприятствовали флибустьерам, так что все позволяло надеяться на быстрый и безопасный переход до Маракайбо, тем более что флот адмирала Толедо, как стало известно, крейсировал вдоль побережья Юкатана, направляясь в мексиканские порты.

Спустя два дня, никого не повстречав на пути, эскадра собиралась уже обогнуть мыс Энгано, как вдруг с «Молниеносного», шедшего все время впереди, подали сигнал, что какой-то корабль впереди следует к берегам Гаити.

Олоне, назначенный верховным командующим, приказал всем кораблям немедленно лечь в дрейф, а сам догнал «Молниеносного», готовившегося к погоне.

По ту сторону мыса вдоль берега плыла шхуна, на бизань-мачте которой развевался огромный испанский штандарт, а на грот-мачте – длинная лента, принадлежность военных судов. При виде мощного флота флибустьеров судно заметалось, словно ища убежища.

С помощью своих восьми кораблей Олоне легко мог заставить его сдаться или потопить огнем бортовых пушек, но гордые корсары вели себя с благородством, отнюдь не свойственным простым грабителям.

Нападать на врага, имея превосходство на своей стороне, казалось им трусостью, недостойной людей сильных, каковыми они справедливо себя считали.

Олоне дал знак Черному Корсару лечь, подобно другим, в дрейф и смело двинулся навстречу испанской шхуне, предлагая ей сдаться или принять бой. Одновременно он приказал матросам на носу предупредить неприятеля, что, независимо от исхода сражения, эскадра не двинется с места.

Не имея никакой возможности победить в неравной схватке и считая себя обреченным на гибель, испанское судно не стало тем не менее дожидаться вторичного приглашения к сдаче и вместо ответа разрядило во вражеский корабль все восемь пушек с левого борта, а капитан приказал прибить флаг гвоздями к мачте, дав таким образом понять, что он не намерен сдаваться без боя.

Обе стороны были настроены решительно. На испанском корабле было шестнадцать пушек, но лишь шестьдесят человек экипажа, у Олоне – столько же орудий, но вдвое больше людей, среди которых много буканьеров, славившихся меткой стрельбой из своих аркебуз, моментально решавших исход любого сражения.

Эскадра, послушная приказу своего отважного предводителя, легла в дрейф. Матросы высыпали на палубу, чтобы принять участие в сражении в качестве простых зрителей, однако они были уверены, что испанский корабль долго не продержится, так как перевес был на стороне корсаров.

Испанцы дрались не щадя сил. Их пушки яростно грохотали, стараясь то ядрами, то картечью сбить мачты и повредить оснастку пиратского судна, пытавшегося взять их на бордаж. Убедившись в численном превосходстве врага, испанцы лавировали, чтобы избежать бортового удара со стороны противника или возможного соприкосновения с ним, и все время поворачивались к нему носом.

Разъяренный упорным сопротивлением врага и желая как можно скорее покончить с ним, Олоне безуспешно пытался сблизиться с испанским кораблем, но под конец вынужден был уйти в сторону, чтобы не подставлять своих людей под картечь.

Перестрелка между обоими кораблями, повредившая множество парусов и оснастки, продолжалась три долгих часа, и тем не менее огромный испанский штандарт все еще развевался на прежнем месте. Шесть раз флибустьеры ходили на бордаж, и шесть раз испанцы отбрасывали их назад, но на седьмой корсары ворвались на вражеский корабль, и отважным защитникам корабля пришлось сдаться.

Обе стороны были настроены решительно.

Эта победа, воспринятая как счастливое напутствие, была встречена шумными криками флибустьеров, тем более что во время сражения «Молниеносный», войдя в небольшой залив-

чик, обнаружил еще одно испанское судно, вооруженное восемью пушками, и после краткой перестрелки заставил его сдаться.

Осмотрев захваченные корабли, флибустьеры увидели, что на большом находится богатый груз: ценные товары и слитки серебра, а на малом – порох и ружья, предназначавшиеся для испанского гарнизона на Гаити.

Высадив на берег экипаж обоих кораблей, чтобы не возиться с пленными, и устранив повреждения на мачтах, эскадра к концу дня снова двинулась в путь и взяла курс на Ямайку.

Обогнав миль на пять остальные корабли, «Молниеносный» вновь пошел впереди всех, поскольку, как мы уже говорили, ему было поручено вести эскадру к Маракайбо.

Черному Корсару не терпелось поскорее разведать путь, ибо он опасался, что какой-нибудь из испанских кораблей заметит, куда направляется его мощная эскадра, и уведомит губернатора Маракайбо или адмирала Толедо.

Потому он почти не покидал капитанского мостика, где спал ночью на бамбуковом лежаке, завернувшись в плащ.

Через три дня после захвата двух вражеских шхун «Молниеносный» обнаружил у берегов Ямайки тот самый линейный корабль, что совсем недавно ему пришлось брать на бордаж неподалеку от Маракайбо, оставленный из-за урагана у берегов этого острова.

Он по-прежнему шел без грот-мачты, но моряки укрепили переднюю и заднюю мачты и, поставив запасные паруса, обнаруженные на борту, спешили добраться до Тортуги, дабы не угодить в лапы испанцам.

Расспросив о здоровье раненых, оставленных на испанской шхуне, Черный Корсар взял курс на юг, торопясь поскорее добраться до Маракайбо.

Переход через Карибское море обошелся без происшествий: на всем пути море оставалось спокойным, и в ночь на четырнадцатый день с момента выхода эскадры с Тортуги Корсар заметил мыс Парагуана, обозначенный небольшим маяком, предупреждавшим мореплавателей о входе в малый залив.

– Наконец-то!.. – воскликнул флибустьер. – Завтра убийца моих братьев получит по заслугам... – Подозвав Моргана, поднявшегося на палубу, чтобы на четверть часа сменить командира, он распорядился: – Вся эскадра пройдет к озеру, а завтра, на рассвете, нагрянем внезапно на Маракайбо.

– Сойдем на берег?

– Да, вместе с буканьерами Олоне. Во время обстрела бастионов с моря мы нападём на них с суши, дабы помешать губернатору укрыться в Гибралтаре. Приготовьте к утру шлюпки для высадки на берег и поставьте на них мортиры.

– Хорошо, сеньор.

– Я сейчас вернусь, – добавил Корсар, – пойду надену боевые доспехи.

Оставив мостик, он спустился в кают-компанию, направляясь к себе в каюту.

Открывая дверь, Корсар вдруг почувствовал, что в салоне пахнет тонкими, хорошо знакомыми духами.

– Странно!.. – удивился он. – Не будь я уверен, что фламандка осталась на Тортуге, я поклялся бы, что она где-то здесь.

Он огляделся, но никого не увидел. Вдруг ему показалось, что в углу, рядом с широким окном, выходящим на море, белеет чья-то фигура.

Корсар никогда не терял присутствия духа, но, подобно людям своего века, был немного суеверен и при виде фигуры, застывшей в углу, почувствовал, что на лбу у него выступают капли холодного пота.

– Неужели это тень Красного Корсара? – прошептал он, отступая в сторону. – Неужели он хочет напомнить мне о клятве, принесенной здесь?.. Видно, душе его неспокойно на дне моря, где покоится его тело...

Но тут же, устыдившись своего страха, этот отважный и гордый человек выхватил из-за пояса кинжал и двинулся навстречу тени.

– Кто это? – спросил он. – Отвечайте, или будет плохо.

– Это я, кабальеро, – ответил нежный голос, от которого у Корсара дрогнуло сердце.

– Вы! – вскричал он изумленно и радостно. – Вы, сеньорита?.. Здесь, на корабле, но разве вы не на Тортуге? Сон это или явь?

– Это действительно я, – ответила молодая фламандка.

Отбросив кинжал, Корсар устремился к девушке. Он простер к ней руки и припал губами к кружевам ее платья.

– Вы здесь!.. – повторил он в волнении. – Но как вы здесь оказались?..

– Я не решаюсь сказать, – ответила смущенно девушка.

– Нет, говорите все, сеньорита.

– Я хотела быть с вами.

– Значит, вы меня любите? Скажите, это правда, сеньорита?..

– Да, – прошептала она едва слышно.

– Благодарю вас... Теперь я спокойно смогу смотреть в лицо смерти.

Вынув огниво и трут, он высек огонь, зажег свечу, но задвинул ее подальше в угол, чтобы свет не падал на море.

Молодая фламандка не отходила от окна. Закутавшись в белую кружевную шаль, она прижимала руки к груди, словно стараясь удержать сердце, стремившееся выскочить наружу. Склонив милую головку на плечо, она не сводила огромных блестящих глаз с Корсара, казалось позабывшего о своей вечной печали, ибо счастливая улыбка не сходила с его лица.

Несколько минут они смотрели друг на друга, словно не веря признаниям. Наконец Корсар, взяв девушку за руку, усадил ее на стул и сказал:

– Теперь признайтесь, сеньорита, каким чудом вы оказались здесь, хотя я оставил вас в своем доме на Тортуге. Я все еще не верю своему счастью.

– Я скажу все, кабальеро, если вы обещаете простить моих сообщников.

– Ваших сообщников!..

– Одной мне было бы не под силу проникнуть на корабль и пробыть в каюте четырнадцать суток.

– Я ни в чем не могу отказать вам, сеньорита, и послушникам нечего бояться: я так благодарен им за этот приятный сюрприз. Но кто же они?

– Ван Штиллер, Кармо и африканец.

– Так это они!.. – воскликнул Корсар. – Мне следовало бы догадаться самому... Но как вы добились этого? Ослушников флибустьеры расстреливают, сеньорита.

– Они были уверены, что не огорчат своего командира, ибо догадывались о нашей любви.

– А как вас привели сюда?

– Ночью, передевшись матросом, я прошла с ними на корабль, и никто ничего не заметил.

– И вас спрятали в одной из кают? – спросил, улыбаясь, Корсар.

– Да, по соседству с вами.

– А куда девались эти проказники?

– Они все время прятались в трюме, но частенько заглядывали ко мне, чтобы разделить со мной трапезу.

– Ах какие хитрецы!.. Трогательная преданность!.. Они готовы принять смертные муки, лишь бы видеть нас счастливыми. И все же кто знает, как долго продлится наше счастье... – добавил он с печалью.

– Но почему же?.. – спросила с беспокойством девушка.

– Потому что через два часа взойдет солнце и я должен буду вас покинуть.

– Так скоро?.. Не успели мы увидеться, как вы уже думаете о разлуке! – воскликнула с горестным изумлением фламандка.

– На рассвете в заливе начнется одно из самых грозных сражений, в которых когда-либо участвовали корсары с Тортуги. Восемьдесят орудий откроют огонь по бастионам, за которыми прячется мой смертельный враг, и шестьсот человек пойдут на их штурм с решимостью победить или умереть, сеньорита, и я поведу их к победе.

– Рискаю своей жизнью!.. – вскричала она с ужасом. – А если в вас попадет ядро?

– Моя жизнь в руках Провидения.

– Но поклянитесь, что вы будете беречь себя!

– Не забывайте, что я ждал два года этого дня! Чтобы свершилась наконец месть...

– Но что же сделал этот человек, если вы питаете к нему такую ненависть?

– Я вам говорил, что он убил трех моих братьев и совершил низкое предательство.

– Какое?

Корсар нахмурил брови и принялся шагать, стиснув зубы. Внезапно он остановился и, подойдя к девушке, с нескрываемой тревогой следившей за ним, сел рядом и проговорил:

– Выслушайте меня и рассудите сами, справедливо ли я ненавижу этого человека.

С тех пор прошло десять лет, но я все помню так, словно это было вчера...

В тысяча шестисот восемьдесят шестом году между Францией и Испанией вспыхнула война за Фландрию¹⁵. Стремясь уничтожить своего могущественного врага, одержавшего не одну победу, Людовик Четырнадцатый в расцвете своего могущества вторгся в провинции, покоренные грозным герцогом Альбой огнем и мечом. Людовик Четырнадцатый потребовал помощи у пьемонтского герцога Виктора Амедео Второго, который не смог ответить отказом и направил ему три лучших полка из Аосты, Ниццы и Марины.

В последнем служили и три моих брата, старшему из которых было не больше тридцати двух лет, а младшему, ставшему впоследствии Зеленым Корсаром, всего лишь двадцать.

Прибыв во Фландрию, наши полки доблестно сражались при переходе через Шельду, у Ганда и Турнэ, покрыв себя неуязвимой славой.

Союзные войска повсюду добились успеха, отбросив испанцев к Антверпену. Но в один несчастный день часть нашего полка, прорвавшись к устью Шельды, чтобы занять замок, оставленный противником, была неожиданно атакована численно превосходившими силами испанцев и была вынуждена поспешно укрыться за крепостными стенами, с большим трудом сохранив свою артиллерию.

Среди осажденных в замке оказались и мы четверо.

Отрезанные от французской армии, окруженные со всех сторон превосходящими силами противника, решившего во что бы то ни стало вернуть себе замок, который занимал ключевую позицию на одном из главных рукавов Шельды, нам ничего другого не оставалось, как только сдаться или умереть. Мы поклялись лучше погибнуть под развалинами замка, чем опустить славный савойский стяг.

Во главе нашего полка, неизвестно по какой причине, король поставил старого фламандского герцога, слывшего доблестным и отважным полководцем. Оказавшись с отрядом в окружении, он взял на себя руководство обороной.

Борьба за замок приняла ожесточенный характер. Каждый день вражеская артиллерия неустанно бомбардировала бастионы, и если утром мы еще сохраняли способность сопротивляться, то только потому, что ночью наспах засыпали брешу.

В течение двух недель враги осаждали нас днем и ночью. И они и мы несли большие потери. На все предложения сдаться мы отвечали огнем из пушек.

¹⁵ Время действия романа «Черный Корсар» – начало 1650-х годов, поэтому главный герой никак не мог принимать участие в войне 1686 года. Возможно, Э. Сальгари имел в виду Франко-испанскую войну 1635–1659 годов. – *Примеч. ред.*

Мой старший брат стал душой обороны. Отважный офицер, владевший всеми видами оружия, он руководил артиллерией, водил в бой пехотинцев, был первым в атаке и отступал последним.

Отвага этого замечательного воина вызвала тайную зависть в душе командующего-фламандца, что в дальнейшем имело для всех нас пагубные последствия.

Забыв о клятве верности герцогу Савойскому и не побоявшись запятнать своими действиями одну из древнейших фламандских фамилий, он вступил в тайный сговор с испанцами. Место губернатора в американских колониях и крупная денежная сумма должны были служить ему наградой за вероломное предательство. Однажды ночью с помощью своих фламандских родственников он открыл потайной ход и впустил врагов, незаметно подкрававшихся к замку.

Мой старший брат, стоявший в дозоре, заметил испанцев и устремился к ним навстречу с солдатами, но предатель встретил его за углом бастиона с пистолетом в руках.

Мой брат упал смертельно раненный, и враги ворвались в город. Мы сражались за каждую улицу, за каждый дом, но замок пал, и мы едва успели спастись с немногими верными людьми, поспешно отступив в Куртрэ...

Скажите, сеньорита, вы простили бы этого человека?

– Нет, – ответила девушка.

– Мы поклялись казнить предателя за смерть нашего брата и по окончании войны долго разыскивали его сначала во Фландрии, а потом в Испании.

Узнав, что его назначили губернатором одной из самых сильных испанских крепостей на Американском континенте, я со своими братьями приобрел три судна, и мы отправились в Великий залив, горя желанием наказать предателя.

Так мы стали корсарами. Самый отчаянный, но менее опытный из нас, Зеленый Корсар попал в руки заклятого врага и был вздернут на виселице, как разбойник с большой дороги. Затем настал черед Красного Корсара, но и с ним судьба обошлась так же круто.

Оба моих брата, угодившие на виселицу, покоятся теперь на дне моря и ждут, когда я отомщу за них. Теперь же, часа через два, если Бог даст, предатель будет в моих руках...

– И что вы с ним сделаете?

– Повешу, сеньорита, – ответил холодно Корсар. – Затем уничтожу всех, кто имеет несчастье носить его имя. Он разрушил мою семью, я разрушу – его. Я поклялся в этом в ту ночь, когда опустил Красного Корсара на дно моря, и сдержу свое слово.

– Но где мы находимся? Как называется город, которым правит этот человек?

– Скоро узнаете.

– Но как зовут губернатора? – спросила с тревогой девушка.

– Вы хотите знать его имя?

Молодая фламандка поднесла к лицу шелковый платок и вытерла холодный пот, выступивший на лбу.

– Не знаю, – сказала она прерывающимся голосом. – В юности я, кажется, слышала от военных, служивших у моего отца, историю, похожую на ту, которую вы только что мне рассказали.

– Этого не может быть, – возразил Корсар. – Вы никогда не бывали в Пьемонте.

– Нет, никогда, но прошу вас, назовите мне имя этого человека.

– Хорошо, я вам скажу: его зовут герцог Ван Гульд...

В ту же минуту пушечный выстрел гулко прокатился над морем.

Черный Корсар бросился вон из салона.

– Светает! – вскричал он.

Молодая фламандка пальцем не шевельнула, чтобы удержать его. В отчаянии она заломила руки, затем беззвучно, словно пораженная молнией, упала на ковер.

19

Штурм Маракайбо

Пушка, из которой был дан выстрел, находилась на корабле Олоне. Он возглавлял эскадру, дрейфовавшую в двух милях от Маракайбо, возле форта, расположенного на высоте, защищавшей вместе с двумя островками вход в город.

Кто-то из побывавших с Зеленым и Красным Корсарами в заливе Маракайбо посоветовал Олоне высадить буканьеров именно здесь, чтобы зажать в клещи форт, господствовавший над входом в озеро, и флибустьер поспешил дать сигнал к военным действиям.

С изумительной быстротой матросы со всех кораблей спустили на воду шлюпки; в них, как по команде, попрыгали буканьеры и флибустьеры, забрав с собой ружья и абордажные сабли.

Когда Черный Корсар добрался до мостика, Морган уже разместил в шлюпках шестьдесят человек, отобранных из наиболее предприимчивых и крепких.

– Капитан, – сказал он, обращаясь к Черному Корсару, – нельзя медлить ни минуты. Скоро моряки начнут атаку, а наши флибустьеры должны первыми пойти на штурм форта.

– Олоне давал какие-нибудь указания?

– Да, сеньор. Он приказал уберечь флот от обстрела из форта.

– Хорошо. Примите командование «Молниеносным».

Поспешно надев боевые доспехи, поданные ему боцманом, Корсар спустился в большую шлюпку, ожидавшую его у левого борта, в которой сидели уже тридцать человек.

Начинало светать, а потому надо было поторапливаться с высадкой на сушу, иначе испанцы могли сосредоточить в форте значительные силы.

Все шлюпки, переполненные людьми, быстро заскользили по зеркальной поверхности залива, направляясь к поросшему лесом крутому берегу, постепенно переходящему в возвышенность, на вершине которой чернел гигантский массив форта – мощной крепости, вооруженной шестнадцатью крупнокалиберными пушками и имевшей, по всей видимости, немалое число защитников.

Испанцы, встревоженные выстрелом пушки с корабля Олоне, поспешили выставить на подступах к крепости несколько заслонов и немедленно открыли яростный огонь из пушек.

Ядра сыпались, вспучивая воду и поднимая фонтаны брызг вокруг шлюпок, но флибустьеры ловко маневрировали, и ядра почти не достигали цели.

Молниеносными бросками и головокружительными поворотами они не позволяли противнику вести прицельную пальбу.

Три шлюпки, возглавляемые Олоне, Черным Корсаром и Мигелем Баском, вырвались вперед и, управляемые сильнейшими гребцами, быстро приближались к берегу, стараясь опередить отряды испанцев, уже пробиравшихся к морю, чтобы занять удобные позиции.

Пиратские корабли держались подальше от флота, дабы не попасть под огонь его шестнадцати мощных орудий, но «Молниеносный» под командованием Моргана подошел на тысячу футов к берегу и прикрывал высадку стрельбой из носовых пушек.

Через пятнадцать минут, несмотря на яростную перестрелку, первые шлюпки пристали к берегу. Прибывшие в них буканьеры и флибустьеры, не дожидаясь остальных, стремительно выскочили на сушу и бросились в лес следом за своими жожаками, чтобы отбросить назад отряды испанцев, засевших на склонах холма.

– В атаку, ребята! – закричал Олоне.

– Вперед, морские волки!.. – прогремел Черный Корсар, бежавший со шпагой в правой и пистолетом в левой руке.

Испанцы встретили нападавших шквальным огнем, но результат был ничтожный: мешали деревья и густые кустарники, покрывавшие склоны холма.

Крепостные пушки также продолжали стрелять с оглушительным грохотом, изрыгая в сторону врага огромные ядра. Вокруг флибустьеров и буканьеров с шумом рушились деревья, на голову падали срезанные пулями ветви, плоды и листья, но ничто не могло остановить их.

Они обрушились на врага, словно лавина, сметающая все на своем пути, смяли испанские заслоны, изрубив солдат абордажными саблями, и, невзирая на упорное сопротивление последних, смело двинулись вперед.

Немногим испанцам удалось спастись бегством, ибо почти все предпочитали умереть с оружием в руках, но не сдаваться.

– На штурм крепости! – вскричал Олоне.

Окрыленные первым успехом, корсары взобрались по склону, стараясь незаметно пробраться сквозь густые заросли.

Их стало уже более пятисот, поскольку к ним подоспели товарищи, но взять крепость было нелегко: у нападающих не было лестниц. К тому же испанский гарнизон состоял из двухсот пятидесяти доблестных солдат, защищавшихся с беспримерной отвагой и вовсе не собиравшихся сдаваться.

Поскольку форт был расположен на большой высоте, то его пушки по-прежнему продолжали свое дело, обстреливая леса ураганным огнем и угрожая уничтожить ряды нападающих.

Предвидя, что сопротивление осажденных будет долгим, Олоне и Черный Корсар остановились, чтобы посоветоваться друг с другом.

– Боюсь, что мы потеряем слишком много людей, – заметил Олоне. – Надо что-нибудь придумать, чтобы пробить в стенах брешь, иначе нам будет худо.

– Есть только одно средство, – ответил Корсар.

– Говори скорее.

– Взорвать мину у подножия бастиона.

– Это, конечно, самое лучшее, но кто отважится рискнуть своей жизнью?

– Я, – произнес чей-то голос за ними.

Обернувшись, они увидели Кармо с неразлучным Ван Штиллером и черным кумом.

– Ах, это ты, сорвиголова!.. – проговорил Корсар. – Что ты тут делаешь?

– Следую за вами, командир. Вы меня простили, и я теперь не боюсь, что меня расстреляют.

– Не расстреляют, а отправят закладывать мину.

– Слушаюсь, капитан. Через четверть часа в стене будет сделана брешь.

Затем, обратившись к обоим друзьям, он распорядился:

– Ван Штиллер, иди сюда, а ты, Моко, принеси тридцать фунтов пороха и хороший фитиль.

– Надеюсь увидеть тебя живым, – промолвил Корсар, смягчаясь.

– Спасибо на добром слове, капитан, – ответил Кармо, поспешно удаляясь.

Тем временем флибустьеры и буканьеры продолжали двигаться к форту под прикрытием деревьев, стараясь меткими выстрелами выбить испанцев, засевших в бойницах.

Враги защищались с упорством, достойным восхищения. Они открыли такой адский огонь, что крепость стала походить на вулкан во время извержения. Огромные клубы дыма валили из всех бастионов.

Ядра и картечь сметали все на своем пути, вырывая с корнем деревья и срезая кустарники, в которых прятались флибустьеры в ожидании подходящего для штурма момента.

Внезапно на вершине холма раздался мощный взрыв, гулко прокатившийся над лесом в сторону моря. Из боковой стены форта вырвался столб пламени, и на деревья посыпались обломки, уничтожившие не одну сотню ветвей и нанесшие оборонявшимся немалый урон.

Сквозь вопли испанцев, грохот орудий слышался твердый голос Черного Корсара:
– Вперед, морские волки! На штурм!

При виде командира, отважно выбежавшего из укрытия, флибустьеры и буканьеры бросились вслед за ним вместе с Олоне. Они быстро преодолели последний подъем, пересекли, не останавливаясь, площадку перед фортом и устремились на штурм одного из главных бастионов, в котором мина, взорванная Кармо и его друзьями, пробила солидную брешь.

Минуя завалы и пушки, изуродованные взрывом, Черный Корсар устремился вперед, и его разящая шпага уже принялась за привычное дело, поражая врагов, сбегавшихся для защиты проема в стене.

Размахивая абордажными саблями и крича что есть мочи, чтобы навести страх на обороняющихся, корсары бросились вслед за ним и в единый миг опрокинули испанцев. Словно бурный поток, вышедший из берегов, разлились они по всему форту.

Двести пятьдесят защитников крепости оказались не в силах устоять перед напором корсаров. Они попытались укрыться в эскарпах, но их быстро вытеснили оттуда; тогда они кинулись на площадь, чтобы помешать флибустьерам спустить огромный испанский стяг, но и здесь корсары одержали верх, и преследуемым, не желавшим сдаться, ничего другого не оставалось, как только погибнуть.

– Вперед, морские волки! На штурм!

Увидев, что флаг спущен, Черный Корсар поспешил двинуть своих людей на оставшийся без защиты город. Собрал отряд в сто человек, он бегом спустился с холма и понесся по опустевшим улицам Маракайбо.

Все жители бежали в леса, захватив с собой наиболее ценные вещи. Но какое было дело до этого Черному Корсару? Не для грабежа организовал он эту экспедицию.

С головокружительной быстротой мчались они к дворцу Ван Гульда.

Площадь Гранады была пустынна, ворота губернаторского дворца распахнуты.

«Неужели удрал? – подумал Корсар, стиснув зубы. – Ну нет, ты не уйдешь от меня...»

При виде открытых ворот флибустьеры, следовавшие за Корсаром, остановились, опасаясь засады. Слегка поколебавшись, Корсар пошел внутрь двора, хотя и ему было несколько не по себе.

Он уже собирался войти во двор, как вдруг почувствовал, как чья-то тяжелая рука легла ему на плечо и кто-то властно сказал:

– Не вы, капитан. Если позволите, первым войду я.

Нахмутив лоб, Корсар обернулся и увидел перед собой Кармо, черного от порохового дыма, в изорванной одежде, но, как всегда, сияющего весельем.

– Это ты!.. – воскликнул Корсар. – А я думал, что мина оставила от тебя мокрое место.

– А я живучий, капитан. И за мной, живые и невредимые, следуют мои друзья.

– Тогда вперед!..

Кармо и подоспевшие Ван Штиллер и африканец, тоже опаленные огнем, ринулись во двор, размахивая пистолетами и абордажными саблями. Следом за ними двинулись Корсар и остальные флибустьеры.

Во дворце было пусто. Солдаты, стремянные, конюшие, слуги, рабы – все бежали вместе с жителями города, ища убежища в густых прибрежных лесах. Во дворе только лежала лошадь со сломанной ногой.

– Жильцы переехали, – сказал Кармо. – Надо бы вывесить на воротах объявление: «Сдается внаем».

– Пойдемте наверх, – сдавленным голосом сказал Корсар.

Бросившись вверх по лестнице, флибустьеры ворвались в жилые комнаты, но и там все двери были распахнуты, мебель перевернута, сундуки открыты и пусты. Все говорило о поспешном бегстве.

Внезапно в одной из комнат послышались крики. Корсар, бегло оглядевший все залы, направился в ту сторону и увидел, что Кармо и Ван Штиллер волокут высокого и тощего, как гвоздь, испанского солдата.

– Узнаёте, капитан? – воскликнул Кармо, подталкивая несчастного пленника.

При виде Корсара испанский солдат снял стальной шлем, украшенный потрепанным пером, и, изогнув длинную тощую спину, невозмутимо проговорил:

– Я ждал вас, сеньор, я рад вас приветствовать.

– Как! – воскликнул корсар. – Снова вы?

– Да, ваш знакомец из леса, – ответил тощий старик с улыбкой. – Вы не стали вешать меня, и я остался жив.

– Ну, так теперь ты за все мне заплатишь! – крикнул Корсар.

– Может, я плохо сделал, что остался? Выходит, надо было бежать со всеми остальными!

– Ты меня ждал?

– Что же, по-вашему, мешало мне исчезнуть?

– Верно. Так зачем же ты остался?

– Я хотел снова увидеть человека, великодушно подарившего мне жизнь в ту ночь, когда я попался к нему в руки.

– Говори ясней.

– К тому же я хотел оказать небольшую услугу Черному Корсару.

– Ты?

– Это вас удивляет? – промолвил испанец.

– По правде говоря, да.

– Узнайте же тогда... Услышав, что вы оставили меня в живых, когда я очутился у вас в руках, губернатор распорядился всыпать мне двадцать пять палочных ударов. Это меня-то! Наказать палками меня, дона Бартоломео из рода Бурбоба-и-Камарчуа, отпрыска одной из знатнейших фамилий Каталонии!.. Каррамба!

– Короче!

– Тогда я поклялся отомстить этому фламандцу, обращающемуся с испанскими дворянами и солдатами хуже, чем с собаками или рабами, и стал вас ждать. Вы пришли сюда, чтобы казнить его, но он, видя, что форт попал к вам в руки, бежал.

– Ах так!.. Он бежал?

– Да, но я знаю куда и поведу вас по следу.

– Отвечай, куда бежал Ван Гульд!

– В лес.

– Куда он направляется?

– В Гибралтар.

– Вдоль берега?

– Да, капитан.

– Тебе известен этот путь?

– Лучше, чем его проводникам.

– Сколько с ним людей?

– Один капитан и семеро доверенных людей. Пробирайтесь сквозь чащу лучше с небольшим отрядом.

– А где остальные солдаты?

– Разбежались.

– Хорошо, – промолвил Корсар. – Мы отправимся в погоню за негодяем. Днем и ночью мы будем преследовать его. Есть у него лошади?

– Да, но ему придется их бросить, ибо в лесу они бесполезны.

– Подожди меня здесь.

Подойдя к письменному столу, на котором возле роскошной бронзовой чернильницы лежала бумага и несколько перьев, он быстро набросал следующие строки:

Дорогой Пьетро!

Я преследую Ван Гульда, который уходит через леса. Со мной Кармо, Ван Штиллер и африканец. Располагай моим судном и моими людьми и, когда кончишь свои дела в городе, заезжай за мной в Гибралтар, который в сто раз богаче Маракайбо.

Черный Корсар

Запечатав записку, он вручил ее боцману «Молниеносного», попрощался со всеми флибустьерами и воскликнул:

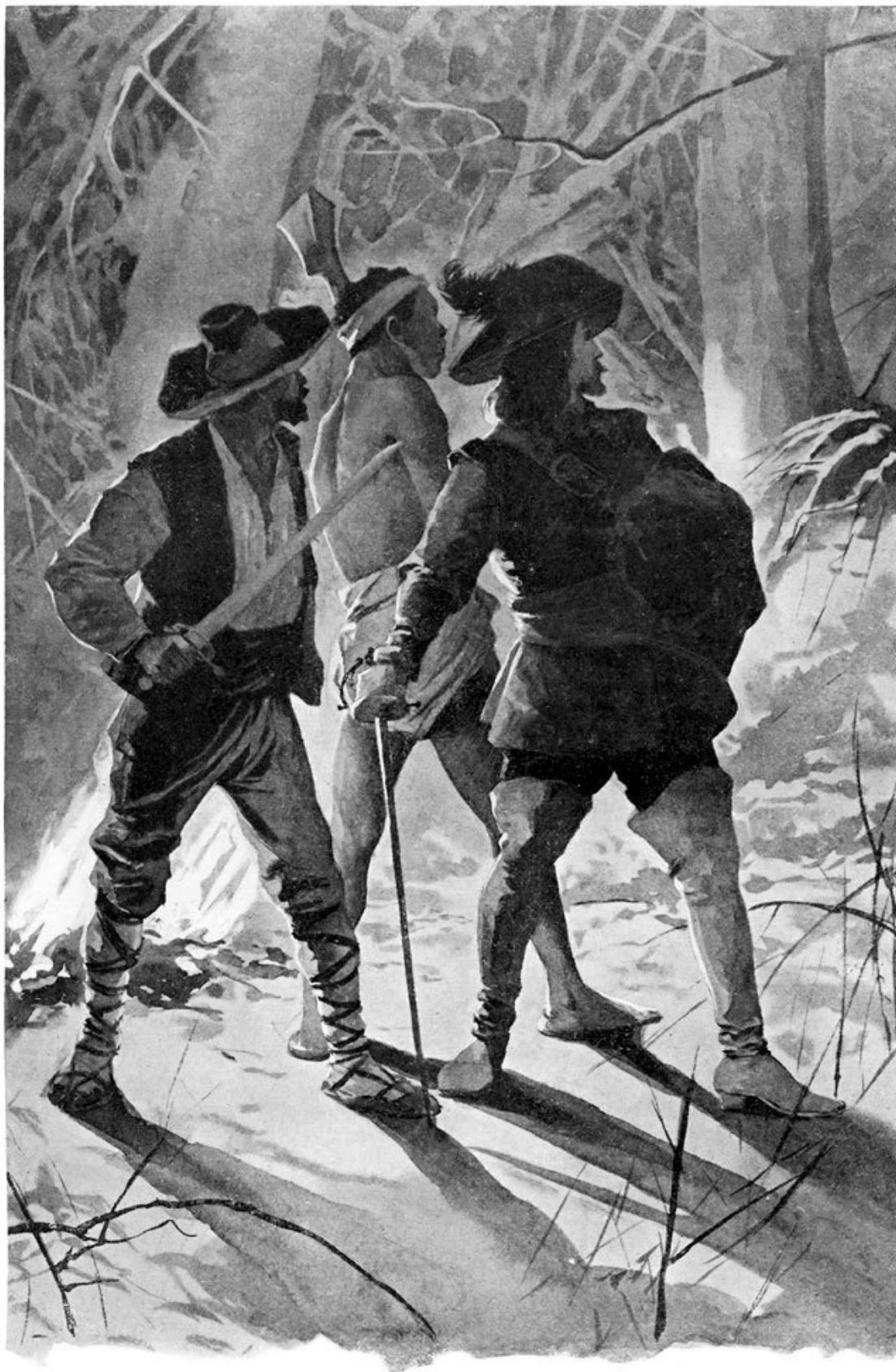
– Увидимся в Гибралтаре, ребята! – Затем, повернувшись к Кармо, Ван Штиллеру, африканцу и пленнику, сказал: – Теперь в погоню за смертельным врагом!

– Я прихватил с собой новую веревку, чтобы его повесить, командир, – улыбнулся Кармо. – Я ее испробовал вчера и ручаюсь, что она выдержит любую тяжесть.

20

Погоня за губернатором Маракайбо

Пока флибустьеры и буканьеры Баска и Олоне, ворвавшись в Маракайбо, где никто не оказал им ни малейшего сопротивления, предавались грабежу, Черный Корсар и его четверо спутников, вооружившись ружьями и запасшись провиантом, бросились по следам бежавшего губернатора.

Первые следы беглецов не замедлили обнаружиться.

Сразу же за городом они попали в сплошные заросли, окаймляющие озеро Маракайбо, и направились по едва заметной тропинке, которая, как объяснил пылавший жаждой мести каталонец, должна была, однако, скоро кончиться.

Первые следы беглецов не замедлили обнаружиться. На влажной почве в зарослях отчетливо виднелись следы подков восьми лошадей и двух человеческих ног. Нетрудно было догадаться, что по тропинке проследовали восемь всадников и один пешеход. Это точно совпадало с показаниями испанского пленника.

– Видите! – торжествующе воскликнул каталонец. – Здесь прошли губернатор с капитаном и семью солдатами, один из которых передвигается пешком. Как видно, во время паники конь сломал ногу.

– Видим, – ответил Корсар. – Как ты думаешь, они намного нас опередили?

– Часов на пять, не меньше.

– Это немало, но нас этим не испугаешь.

– Охотно верю, но нам не догнать их ни сегодня, ни завтра. Вы ведь не имеете представления о лесах Венесуэлы, но скоро убедитесь, как они опасны.

– От кого же нам ждать неприятных сюрпризов?

– От враждебных племен и диких зверей.

– Мы не боимся ни тех ни других.

– Карибы круто обходятся со своими врагами.

– Тогда от них не поздоровится и губернатору.

– Но они его союзники, а не ваши.

– Разве они прикрывают его отступление?

– Возможно, капитан.

– Это меня не волнует. Я никогда не боялся индейцев.

– Ну что же, пойдете, кабальеро: мы на краю джунглей.

Тропинка внезапно оборвалась перед огромными зарослями, стоявшими сплошной зеленой стеной, образованной густой листвой и гигантскими стволами, между которыми, казалось, не могли пробраться ни люди, ни кони.

Тот, кто не бывал в южноамериканских тропиках и особенно в бассейнах огромных тропических рек, никогда не сможет составить представление о буйной растительности, произрастающей на влажных почвах в этом жарком климате.

Девственная почва, постоянно удобряемая листвой и плодами, а они наслаиваются друг на друга веками, постоянно покрыта такой густой растительностью, какой не знает никакая другая часть света. Здесь даже самые скромные виды растений приобретают гигантские размеры.

Черный Корсар и испанец остановились перед темными зарослями и во избежание неожиданностей стали внимательно прислушиваться к долетавшим из них звукам. Тем временем оба флибустьера и африканец вглядывались в чащу.

– Где же они проехали? – спросил Корсар испанца. – В этом сплетении лиан и деревьев не пройдешь.

– Гм!.. – хмыкнул каталонец. – Не унес же их дьявол, надеюсь. Кто же тогда заплатит мне за палочные удары?

– Не на крыльях же летели их кони, – промолвил Корсар.

– Губернатор хитер: он наверняка постарался запутать свои следы.

– Где-то, кажется, шумит вода, – сказал Кармо.

– Тогда все понятно, – заметил каталонец.

– Что же? – спросил Корсар.

– Следуйте за мной, кабальеро.

Отойдя назад, солдат отыскал на земле следы копыт и пошел по этим следам, минуя заросли колючих пальм, дающих гроздь плодов, похожих на наши каштаны.

Стараясь не оцарапаться об их длинные и острые шипы, он скоро добрался до того места, откуда доносился шум воды.

Он еще раз взглянул на землю, стараясь различить на примятой траве и листьях лошадиные следы, ускорил шаг и не останавливался, пока не дошел до небольшой речки с темной водой, шириной в два-три метра.

– Ха-ха! – засмеялся он весело. – Я говорил вам, что старик хитер.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Корсар, начиная уже терять терпение.

– Что он пошел по этой речке, чтобы сбить нас с толку и пробраться в джунгли.

– Река глубока?

Каталонец погрузил в воду свою шпагу и нащупал дно:

– Здесь глубина меньше одного-двух футов.

– Змеи здесь водятся?

– Нет. Я уверен, что нет.

– Тогда и мы войдем в воду. И быстрее, быстрее! Посмотрим, как долго они ехали на лошадях.

Все пятеро вошли в речку: испанец – первым, африканец – последним, поскольку ему поручили следить за тем, что происходило позади. Как только они сделали несколько шагов по дну, темная вода еще больше помутнела, со дна поднялись грязь, ил, гниющие листья, от которых шло невыносимое зловоние.

Лесная речушка изобиловала водорослями и другими прибрежными растениями, во многих местах казавшимися затоптанными или оборванными. Повсюду попадались заросли хрупких растений из семейства ароидных, ломающихся от малейшего прикосновения, поскольку их стебли почти полностью состоят из непрочной губчатой массы, и многие другие, мешавшие флибустьерам двигаться.

Под темными сводами, образованными кроной громадных растений, склонявшихся над маленьким водяным потоком, царил почти полная тишина. Лишь временами через правильные промежутки неожиданно раздавался звук, похожий на колокол и заставлявший Кармо и Ван Штиллера задирать голову, настолько он был обманчив.

Но этот серебристый звон, отчетливо разносившийся по лесу, пробуждая эхо в девственном лесу, исходил не от колокола, а от птицы, прятанной в густой листве деревьев и прозванной испанцами звонарем. Крик этой птицы величиной с небольшого голубя разносится очень далеко.

Маленький караван продолжал двигаться в полной тишине, желая поскорее узнать, до какого места губернатор и его эскорт могли ехать на лошадях сквозь непроходимые заросли, сплетавшиеся так густо, что почти полностью заслонили свет солнца. Внезапно с левого берега раздался выстрел, и по реке пошла рябь, словно от картечи.

– Гром и молния!.. – воскликнул Ван Штиллер, инстинктивно пригнувшись. – Никак мы попали в засаду?!

Корсар тоже пригнул голову и поспешно схватил ружье, а флибустьеры предусмотрительно отскочили назад. Только каталонец не двинулся с места, спокойно разглядывая деревья, росшие по берегам реки.

– Засада? – спросил Корсар.

– Я никого не вижу, – смеясь, ответил каталонец.

– Но кто же стрелял? Ты слышал?

– Да, капитан.

– Так что же это значит, по-твоему?

– Как видите, мне даже смешно.

В это мгновение сверху донесся грохот еще сильнее прежнего. И снова река вспенилась от града осколков.

– Это бомба!.. – воскликнул Кармо, отступая назад.

– Да, только с дерева, – ответил каталонец. – Подождите, я вам покажу, в чем дело.

Перейдя на правый берег, он показал своим спутникам растение, по всей видимости принадлежавшее к роду колючих ансар, с шипами на ветках и листьями шириной в двадцать-тридцать сантиметров. На ветвях висели круглые плоды, заключенные в жесткую оболочку.

– Будьте осторожны, – предупредил он. – Плоды уже перезрели.

Не успел он закончить фразу, как один из шарообразных плодов с грохотом разорвался, осыпав окружающих градом мелких зерен.

– Они не причинят вам зла, – сказал каталонец, видя, что Кармо и Ван Штиллер отпрянули назад. – Это обыкновенные семена. Как только плод перезреет, оболочка становится страшно твердой. И потом лопается под напором перебродившей мякоти и разбрасывает вокруг семена. А лежат они в шестнадцати камерах.

– Но плоды-то, по крайней мере, съедобны?

– В них есть млечный сок, но им не брезгают только обезьяны, – ответил каталонец.

– Черт возьми, оказывается, есть деревья, которые швыряются бомбами!.. – воскликнул Кармо. – А я-то думал, что на нас напали солдаты губернатора.

– Идемте же! – скомандовал Корсар. – Время не ждет.

Флибустьеры двинулись дальше и, пройдя двести-триста шагов, увидели перед собой груды каких-то полузатопленных тел, возвышавшихся посередине реки.

– Ого! – воскликнул каталонец.

– Что там? – спросил Кармо. – Надеюсь, не новый склад гранат?

– Боюсь, что хуже. Если зрение мне не изменяет, это кони губернатора и его свиты, – ответил каталонец.

– Осторожно... – предупредил Корсар. – Всадники могли укрыться где-нибудь поблизости.

– Вряд ли, – возразил каталонец. – Губернатор знает, с кем он имеет дело. Он наверняка опасается погони.

Они продвигались друг за другом на некотором расстоянии, дабы всем сразу не оказаться под огнем противника. Шли пригибаясь, стараясь укрыться под сенью деревьев.

Опасаясь засады, каталонец останавливался через каждые десять-двадцать шагов, напрягая слух и вглядываясь в сплетения лиан, окутывавших деревья на обоих берегах речки.

Следуя вперед с величайшей осторожностью, преследователи добрались наконец до того места, где громоздились темные туши. Каталонец не ошибся: это были убитые кони, брошенные в реку один возле другого. С помощью африканца он приподнял одного из них и увидел, что тот прирезан навахой.

– Это губернаторские кони, – сказал каталонец.

– Но где же всадники? – спросил Корсар.

– Наверное, ушли в заросли.

– Ты видишь какие-нибудь следы?

– Нет, но... ах, хитрецы!

– В чем дело?

– Видите там сломанную ветку, из которой все еще течет сок?

– Ну и что?

– Посмотрите повыше, там еще два сломанных сучка.

– Вижу.

– Так вот, эти хитрецы забрались на ветви и спустились по ту сторону прибрежных зарослей. Нам остается только последовать их примеру.

– Ну, морякам к этому не привыкать, – заметил Кармо. – А ну, разом! Свистать всех наверх!..

Протянув вверх длинные и тонкие, как у паука, руки, каталонец подтянулся и влез на могучий сук. Следом за ним с замечательной быстротой вскарабкались на деревья и все остальные.

Старый солдат ловко перескочил на другой сук, протянувшийся чуть ниже, оттуда – на другое дерево и так продолжал свое воздушное путешествие, внимательно приглядываясь к сучкам и листьям, попадавшимся на пути.

Добравшись до густого сплетения лиан, он внезапно спрыгнул на землю, издав радостный крик.

– Эй, каталонец! – окликнул его Кармо. – Никак ты нашел кусок золота? Говорят, его здесь полно.

– Нет, это всего-навсего кинжал, но для нас он дороже золота.

– Конечно, если всадить его в сердце губернатору!

Черный Корсар также спрыгнул на землю и поднял короткий клинок с узорчатым лезвием и тонким, как игла, острием.

– Его, наверное, потерял капитан, сопровождающий губернатора, – заметил каталонец. – Я этот кинжал видел у него за поясом.

– Значит, они спустились здесь, – заметил Корсар.

– Смотрите-ка, вон тропа, которую они прорубили топорами в зарослях. Ведь у каждого на седле было по топору.

– Отлично, – сказал Кармо. – Это позволит нам избежать напрасного труда, и мы будем продвигаться гораздо быстрее.

– Итак, до них очень далеко. Были бы они близко, мы бы услышали удары их топоров.

– Они опередили нас на четыре или пять часов.

– Это много, но мы все равно их догоним.

Флибустьеры и каталонец двинулись по тропинке, проложенной беглецами в девственной чаще. В том, что здесь недавно побывали люди, не было никакого сомнения: срубленные ветви не успели завянуть и во множестве валялись на земле.

Вскоре, чтобы наверстать упущенное время, все пятеро перешли на бег. Но внезапно им пришлось сбавить скорость – впереди возникло непредвиденное препятствие: земля у подножия гигантских деревьев оказалась сплошь устланной густым ковром колючей ансары – растения, весьма распространенного в джунглях Венесуэлы и Гвинеи и делающего лес почти непроходимым. Шипы их настолько остры, что прокалывают не только ткани, но зачастую и подошвы ботинок. Африканец, шедший босым, а также Кармо и Ван Штиллер, не имевшие высоких сапог, вскоре очутились к безвыходному положению.

– Гром и молния! – воскликнул Ван Штиллер, первым наткнувшийся на колючку. В ад и то, наверное, легче пробраться. Того и гляди оставишь здесь шкуру, как святой Варфоломей¹⁶.

– Акула тебя подери! – заорал Кармо, тут же подскочивший от боли. – Хромать нам всем, если дело пойдет так дальше. Не мешало бы лешему вывесить объявление: «Проход запрещен».

– Не беда, мы найдем другой, – подбодрил его каталонец. – Жаль только, что уже день на исходе.

– Неужели придется остановиться? – спросил Корсар.

– Судите сами!..

Как-то разом в лесу воцарилась глубокая тьма, заполнившая все его уголки.

– Но беглецы ведь тоже остановятся? – спросил Корсар, нахмутив брови.

– Да, до восхода луны, – ответил каталонец.

¹⁶ По преданию, мученическая казнь одного из апостолов – Варфоломея – состояла в том, что палачи содрали с него кожу.

- А когда взойдет луна?
- В полночь.
- Тогда устраиваем привал, – дал команду Черный Корсар.

21

В девственном лесу

В ожидании восхода луны маленький отряд выбрал местечко под корнями огромной суммамейры, возвышавшейся над всеми деревьями джунглей.

Суммамейры, достигающие зачастую шестидесяти и даже семидесяти метров, опираются на собственные подпорки в виде узловатых корней необычайной толщины. Симметрично располагаясь вокруг ствола, они образуют причудливые арки, под которыми могут поместиться свыше двадцати человек.

Это укромное убежище предохраняло Корсара и его друзей от любых напастей как со стороны людей, так и зверей.

Кое-как примостившись под корнями лесного великана и наскоро проглотив по кусочку мяса с сыром, путники решили с пользой провести оставшиеся четыре часа и вздремнуть, прежде чем продолжать погоню. Не считая разумным всем оказаться в объятиях Морфея, они установили дежурство.

Пошарив в траве и осмотрев все вокруг, дабы убедиться в отсутствии змей, они воспользовались советом каталонца и набрали, каждый для своего ложа, побольше листвы, опавшей с громадного дерева. Растянувшись на мягкой подстилке, путники спокойно заснули, а африканец и Кармо встали на страже, чтобы охранять покой спящих.

Беспросветная тьма сменила сумерки, длящиеся на экваторе буквально минуты, и многоголосый хор птиц и зверей разом смолк.

На несколько минут воцарилась тягостная тишина, словно все пернатые и мохнатые обитатели леса исчезли или погибли по мановению волшебной палочки, но вскоре до слуха часовых из темноты донесся такой неистовый гвалт, что Кармо, не привыкший ночевать в джунглях, подскочил от страха.

Казалось, на деревьях засела целая свора собак, принявшаяся лаять, рычать, завывать... Ко всем этим звукам присоединялся какой-то странный скрип, будто издаваемый ржавыми колесами.

– Акула тебя подери! – выругался Кармо, задирая голову кверху. – Что там за гвалт? Можно подумать, что здешние собаки летают, как птицы, и царапаются, как кошки. Как они туда забрались? Не знаешь, черный кум?

Вместо ответа африканец тихо рассмеялся.

– А это кто так расшумелся?.. – продолжал Кармо. – Похоже, будто сотня моряков решила раскрутить все снасти, чтобы произвести чертовски трудный маневр. Это что – обезьяны, кум?..

– Нет, белый кум, – ответил африканец, – это лягушки, всего только лягушки.

– Это они так квакают?

– Да, кум.

– А это кто же такой?.. Слышишь? Будто сотня кузнецов колотит по жести, чтобы изготовить котлы для преисподней.

– Это тоже лягушки.

– Акула их подери!.. Скажи мне это кто-нибудь другой, я наверняка бы принял его за шутника или безумца. А это что еще за лягушки?

В этот миг из джунглей донесся такой мощный рев, перешедший в легкое подвывание, от которого нестройный хор лягушек разом смолк.

Явно взволнованный, африканец живо обернулся в ту сторону и поспешно схватил лежавшую рядом аркебузу.

– Видать, это – властелин, раз он рычит так громко, а вовсе не лягушки, не так ли, мой друг?

– О да! – воскликнул африканец с дрожью в голосе.

– Кто же это?

– Ягуар.

– Гром и молния!.. Коварный хищник?

– Да, кум.

– Уж лучше повстречать трех разбойников, вышедших на мокрое дело, чем этого кровавого зверя. Говорят, он не менее страшен, чем индийские тигры.

– И африканские львы, кум.

– Тысяча акул!..

– Что случилось?

– Ничего, но я подумал, что если на нас нападет ягуар, то нам не придется в него даже выстрелить.

– Почему?

– Да если до губернатора и его людей донесется стрельба, то они тотчас же заподозрят неладное, и тогда только мы их и видели.

– О! Уж не думаешь ли ты схватиться врукопашную с ягуаром?

– А не пойти ли на него с саблей?

– Любопытно было бы посмотреть, что из этого получится.

– Типун тебе на язык, куманек.

В этот миг где-то совсем рядом раздался еще более страшный рык. Африканец затрепетал.

– Дьявольщина!.. – пробормотал Кармо, начиная беспокоиться. – Дело становится опасным.

Черный Корсар зашевелился под плащом, служившим ему одеялом.

– Ягуар? – спросил он спокойно.

– Да, командир.

– Далеко?

– Нет, к тому же он, кажется, идет в нашу сторону.

– Ни в коем случае не стрелять.

– Но он нас растерзает, капитан.

– Ты так полагаешь, Кармо?.. Посмотрим.

Сбросив с себя плащ, он старательно завернул в него левую руку. Затем вскочил на ноги и обнажил шпагу.

– С какой стороны слышится рев? – спросил он.

– Оттуда, капитан.

– Ну что же, подождем.

– Не разбудить ли нам каталонца и Ван Штиллера?

– Не надо, справимся сами. Помогите и подбросьте сучьев в огонь.

Напрягая слух, можно было различить, как поблизости кто-то урчит и похрустывает сухими листьями: хищник, видимо, учуял присутствие людей и крался тихо.

Замерев возле костра с обнаженной шпагой, Корсар прислушивался к каждому шороху и не спускал глаз с кустов. Кармо и африканец стояли чуть поодаль: один с саблей в руке, другой – с аркебузой, которой предназначалась роль палицы.

Шорох листьев доносился из самой густой части леса, урчание то замирало, то становилось слышнее: ягуар подбирался крайне осторожно.

Внезапно все смолкло. Корсар подался вперед, но ничего не услышал. Подняв голову, он встретился глазами с двумя горящими точками, сверкавшими в густых зарослях.

– Вот он, капитан, – прошептал Кармо.

– Вижу, – ответил спокойно Корсар.

– Сейчас он на вас прыгнет.

– Я этого только и жду.

– Это дьявол, а не человек, – пробормотал флибустьер. – Ему, должно быть, не страшен и сам Вельзевул со всей его хвостатой братией.

Остановившись шагах в тридцати от лагеря флибустьеров – а это очень близко для такого хищника, способного прыгать не хуже, если не лучше любого тигра, – ягуар все еще не решился перейти в наступление. Беспокоил ли его огонь, горевший под деревом, или что-то другое, трудно сказать. Постояв с минуту в зарослях, зверь, не сводивший угрожающего взгляда с противника, внезапно исчез.

Несколько секунд еще слышалось, как колыхались ветки и шуршали листья, затем шум совсем прекратился.

– Ушел, – сказал со вздохом облегчения Кармо. – Пропади ты в брюхе каймана!

– Он, пожалуй, сам сожрет любого каймана, кум, – заметил африканец.

Постояв еще несколько минут на прежнем месте со шпагой в руке и не слыша больше ничего подозрительного, Корсар спокойно вложил оружие в ножны, развернул плащ и, накрывшись им, снова улегся под деревом, предупредив:

– Если вернется, будите.

Кармо и африканец снова подсади к костру и продолжили свое дежурство, прислушиваясь к шорохам и вглядываясь в темноту, не веря, что страшный хищник окончательно отказался от своих кровожадных намерений.

В десять часов они разбудили Ван Штиллера и каталонца и, предупредив их о близости хищника, поспешили расположиться рядом с Корсаром, спавшим так сладко, словно он находился на борту своего «Молниеносного».

Вторая половина дежурства прошла без происшествий, хотя Ван Штиллер и его компаньон не раз слышали, как в чаще леса рычал ягуар.

В полночь, когда на небе появилась луна, уже давно пробудившийся Корсар дал сигнал к отправлению, надеясь нагнать на следующий день своего смертельного врага.

Ночное светило ясно сияло на чистом небе, озаряя бледным светом зеленое море джунглей, но лишь немногим лучам удавалось пробиться сквозь плотные своды гигантских деревьев. И все же кое-что еще можно было различить в густом лесу, и это позволило флибустьерам двигаться довольно быстро, видя препятствия, попадавшие на пути.

Тропка, проложенная эскортом губернатора, вскоре пропала, но это не беспокоило флибустьеров. Они знали, что губернатор двигался на юг, в сторону Гибралтара, куда направлялись и они, ориентируясь по компасу.

Так они шли уже с четверть часа, с трудом пробиваясь сквозь бесконечные кусты, лианы и чудовищные корни, преграждавшие им путь, как вдруг каталонец, шедший впереди отряда, остановился.

– В чем дело? – спросил Корсар, шедший за ним следом.

– Я уже трижды за последнюю минуту слышу какие-то подозрительные звуки.

– Какие звуки?

– Шорох листьев и хруст веток. Как будто за кустами кто-то идет за нами следом.

– Неужели за нами следят? – спросил Корсар.

– Вряд ли. Кому охота бродить в лесу в такое время? – ответил каталонец.

– А может быть, это соглядатаи губернатора?

– Гм... Его люди, должно быть, еще далеко.

– Тогда кто-нибудь из индейцев.

– Возможно, но сомневаюсь. Вот!.. Слыхали?

– Да, – подтвердили флибустьеры и африканец.

– Как будто хрустнула ветка под ногами, – проговорил каталонец.

– Были бы кусты пореже, можно было бы посмотреть, кто в них скрывается, – сказал Корсар, обнажая шпагу.

– Попробуем, сеньор?

– Боюсь, что мы порвем одежду о шипы ансары, но мне нравится твоя храбрость.

– Спасибо, – ответил испанец. – В ваших устах это большая похвала. Но что же нам делать?

– Обнажить шпаги и идти вперед, иначе мы переполошим врагов своими выстрелами.

– Тогда вперед!

Отряд снова тронулся в путь, удвоив осторожность.

Не успели путники войти в узкий проход, образовавшийся между высокими пальмами, увитыми густой сетью лиан, как на испанца, шедшего впереди, внезапно обрушилась какая-то темная масса и придавила его к земле.

Нападение было столь неожиданным, что флибустьеры подумали было, что на несчастного пленника свалилась огромная ветка, однако донесшееся до них глухое рычание мгновенно рассеяло их сомнения.

Падая, каталонец истошно завопил, затем перевернулся на спину, пытаясь освободиться от тяжести, пригвоздившей его к земле и не дававшей ему подняться.

– На помощь! – кричал он. – Спасите! Это ягуар!

Оправившись от изумления, Корсар немедленно бросился на помощь несчастному. Занеся шпагу, он молниеносно вонзил ее в тело зверя; тот, почувствовав боль, бросил каталонца и обратился к новому противнику.

Мгновенно отпрянув назад, Корсар выставил блестящее острие шпаги и поспешно наматал плащ на левую руку.

Поколебавшись мгновение, ягуар яростно бросился на людей. Наткнувшись по пути на Ван Штиллера, он повалил его наземь, затем обратился к Кармо, стоявшему неподалеку, намереваясь опрокинуть его мощным ударом лапы.

По счастью, Корсар не терял времени даром. При виде опасности, грозившей его флибустьерам, он рванулся к зверю, нанес ему несколько ударов шпагой, но тут же отступил, чтобы не угодить зверю в лапы. Рыча, тот пятился, собираясь вновь наброситься на врага, но Корсар не давал ему ни минуты передышки.

Испуганный, а может быть, и тяжело раненный зверь внезапно повернул назад и одним прыжком вскочил на ветку соседнего дерева, откуда через несколько минут донеслось грозное завывание.

– Назад! – крикнул Корсар, опасаясь, что хищник вновь перейдет в наступление.

– Гром и молния!.. – воскликнул Ван Штиллер, тут же вскочивший на ноги без единой царапины на теле. – Не пристрелить ли нам его, чтобы другим неповадно было?

– Нет, не смейте стрелять! – приказал Корсар.

– Еще немного, и я разmozжил бы ему голову, – промолвил чей-то голос за ним.

– Как? Ты еще жив? – удивился Корсар.

– Спасибо моим доспехам из бычьей кожи, сеньор, – ответил каталонец. – Не наденья их под одежду, лежать бы мне сейчас с кишками наружу.

– Осторожно! – предупредил Кармо. – Эта проклятая тварь вот-вот на нас бросится...

Не успел он умолкнуть, как зверь снова прыгнул почти к ногам Корсара, но второй прыжок совершить не успел.

Шпага бесстрашного мореплавателя вонзилась ягуару в грудь, пригвоздила его к земле, а тяжелый приклад аркебузы африканца с силой опустил ему на череп.

– Каков дьявол!.. – воскликнул Кармо, с силой пнув зверя, дабы убедиться, что он наконец мертв. – Из какой породы этот окаянный зверюга?

– Сейчас узнаем, – сказал каталонец, подтаскивая ягуара за хвост поближе к месту, освещенному луной. – Весу-то в нем ничего, а какая смелость, какие когти!.. По прибытии в Гибралтар надо будет поставить свечу Гваделупской Богоматери за наше спасение.

22

Саванна уходит из-под ног

Зверь, столь дерзко напавший на путников, своими очертаниями напоминал африканскую львицу, однако размером он был невелик: метр пятнадцать – метр двадцать в длину и не выше семидесяти сантиметров.

У него была круглая голова сероватого оттенка, вытянутое крепкое тело, хвост длиной в полметра, большие острые когти, густая, но короткая шерсть палевого цвета, более темная на спине и почти белая на животе.

Каталонец и Корсар убедились теперь, что имели дело с одним из тех зверей, которых испанцы называют кугуаром или пумой. Иногда их называют американскими львами.

Эти звери, довольно распространенные и в наши дни как в Южной, так и в Северной Америке, отличаются, несмотря на сравнительно небольшие размеры, исключительной свирепостью.

– Акула меня подери! – воскликнул Кармо. – Маленький зверь, да удаленький: любой лев может призанять у него храбрости.

– Понять не могу, как только он не перегрыз мне горло, – заметил каталонец. – Говорят, они моментально задирают угодивших им в лапы животных.

– Как бы то ни было, а надо идти дальше, – заключил Корсар. – Из-за этого кагуара мы потеряли драгоценное время.

– Мы идем быстро, капитан.

– Знаю, Кармо, но не забудь, что Ван Гульд намного нас опередил. В путь, друзья!

Бросив тело кагуара, флибустьеры двинулись дальше через бесконечные заросли леса, с трудом пробиваясь сквозь сплетения лиан и корней, преграждавших им путь.

Вскоре они вступили в район топей и болот. Здесь даже самые скромные растения разрастались до гигантских размеров. Путникам казалось, что они ступают по какой-то огромной пористой губке, ибо из-под ног при движении сразу же начинала сочиться вода.

Быть может, здесь в лесу таились опасные воронки с засасывающим песчаным дном, получившие название зыбкой саванны, в которых находят смерть любые существа, раз ступившие на предательскую поверхность.

Каталонец, уже бывавший в этих местах, проявлял крайнюю осторожность. Срезав ветку, он то и дело прошупывал ею почву, смотрел вперед, чтобы убедиться, что лес не кончается, и время от времени наносил удары по кустам и корням.

Это объяснялось не только боязнью быть поглощенным трясинной. Он побаивался также и пресмыкающихся, которыми кишат джунгли.

В царивших вокруг потемках легко было наступить на уруту, чей укус ведет к параличу пораженной части тела, или на кораллового аспида, укус которого нередко смертелен.

Внезапно каталонец остановился.

– Опять пума? – спросил Кармо, шедший за ним следом.

– Нет, я просто боюсь идти дальше, пока не взойдет солнце.

– Почему? – спросил Корсар.

– Почва уходит из-под ног, сеньор. Значит, мы недалеко от опасной саванны.

– От зыбкой саванны, быть может?

– Боюсь, что да.

– Но мы же теряем время.

– Через полчаса начнется рассвет, к тому же и у беглецов тоже, наверное, не все идет гладко.

– Что делать! Придется ждать восхода солнца.

Они легли под деревом и с нетерпением стали ждать, когда рассеются густые сумерки.

Только что погруженный в тишину, огромный лес огласился вдруг странными звуками. Тысячи квакш и жаб принялись квакать так, что едва выдерживали ушные перепонки.

До путников доносились лай, заунывное мычание, оглушительный скрип, словно тысяча жерновов неожиданно пришла в движение. Иногда казалось, что в кустах засела не одна сотня простуженных, полощущих себе горло людей или армия плотников, работающих паровыми пилами.

Время от времени с деревьев раздавался пронзительный свист. Это свистели небольшие ящерицы, обладающие, однако, столь мощными легкими, что их свисту позавидовали бы современные поезда.

Звезды начали уже бледнеть, а заря – разгонять сумерки, когда вдали послышался слабый выстрел, который невозможно было принять за кваканье лягушек.

Корсар вскочил на ноги.

– Это выстрел из аркебузы! – сказал он, глядя на каталонца, также приподнявшегося с земли.

– Похоже, – ответил тот.

– Может быть, это они?

– Возможно.

– Значит, они недалеко.

– Слух может вас обмануть, сеньор. В лесу эхо разносится очень далеко.

– Уже светает, и, если вы можете, пойдем дальше, – сказал Черный Корсар.

– Что же, отдохнем потом, – согласился Кармо.

Свет зари уже проникал сквозь гигантские листья деревьев, рассеивая сумерки и пробуждая обитателей джунглей.

Туканы, птицы с огромным клювом, величиной почти с их собственное тело, начали перелетать с дерева на дерево, издавая неприятные звуки, похожие на скрип плохо смазанного колеса; гонораты, спрятавшись в густой листве деревьев, во всю глотку издавали свои баритональные ноты: до-ми-соль-до; кассики щебетали, раскачиваясь на своих странных гнездах в виде сумки, подвешенной к гибким веточкам магнолий или к концу огромных листьев маста, в то время как грациозные колибри, похожие на крылатые драгоценности, перелетали с цветка на цветок, переливаясь на солнце своим зеленым, синим и черным оперением с золотым и медным отливом.

Кое-где, покинув свои ночные убежища, появлялись пары обезьян. Потягиваясь и зевая, они то и дело поглядывали на солнце.

Некоторые из них раскачивались, зацепившись хвостом за ветки, и пронзительно кричали, другие при виде проходивших корчили рожи или швыряли в них плодами или листьями.

Иногда среди пальмовых листьев можно было заметить стаи крошечных обезьян – мико. Эти грациозные создания настолько малы, что свободно проникают даже в узкие щели. В поисках насекомых, составляющих их пищу, они ловко взбирались и опускались по веткам, но, увидев людей, пускались наутек и с верхушек деревьев смотрели на них умными и выразительными глазами.

Чем дальше шли флибустьеры, тем реже росли деревья и кустарники, словно не вынося влажной почвы.

Роскошные пальмы уже исчезли, попадались лишь группы имбаубы – разновидности низкорослых ив, погибающих в дождливый сезон, чтобы снова разрастись в сухое время года, да пузатые ириатреи – причудливые деревья с сильно разросшимися стволами. На высоте двух-трех метров они поддерживаются семью-восемью мощными корнями, а на высоте двадцати пяти метров у них растут огромные зубчатые листья в виде гигантского зеленого зонтика.

Однако вскоре перестали встречаться и эти деревья, уступив место порослям калупы – растения, из плодов которого, если их разрезать на части и оставить немного побродить, добывают освежающий напиток, – да огромным зарослям бамбука, достигающего в высоту пятнадцати-двадцати метров.

Перед тем как вступить в эти заросли, каталонец сказал флибустьерам:

– Прежде чем выйдем из леса, не выпить ли нам по чашечке вкусного молока?

Кармо весело расхохотался:

– Где это ты увидел стадо коров? Не заказать ли нам тогда и по бифштексу?

– С бифштексом придется подождать, а доить мы будем не корову.

– А кого же тогда?

– Молочное дерево.

– Идет, подоим молочное дерево.

Получив от Кармо фляжку, каталонец подошел к толстоствольному, широколистному дереву с гладкой корой, высотой свыше двадцати метров, поддерживаемому мощными корнями, которые, казалось, не найдя себе достаточно места под землей, вылезли наружу, и сильным ударом шпаги сделал глубокий надрез.

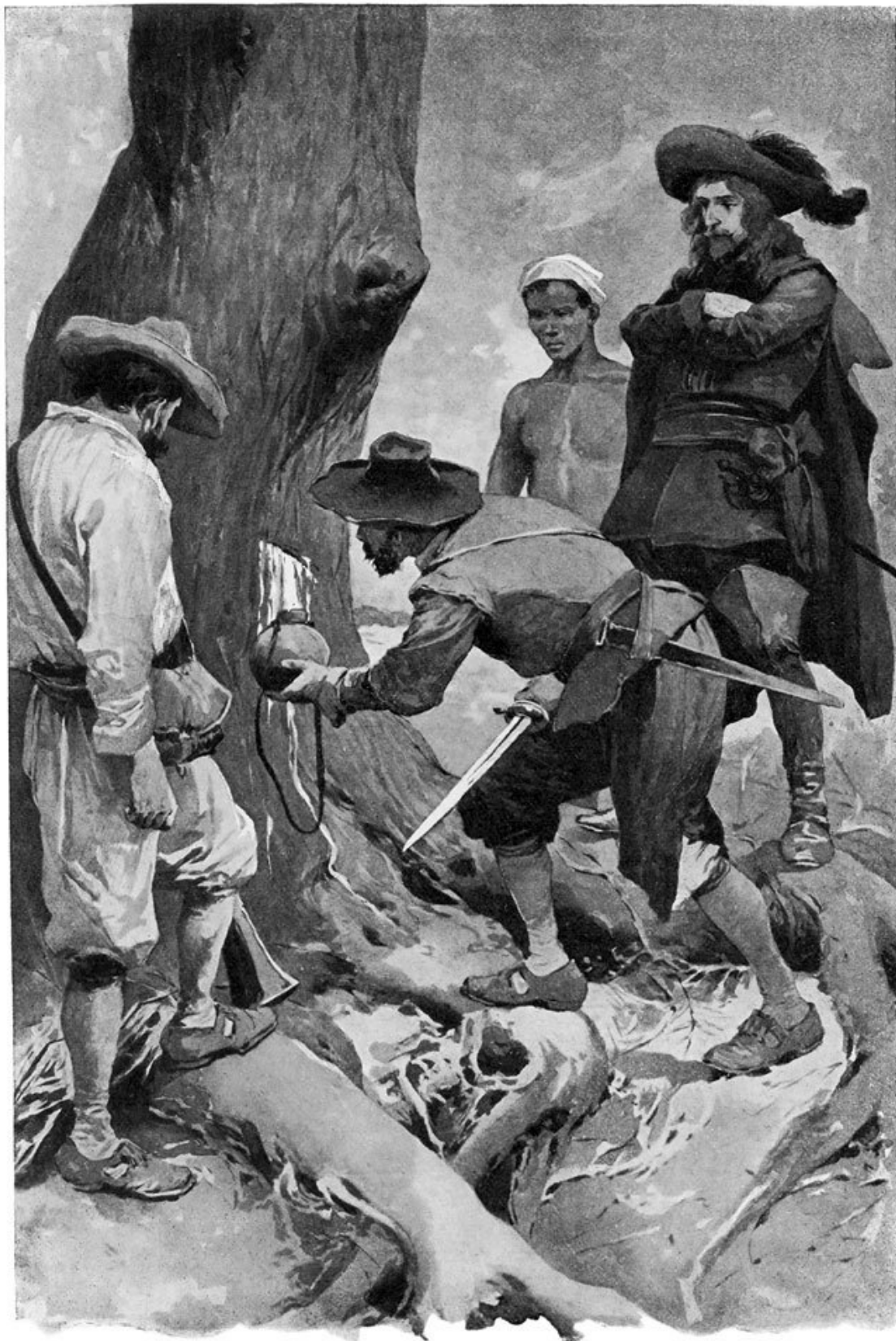
Через минуту из раны выступила густая белая жидкость, не только цветом, но и вкусом похожая на молоко.

Все утолили жажду, высоко оценив этот дар природы, затем немедленно двинулись в путь, войдя в заросли.

Почва становилась все более зыбкой. Вода сочилась под ногами, образуя бесчисленные лужи.

Скопление водяных птиц говорило о близости большого болота и саванны. То и дело попадались стаи куликов и анхинглей – птиц с маленькой головкой, прямым острым клювом и очень длинной и тонкой шеей, за что их называют еще и змеешейкой. Из-под ног путников вырывались маленькие птички, живущие в саванне, величиной чуть поменьше сорок, украшенные темно-зелеными перьями с фиолетовой каемкой.

Испанец замедлил было шаг, боясь, как бы почва не ушла у него из-под ног, как вдруг впереди раздался чей-то протяжный хриплый вой, сопровождаемый всплеском и бульканьем воды.

Через минуту из раны выступила густая белая жидкость, не только цветом, но и вкусом похожая на молоко.

– Вода! – воскликнул он.

– Да, но еще и зверь какой-то, – заметил Кармо. – Разве ты не слышал?

- Это ягуар.
- Неприятная встреча, – пробормотал Кармо.

Остановившись, путники уперлись для опоры ногами в бамбук, кое-где росший на твердой почве, и обнажили сабли и шпаги.

Рык больше не повторился, однако слышалось приглушенное урчание, свидетельствовавшее о том, что зверь был чем-то раздражен.

- Может, он рыбу ловит, – сказал каталонец.
- Рыбу?.. – спросил недоверчиво Кармо.
- Вас это удивляет?
- Насколько мне известно, у ягуаров нет удочек.
- Но зато есть когти и хвост.

– Хвост?.. А на что он годится?

– Не знаю, верно это или нет, но кое-кто утверждает, что он ему служит для приманки рыб.

– Хотел бы я знать, каким образом. Неужели для насадки червей?

– Говорят, что ему достаточно прикоснуться им к поверхности воды и поводить в разные стороны.

– А потом?..

– Сейчас скажу. Колючие райи, они же пирайи или пираньи, полагая, что перед ними легкая добыча, собираются вокруг хвоста, и вот тут-то ягуар настигает их быстрым ударом лапы и выбрасывает на берег, редко упуская любопытную рыбу, осмелившуюся показаться на поверхности.

– Вот он, – сказал африканец, который с высоты своего роста видел окрестности на большом расстоянии.

- Кто? – спросил Корсар.
- Ягуар, – ответил африканец.
- Что он делает?
- Сидит возле воды.
- Один?
- Мне кажется, он за кем-то следит.
- Далеко от нас?

– Метрах в пятидесяти или шестидесяти.

– Пойдем посмотрим, – сказал решительно Корсар.

– Будьте осторожны, сеньор, – посоветовал каталонец.

– Если он не загородит нам путь, мы его не тронем. Тихо, не разговаривайте.

Оставив бамбуковые заросли и прячась под сенью пушечного дерева, они двинулись вперед в полной тишине, с обнаженными саблями и шпагами.

Пройдя метров двадцать, они очутились на краю обширного болота, которое, казалось, тянулось на добрую милю посреди девственного леса.

Это была трясына – илистый водоем, образованный стоками всего леса. Ее почти черные воды из-за гниения множества растительных остатков выделяли тлетворные миазмы, губельные для людей.

Самые разнообразные водяные растения размножались здесь со сказочной быстротой. Тут были и муку-муку с широкими плавающими листьями, и аронник, чьи сердцевидные листья возвышаются на тонком стебельке, и багрянка, растущая у самой воды. Кое-где виднелись также прекрасные экземпляры виктории-регии – самого крупного из водяных растений, чьи листья достигают полутора метров в окружности. Благодаря приподнятым над водой краям она походила на обыкновенную сковородку, не будь у нее длинных и острых шипов – отличного средства защиты.

Посреди этих гигантских листьев выделялись своей белизной и бархатистостью роскошные цветы каких-то необычных водяных растений. Их пурпурные прожилки и розоватый оттенок являли собой красу, подобную которой трудно отыскать на свете.

Не успели флибустьеры бросить беглый взгляд на трясину, как где-то возле них раздалось глухое рычание.

– Ягуар! – воскликнул каталонец.

– Где? – забеспокоились все.

– Вот он, затаился в засаде.

23

Схватка двух врагов

В пятидесяти шагах от путников, среди побегов пушечного дерева, залег могучий зверь, чем-то напоминавший леопарда и не меньший по размерам. Он походил на огромного кота, подстерегающего мышку.

В нем было два метра в длину, значит он являл собой одного из самых крупных представителей этой породы. Почти метровый хвост, короткая и мощная, как у быка, шея, мускулистые лапы с острыми когтями свидетельствовали о незаурядной силе. Покрытая черными пятнами, испещрявшими его бока, гладкая шерсть отличалась необыкновенной красотой.

Флибустьерам потребовалось совсем немного времени, чтобы распознать в нем ягуара, одного из самых крупных хищников обеих Америк, более опасного, чем пумы и даже могучие серые медведи Скалистых гор.

Эти «тигры Америки» встречаются повсеместно от Средней Аргентины до юго-запада Соединенных Штатов. Они так же страшны, как настоящие тигры, и не менее свирепы, сильны и ловки.

Водятся они главным образом во влажных лесах, по берегам болот и гигантских рек, в особенности Рио-де-ла-Плата, Амазонки и Ориноко, предпочитая, как ни странно, держаться поближе к воде.

Эти хищники страшно свирепы. Они без разбора нападают на всех, кто встречается им на пути. От них нет спасения ни обезьянам, за которыми ягуары легко влезают, подобно всем кошкам, на самые высокие деревья, ни крупному рогатому скоту и лошадям, которые хотя и защищаются от них рогами и копытами, но все же скоро сдают, так как кровожадные хищники молниеносно переламывают им хребет. Даже черепахам и тем не удается спастись от них под своим панцирем. Мощные когти ягуара вспарывают броню черепахи, извлекая из нее вкуснейшее мясо.

Ягуары питают глубокую ненависть к собакам, и, хотя собачье мясо не особенно их прельщает, они даже днем врываются в индейские селения, преследуя своих заклятых врагов.

Не щадят ягуары и людей: ежегодно не один десяток несчастных индейцев расплачивается жизнью за свою неосторожность.

Ягуар, затаившийся возле воды, не замечал присутствия флибустьеров и не обнаруживал никаких признаков беспокойства. Не сводя глаз с темной поверхности огромного болота, он, как видно, подкарауливал добычу, прятавшуюся под широкими листьями виктории-регии.

Словно готовясь к прыжку, он напряг свои пружинистые лапы. Его усы слегка топорщились. Это означало, что зверь испытывает нетерпение и гнев, а длинный хвост мягко касался листьев, не производя ни малейшего шума.

– Чего он ждет? – спросил Корсар, который, казалось, забыл о Ван Гульде и его людях.

– Караулит очередную жертву, – ответил каталонец.

– Черепаху?

– Нет, – возразил африканец. – Он бросил вызов достойному себя противнику. Смотрите, кто-то притаился под листьями виктории-регии. Разве вы не видите там чью-то морду?

– А пожалуй, черный кум прав, – заметил Кармо. – Под листьями кто-то шевелится.

– Это кончик носа крокодила, кум, – ответил африканец.

– Они осмеливаются нападать даже на крокодилов? – удивился Корсар.

– Да, сеньор, – сказал каталонец. – Если мы немного помолчим, то увидим жаркую схватку.

– Надеюсь, они не заставят нас долго ждать.

– Оба противника не отличаются большим терпением, и если уж схватятся друг с другом, то дадут работу своим зубам. А, вот крокодил и высунулся!

Листья виктории-регии внезапно дрогнули, и меж ними показались две челюсти, усеянные длинными треугольными зубами.

При виде крокодила ягуар привстал и отступил назад, но не от страха перед внушительной пастью, а с явным намерением выманить противника на поверхность и тем самым лишить его одного из главных преимуществ – подвижности в воде, ибо на суше эти пресмыкающиеся чувствуют себя весьма неловко.

Обманутый этим движением и полагая, быть может, что ягуар испугался, крокодил с силой ударил хвостом по воде, отчего листья виктории-регии оторвались от колючих стеблей, а вокруг побежали волны, выбросил пружинистое тело вперед и, взобравшись передними лапами на берег, широко распахнул зубастую пасть.

Его тело заросло илом и водяными растениями.

Разбрызгав вокруг себя воду, скрывавшую его наполовину, крокодил уперся задними лапами в землю и издал звук, похожий на писк малолетнего ребенка. Видимо, это был вызов врагу.

Ягуар уклонился от встречи, снова отскочил назад и сжался в комок, готовясь к прыжку.

Лесной зверь несколько минут не сводил желтоватых свирепых глаз с болотного владыки, затем, зарывав от нетерпения, выгнул спину и запыхтел, словно рассерженный кот.

Крокодил ничуть не испугался; он решительно полез на берег, размахивая налево и направо могучим хвостом.

Этого только и ждал хитрый зверь. Видя, что его противник весь оказался на берегу, он описал огромную дугу в воздухе и камнем упал ему на спину. Но хотя у ягуара и были твердые, как сталь, когти, он натолкнулся на костяную броню.

Взбешенный неудачей, зверь нанес противнику удар по голове, а потом снова отпрыгнул в сторону, шагов на десять от врага.

Захрипев от ярости и боли, крокодил не мог достойно сопротивляться опасному врагу. Бешено колотя хвостом по илистому дну, отчего в воздух полетели целые комки грязи, он попытался уползти в болото.

Ягуар, не спускавший с него глаз, бросился ему наперерез. Пригнувшись к земле, он ловко раскроил крокодилу бок.

Рана наверняка была смертельной, но у крокодила нашлось еще достаточно сил, чтобы сопротивляться. Резко изогнувшись, он отбросил ягуара в заросли кустарника и кинулся к нему, намереваясь искромсать своими могучими челюстями.

Но ему удалось добраться только до хвоста.

Ягуар яростно взвыл, из чего флибустьеры заключили, что от великолепного хвоста остался лишь жалкий огрызок.

– Бедный зверь! – воскликнул Кармо. – Что он будет делать без хвоста?

– Ничего, сейчас он отыграется, – промолвил каталонец.

И в самом деле, ягуар свирепо набросился на крокодила. Было видно, как он вцепился ему в морду, яростно заработал когтями, рискуя остаться без лап, то и дело попадавших крокодилу прямо в пасть.

Истекая кровью, искалеченный и полуослепший, крокодил все дальше пятился, стараясь забраться в болото. Колотя во все стороны хвостом, он громко щелкал зубами, но так и не смог освободиться от терзавшего его зверя.

Внезапно оба свалились в воду. Несколько минут они барахтались, затем ягуар вылез на берег.

Но в каком виде! С шерсти его струились вода и кровь, вместо хвоста торчал жалкий обрубок, на одну заднюю лапу он припадал, спина была изодрана в клочья.

С трудом выбравшись на берег, он остановился и бросил свирепый взгляд на трясины, затем вошел в заросли пушечного дерева и скрылся из глаз флибустьеров, напоследок издав грозное рычание.

– Однако ему досталось изрядно, – сказал Кармо.

– Да, но крокодилу пришел каюк, и завтра ягуар закусит им в свое удовольствие, – ответил каталонец.

– Дорого же ему обошелся этот завтрак.

– Гм... У этих зверей дубленая шкура: скоро все заживет как на собаке.

– Но хвост-то вряд ли уж отрастет.

– Ему достаточно зубов и когтей.

Они двинулись в обход трясины. Черный Корсар шел впереди.

Флибустьеры ускорили шаг. Болотную топь, заросшую тростником и муку-муку, было легче преодолевать, чем лесные чащи, и путники смогли двигаться быстрее.

Однако им приходилось остерегаться пресмыкающихся, которыми изобиловали окрестности, и в особенности жарарак, легко ускользающих от взгляда благодаря своей окраске, полностью сливающейся с засохшими листьями. Эти змеи, пожалуй, опаснее всех остальных: от их укусов исцелиться нельзя.

К счастью, эти опасные обитатели влажных мест не появлялись. Зато в громадном количестве попадались пернатые, большими стаями кружившие над водяными растениями и кронами пушечного дерева.

Помимо болотных птиц, здесь встречались прекрасные речные болтливые попугаи зеленого и желто-красного цвета, перелетающие с ветки на ветку. Крупные попугаи, схожие с какаду, с синими крыльями и желтой грудкой, с любопытством смотрели на путников. В небе пролетали целые стаи тико-тико – маленьких птичек, похожих на воробьев.

К болоту забредали иногда из леса отдельные группы обезьян. Это были белоголовые саки с длинной шелковистой шерстью черного и серого цвета. Белые бороды делали их похожими на дряхлых стариков.

Самки следовали за самцами, неся на спине детенышей, но при виде флибустьеров спешили убраться восвояси, предоставляя самцам прикрывать отступление.

Заметив, что флибустьеры едва держатся на ногах после почти непрерывного десятичасового перехода, Черный Корсар в полдень приказал разбить бивак, чтобы дать всем заслуженный отдых.

Ван Штиллер и африканец занялись осмотром деревьев, и вскоре им повезло: поблизости от болота они наткнулись на бакабу – красивейшую пальму с цветами карминного цвета, из коры которой при надрезе вытекает сок, похожий на вино. Тут же росла джабутикабейра – дерево высотой в шесть-семь метров с темно-зелеными листьями, дающее глянцевиные ярко-желтые плоды величиной с апельсин, с огромной косточкой и вкусной и нежной мякотью.

Кармо и каталонец отправились на поиски дичи. Заметив, что возле болота попадаются лишь птицы, которых не возьмешь голыми руками, они решили попытать счастья на опушке леса, надеясь изловить пуду – крохотного оленя, или пёкари, родственника диких кабанов.

Наказав товарищам развести огонь, они быстрым шагом отправились в лес, зная, что Корсар, сгоравший от нетерпения как можно скорее нагнать Ван Гульда и его спутников, не позволит им расположиться здесь надолго.

За четверть часа они прочесали густые заросли пушечного дерева и муку-муку, но, ничего не найдя, остановились на опушке леса под сенью причудливых пальм, колючих кактусов, высоких гелинтусов и прекрасных огненных шалфеев, клонившихся под грузом цветов дивного карминного цвета.

Каталонец остановился и напряг слух, стараясь уловить малейший шорох, который навел бы их на след какой-нибудь живности, но под зелеными сводами леса царил полная тишина.

– Боюсь, что нам придется довольствоваться своими запасами, – сказал он, качая головой. – Может быть, мы находимся во владениях ягуара и всякое зверье давно отсюда ноги унесло.

– Хоть бы дикую кошку раздобыть!

– Ну, их тут хватает, особенно крупных!

– Попадись нам ягуар, мы бы его прикончили.

– Кстати, мясо его не так уж плохо, особенно с красной капустой, – заметил каталонец.

– Так за чем же дело стало?

– Чу!.. – воскликнул каталонец, внезапно вытягивая голову. – Я вижу кое-что получше.

– Уж не оленя ли ты заприметил, сердечный друг?..

– Взгляните туда: видите, там кружится большая птица?..

Подняв глаза, Кармо действительно увидел огромную черную птицу, летавшую над деревьями.

– Так вот что за олень вам приглянулся!

– Эта птица называется гуль-гуль. Смотрите-ка, там еще одна, а чуть поодаль – целая стая.

– Поди подстрели их, – сказал насмешливо Кармо. – Какое нам дело до твоих гуль-гулей!

– Я вовсе не собираюсь их убивать, но разве вы не знаете, что они показывают, где пасется отличная дичь?

– Какая же?

– Пекари, похожие на наших кабанов.

– Акула тебя подери!.. Кто бы сейчас отказался от отбивной! Объясни мне, однако, друг сердечный, какое отношение имеют твои гуль-гули к этим животным.

– Эти птицы обладают острейшим зрением и, заметив издалека пекари, слетаются к ним, чтоб полакомиться...

– Его мясом?

– Нет, что вы! Червями и насекомыми, которых эти животные вырывают рылом из почвы в поисках вкусных корешков и луковиц, до которых они охочи.

– Понятно. Итак, последуем за птицами, пока они не исчезли из виду, и будем наготове.

Гм... А если нас услышат испанцы?

– Тогда пусть Корсар остается без ужина.

– Ты говоришь как по писаному, дружище. По мне, так пусть лучше нас услышат, чем шататься по лесу на голодное брюхо.

– Тихо!..

– Что, кабаны?

– Не знаю, но кто-то движется к нам. Слышите, как шуршат листья?

– Слышу.

– Подождем и будем готовы открыть огонь.

24

Злоключения Кармо

Шагах в сорока от обоих охотников, поспешивших спрятаться за ствол толстой симарубы, слышался шелест листвы от чьих-то осторожных шагов.

Время от времени там и сям похрустывали ветки, словно приближавшийся колебался, идти ли ему прямо или нет, и тем не менее он неуклонно приближался к охотникам.

Внезапно Кармо увидал, как из кустов на лужайку вылезло какое-то животное полуметровой длины с темно-бурой шерстью, с белой полосой вдоль спины и довольно пушистым хвостом.

Кармо не знал, к какому виду отнести его и съедобно ли оно, но, видя, что до него не более тридцати шагов, он не удержался и выстрелил.

Зверь упал, но тотчас же вскочил на лапы с быстротой, свидетельствующей о том, что он ранен легко, и молниеносно скрылся в кустах.

– Акула тебя подери! – вскричал флибустьер. – Я, кажется, промазал! Но от меня он не уйдет...

Не слушая каталонца, кричавшего ему вдогонку: «Поберегите свой нос!» – Кармо бросился вслед за раненым животным.

Зверь бежал изо всех сил, стремясь поскорее добраться до норы. Размахивая абордажной саблей, Кармо преследовал его по пятам, надеясь отсечь ему голову.

– Ах ты, разбойник! – кричал он. – Да убеги ты к самому дьяволу, все равно тебе нет спасенья!

Бедный зверь не останавливался, но заметно терял силы. Следы крови, оставленные на траве и листьях, свидетельствовали, что пуля флибустьера попала в цель.

Изнемогая от погони и потери крови, зверь наконец забился под дерево. Полагая, что дело кончено, Кармо бросился к нему, но тут был встречен струей такой отвратительной жидкости, что повалился наземь, задыхаясь от вони.

– Пропади все пропадом! – закричал он. – На что нужна такая падаль! От нее сдохнут океанские акулы!..

Он так расчихался, что не мог больше произнести ни слова.

Каталонец тем временем бросился ему на помощь. Прибежав к месту происшествия, он остановился шагах в десяти и заткнул нос обеими руками.

– Каррамба! – воскликнул он. – Я же просил вас, кабальеро, остаться. Теперь вы будете благоухать целую неделю. К вам невозможно подойти.

– Эй, дружище! – сказал Кармо. – Что со мной происходит? Меня шатает, как от порядочной качки.

– Бегите и проветритесь.

– Боюсь, что я сдохну. Что случилось?

– Двигайтесь, говорят вам. Бегите отсюда: кругом все провоняло!

С трудом поднявшись, Кармо двинулся было к каталонцу, но тот, увидев, что флибустьер направляется к нему, поспешил отскочить на приличное расстояние.

– Тысяча акул! Чего ты боишься? – спросил Кармо. – Заразный я, что ли?

– Нет, кабальеро, но от вас запах перейдет на меня.

– Как же я вернусь в лагерь? Да от меня все сбегут, как от прокаженного.

– Хорошо бы вас прокоптить, – посоветовал каталонец, с трудом удерживаясь от смеха.

– Как селедку?

– Вроде этого, кабальеро.

– Скажи мне все же, что со мной приключилось? Уж не подлая ли это зверюга окатила меня жидкостью, от которой на версту разит гнилым чесноком? От него у меня голова идет кругом.

– Думаю, что да.

– Так, значит, это ее работа?

– Да, кабальеро.

– Как же она называется?

– Скунс. Это разновидность, причем худшая, вонючки; никто, даже собаки, не выдерживает ее запаха.

– Откуда же берется эта проклятая жидкость?

– Из желез под хвостом. На вас она, случайно, не попала?

– Нет, я находился довольно далеко.

– В этом вам повезло. Попади на вас хоть капля этой маслянистой жидкости, пришлось бы вам продолжать путь в костюме Адама.

– От меня и так несет, как от навозной кучи.

– Мы вас прокоптим, я же обещал.

– Черт бы побрал всех скунсов! Ничего хуже не могло приключиться со мной. Каково возвращение с охоты!.. Нас ждут с дичью, а я награжу всех зловонием!

Вместо ответа испанец только посмеивался. Слушая причитания незадачливого охотника, он старался держаться подальше от него, надеясь, что ветер немного развеет отвратительный запах.

Возле лагеря они встретили Ван Штиллера. Полагая, что охотники не смогут дотащить убитую дичь, он вышел им навстречу, но, почуяв зловоние, исходившее от Кармо, бросился наутек, зажимая рукой нос.

– От меня бегут как от зачумленного, – сказал Кармо. – Кончится дело тем, что я с головой окунусь в болото.

– Не валяйте дурака, – сказал каталонец. – Пойдите-ка здесь и подождите моего возвращения, иначе от вас никому не будет спасения.

Кармо послушно остановился и, вздохнув, присел под деревом.

Рассказав Корсару о смешном приключении, каталонец отправился с африканцем в лес и набрал каких-то зеленых трав, по виду похожих на побеги перца. Разложив их в двадцати шагах от Кармо, он поджег их.

– Прокоптитесь хорошенько в дыму, – посоветовал он, смеясь и убегая. – Ждем вас к завтраку.

Смирившись со своей судьбой, Кармо полез туда, где дым был погуще. Он решил не вылезать из груды дымившейся травы, пока не освободится от ужасного запаха, пропитавшего его одежду и тело.

Горевшие травы выделяли столь едкий запах, что глаза несчастного флибустьера стали так слезиться, словно каталонец и в самом деле подсыпал в костер настоящего перца. Все же Кармо стойко переносил запах дыма, подвергаясь копчению, словно селедка.

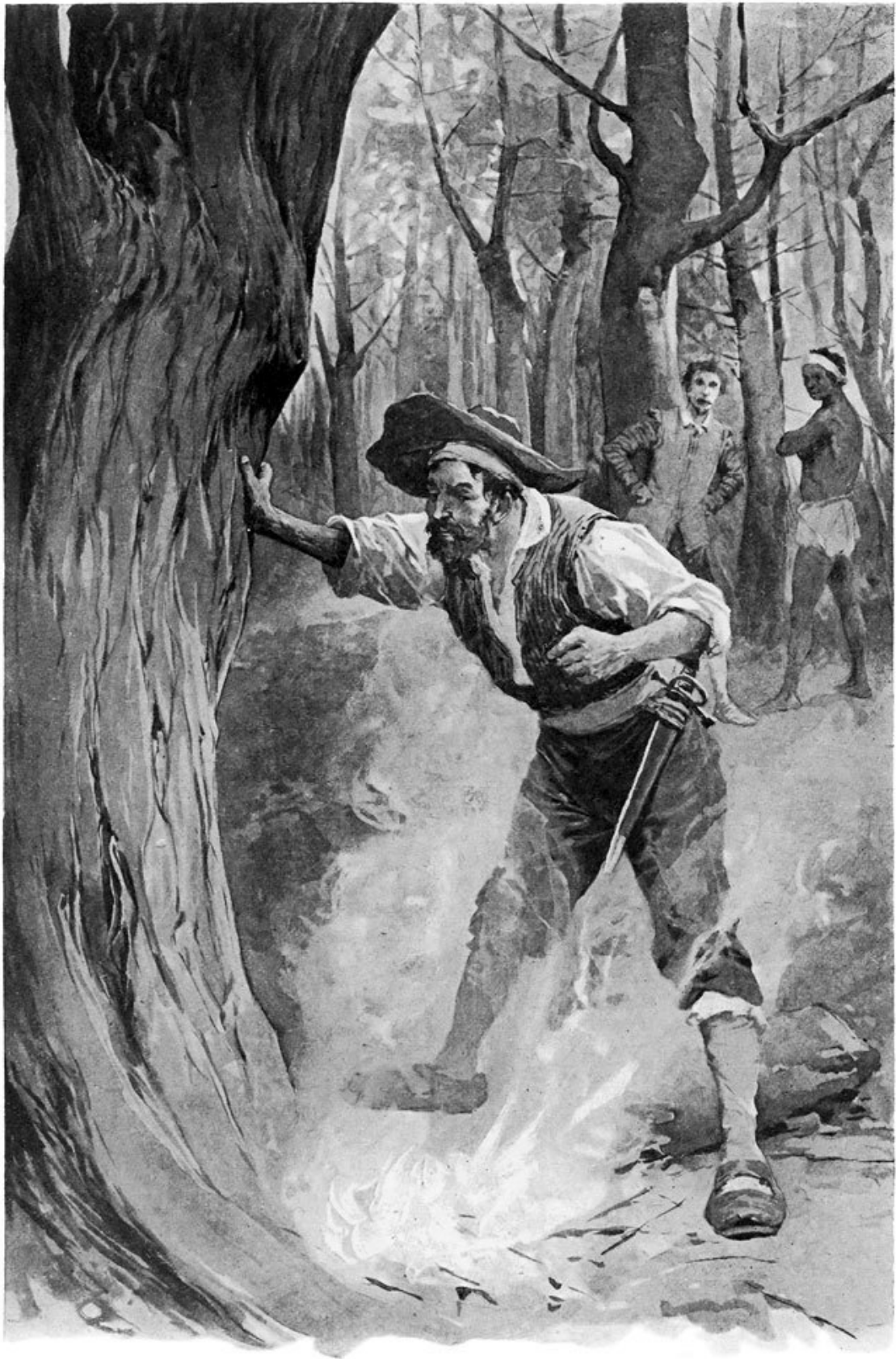
Через полчаса, когда от скверного запаха, которым наградила его вонючка, осталось лишь слабое воспоминание, Кармо решил покончить с неприятной процедурой и направился к лагерю, где его товарищи делили между собой мясо большой черепахи, выловленной в болоте.

– Разрешите, – попросился он к ним. – Надеюсь, я хоть немного очистился дымом.

– Подходи, – позволил Черный Корсар. – Мы сами – люди просмоленные, и нам не привывать к едким запахам. Надеюсь, однако, что в будущем ты будешь держаться подальше от лесных вонючек.

– Акула их подери!.. Если я еще хоть раз встречу этого гада, то удеру от него за тысячу километров, обещаю вам, капитан. Лучше уж иметь дело с ягуарами и пумами.

- Стреляли-то вы, по крайней мере, в лесной чаще?
 - Надеюсь, что выстрел не разнесся далеко, – ответил каталонец.
 - Жаль, если беглецы заподозрят что-нибудь неладное.
 - А мне кажется, капитан, что они знают о погоне.
 - Из чего вы это заключили?
 - Уж больно они быстро от нас уходят. Пора бы нам их догнать.
 - Быть может, Ван Гульд спешит по другим причинам?
 - По каким же, сеньор?
 - Из боязни, например, что Олоне нападет на Гибралтар.
 - Как? Он решится на штурм такой крепости? – спросил с беспокойством каталонец.
 - Кто знает... посмотрим, – ответил уклончиво Корсар.
 - Если это произойдет, то имейте в виду, сеньор, что я ни за что не пойду против своих соотечественников, – сказал взволнованно каталонец. – Солдат не может посягнуть на город, над которым развеивается стяг его родины. Пока речь идет о Ван Гульде, фламандце, я готов вам помогать, а остальное не в моих силах. Лучше уж быть повешенным.
 - Я ценю твою верность родине, – похвалил его Черный Корсар. – Когда мы настигнем Ван Гульда, я отпущу тебя защищать Гибралтар, если хочешь.
 - Спасибо, кабальеро; в таком случае я к вашим услугам.
 - А теперь в путь, иначе нам Ван Гульда не догнать.
- Собрав оружие и остатки провианта, флибустьеры снова двинулись вперед по прогалине вдоль болота.

Смирившись со своей судьбой, Кармо полез туда, где дым был погуще.

Из-за отсутствия тени в мелколесье было очень жарко, но флибустьеры, привыкшие к высоким температурам Мексиканского залива и Карибского моря, не очень страдали от жары.

Они беспрестанно курили. Пот катился с них так обильно, что через несколько шагов из одежды можно было выжимать воду.

К тому же солнце, отражавшееся в стоячей воде, беспощадно слепило глаза, а тлетворные миазмы, дымкой поднимавшиеся над трясинной, не давали путникам дышать.

К счастью, к четырем часам пополудни саванна кончилась. От нее отходила лишь узкая полоса, бутылочным горлом проникавшая в лесную чащу.

Флибустьеры и каталонец, изо всех сил преодолевшие усталость, собрались было войти в лес, как вдруг африканец, шедший последним, увидел что-то красное на поверхности зеленоватого болотца, вклинившегося в саванну.

– Птица? – спросил Кармо.

– А мне сдается, испанский берет, – сказал каталонец. – Видите, на нем даже есть пучок черных перьев.

– Кому понадобилось закинуть его в болото? – изумился Корсар.

– Боюсь, что дело не так просто, сеньор, – промолвил каталонец. – Если я не ошибаюсь, под этой грязью, скорее всего, находится хозяин берета, нечаянно угодивший ногой в трясину.

– Пойдем посмотрим.

Отклонившись в сторону, флибустьеры направились к грязевому кратеру радиусом в триста-четыре метра, казавшемуся продолжением высохшего болота, и увидели, что посреди действительно лежит один из тех пестрых беретов с пером, которые так любят носить испанцы.

Он находился в центре грязевой воронки, а рядом торчали пять небольших колышков, при виде которых все невольно вздрогнули.

– Да ведь это пальцы! – воскликнули разом Кармо и Ван Штиллер.

– Я же вам говорил, кабальеро, что хозяин берета, должно быть, недалеко, – сказал печально каталонец.

– Кто же этот несчастный?.. – спросил Корсар.

– Один из спутников губернатора, – ответил каталонец. – Эту шапочку я видел на голове у Хуана Барреса.

– Значит, здесь проходил Ван Гульд?

– Печальный факт подтверждает это, сеньор.

– Бедняга, наверное, оступился?

– Возможно, сеньор.

– Какой ужасный конец!..

– Хуже не бывает. Провалиться живым в топкую вонючую грязь, должно быть, страшно жутко, сеньор...

– Бог с ними, с мертвецами, подумаем лучше о живых, – сказал Корсар, направляясь к лесу. – По крайней мере, мы теперь знаем, что напали на след беглецов.

Он собирался было поторопить своих спутников, но его остановил необычный протяжный свист, донесшийся из чащи.

– Что бы это значило? – спросил он, оборачиваясь к каталонцу.

– Не знаю, – ответил тот, с беспокойством вглядываясь в заросли гигантских деревьев.

– Не птица ли это кричит?

– В жизни не слышал ничего подобного, сеньор.

– А ты, Моко? – спросил Корсар, обращаясь к африканцу.

– И я в первый раз слышу, капитан.

– Может, это сигнал?

– Боюсь, что да, – ответил каталонец.

– Уж не всполошились ли наши знакомые?..

– Гм... – промолвил испанец, покачивая головой.

- Думаешь, что нет?
- Нет, сеньор. Боюсь, не с индейцами ли мы имеем дело.
- С независимыми или союзниками испанцев? – спросил Корсар, нахмутив брови.
- Скорее всего, с теми, которых науськал на нас губернатор.
- Значит, он знает, что за ним идет погоня?
- Наверное, догадывается.
- Гм... Если это индейцы, то мы постараемся как-нибудь от них отделаться.
- В джунглях они опаснее белых, сеньор. Избежать их засад нелегко.
- Постараемся не попасть им в лапы. Зарядите аркебузы и держите их наготове. Губернатор, видимо, знает, что мы идем за ним по пятам, и поэтому не важно, услышит он выстрелы или нет.
- Итак, дамы и господа, познакомьтесь с индейцами здешних мест, – пошутил Кармо. – Вряд ли они хуже или лучше других.
- Будьте осторожней, кабальеро, – предупредил каталонец. – Индейцы Венесуэлы – храбрые воины.

25

Сюрпризы девственного леса

С тысячью предосторожностей путники углубились в лес. Вокруг высились самые разнообразные пальмы: винная пальма, дерево-канделябр, называемое так из-за причудливо расположенных листьев, кари, или колючая пальма, сквозь заросли которой почти невозможно пробраться, гигантские мириты с веерообразными листьями, идущими на строительство индейских хижин.

Опасаясь засады, флибустьеры шли очень медленно, напрягая слух и вглядываясь в любой куст, за которым могли прятаться индейцы.

Таинственный сигнал больше не повторялся, однако все говорило о том, что здесь недавно побывали люди. Исчезли птицы, а вместе с ними обезьяны, несомненно испуганные нашествием извечных врагов, устраивающих на них грозные облавы, чтобы полакомиться обезьяньим и птичьим мясом.

Повсюду к тому же попадались сломанные ветви, оборванные листья, свежесрубленные лианы, из которых сочились еще капли сока.

Свыше двух часов путники двигались на юг, соблюдая необходимые предосторожности, как вдруг неподалеку от них раздались странные звуки, словно извлекаемые из бамбуковой дудки.

Корсар знаком остановил своих спутников.

– Сигнал?.. – спросил он каталонца.

– Да, сеньор, – ответил тот. – Несомненно.

– Индейцы близко?

– Пожалуй, ближе, чем вы думаете. В здешних зарослях легко устроить засаду.

– Что нам делать?.. Ждать нападения или идти дальше?

– Если мы остановимся, они решат, что мы боимся. Пойдемте, сеньор, а в случае нападения отбивайтесь изо всех сил.

Звуки дудки раздавались все громче. Казалось, они доносились из колючих зарослей кари, представляющих неодолимое препятствие для путников.

– Ван Штиллер, – приказал Корсар, – заставь-ка замолчать этого игруна.

Моряк, немало лет проведенный среди буканьеров, славился своей меткой стрельбой. Он вскинул аркебузу и стал высматривать игравшего на дуде индейца, надеясь, что того выдаст неосторожное движение. Так и не заметив ничего подозрительного, он выстрелил.

В чаще кто-то вскрикнул, но тут же громко расхохотался.

– Черт побери!.. – воскликнул Кармо. – Какая неудача!

– Гром и молния!.. – сердито закричал Ван Штиллер, – Попадись он на мушку, вряд ли ему пришлось бы смеяться.

– Плохо, – заметил Корсар, – теперь они знают, что у нас есть оружие, и будут осторожнее. Вперед, морские волки!..

Заросли становились все темнее и гуще. Перед глазами флибустьеров предстал лес в своем первозданном виде: деревья, гигантские листья, лианы, чудовищные корни – все сплелось в единый хаос, в котором трудно было разобраться без света солнца, едва проникавшего в чашу сквозь своды, образуемые густыми ветвями деревьев.

Под сенью лесных великанов было так жарко и душно, как бывает не во всякой теплице. Пот катил градом с отважных путешественников, решившихся пробиться через бескрайние джунгли.

Не спуская пальцев с курков, напрягая слух и зрение, каталонец, моряки, Корсар и африканец осторожно двигались вперед, следуя друг за другом.

Таинственные заросли деревьев и кустарников, огромные листья, переплетенные корни и вьющиеся лианы казались им настолько подозрительными, что они готовы были стрелять на каждом шагу.

Однако назойливые звуки дудки больше не повторялись, и в девственном лесу воцарилась глубокая и жуткая тишина. Ни Корсар, ни его спутники, однако, не сомневались, что опасность внезапного нападения по-прежнему велика. Все инстинктивно чувствовали, что враги, тщательно скрывавшие свое присутствие, должны быть где-то недалеко.

Едва флибустьеры вошли в один из самых темных закоулков зеленого лабиринта, как каталонец быстро пригнулся и мгновенно отскочил за дерево.

Пущенная кем-то стрела с легким свистом рассекла листву и вонзилась в сук на высоте человеческого роста.

– Стрела!.. – крикнул каталонец. – Будьте осторожны!

Кармо, шедший за ним следом, разрядил свой мушкет.

Не успел стихнуть выстрел, как из густых зарослей донесся чей-то истошный, мучительный крик.

– Тысяча акул! – воскликнул Кармо. – Кажется, попал!

– Осторожно! – завопил в этот миг каталонец.

Четыре или пять метровых стрел со свистом пронеслись над флибустьерами, успевшими вовремя пригнуться.

– Смотрите, они в зарослях! – крикнул Кармо.

Ван Штиллер, африканец и каталонец одновременно выстрелили, однако за этим залпом не последовало ни звука. До путников донесся треск ломаемых веток и шорох сухих листьев; затем всякий шум прекратился.

– Надеюсь, они сыты по горло, – сказал Ван Штиллер.

– Тихо, прячьтесь за дерево, – посоветовал ему каталонец.

– Боишься нового нападения? – спросил его Корсар.

– Мне слышалось, что где-то справа шуршат листья.

– Ого, так это настоящая засада?

– Боюсь, что да, сеньор.

– Если Ван Гульд полагает, что индейцы могут нас задержать надолго, то он глубоко ошибается. Мы пойдем вперед, несмотря ни на что.

– Не выходите из-за дерева, сеньор. Их стрелы могут быть отравлены.

– В самом деле?..

– Да, они мажут их ядом, подобно своим сородичам с Ориноко и Амазонки.

– Но не оставаться же здесь бесконечно.

– Верно, но какой смысл подставлять себя под стрелы.

– Хозяин, – предложил африканец, – позвольте мне обыскать заросли.

– Нет, я не могу тебя посылать на верную смерть.

– Тихо, капитан, – промолвил Кармо. – Слышите?

Из чащи слышались заунывные и монотонные звуки, извлекаемые, видимо, из той же дудки, которые разнеслись по всему лесу.

– Что бы это означало? – спросил Корсар, начиная терять терпение. – Отбой или наступление?

– Командир, – вмешался Кармо, – позвольте мне дать один совет.

– Говори.

– Не поджечь ли нам лес, чтобы выкурить оттуда индейцев?

– И самим сгореть заодно. Огонь-то кто будет тушить?

– А не броситься ли нам вперед направо? – предложил Ван Штиллер. – Одни будут стрелять направо, другие – налево.

– Пожалуй, это неплохая мысль, – поддержал его Корсар. – Умирать, так с музыкой! Вперед, ребята! Открыть бортовой огонь. За мной!

Выскочив вперед, Корсар выхватил шпагу и, держа в другой руке пистолет, увлек за собой флибустьеров, каталонца и африканца, бросившихся вслед за ним.

Покинув свои убежища, Кармо и Моко открыли беглый огонь, и вскоре их примеру последовали каталонец и Ван Штиллер. Перезарядив оружие, они вновь подняли адский грохот, не щадя боевых припасов.

Корсар тем временем рубил кусты и лианы, мешавшие проходу. Однако и он держал наготове пистолеты, собираясь разрядить их при первой же необходимости.

Ужасный грохот, поднятый флибустьерами, казалось, произвел должное впечатление на таинственных врагов: никто из них не подавал признаков жизни. Правда, несколько стрел пролетело над головами флибустьеров, но они не причинили вреда.

Беглецы считали себя уже в безопасности, как вдруг огромное дерево с треском рухнуло перед ними, преградив им дальнейший путь.

– Гром и молния! – вскричал Ван Штиллер, который чуть было не угодил под дерево. – Упади оно полсекундой позже, от нас мокрое место осталось бы.

Едва он умолк, как вокруг раздались яростные крики, а несколько стрел угрожающе прожужжали в воздухе и глубоко вонзились в деревья.

Корсар и его спутники мгновенно бросились на землю, укрывшись за упавшим деревом, которое в какой-то мере могло служить им защитой.

– Надеюсь, на сей раз они объявятся, – сказал Кармо. – До сих пор мы еще не имели удовольствия познакомиться с ними.

– Держитесь подальше друг от друга, – посоветовал Корсар. – Если они увидят, что мы собрались вместе, они засыпят нас стрелами.

Прячась за огромное дерево, флибустьеры стали расплзаться в стороны, чтобы не подставлять себя под стрелы индейцев, как вдруг где-то рядом раздался звук, издаваемый несколькими дудками.

– Они приближаются, – сказал Ван Штиллер.

– Будьте готовы ответить им залпом! – приказал Корсар.

– Стойте, стойте, сеньор! – закричал вдруг каталонец, давно уже внимательно прислушивавшийся к унылым звукам туземных инструментов. – Это не сигнал к наступлению.

– А что же это такое? – спросил Корсар.

– Подождите, сеньор... – Он приподнялся и заглянул за поваленное дерево. – Парламентер! – воскликнул он. – Каррамба!.. Сам пъяйа идет к нам.

– Пъяйа?..

– Колдун, сеньор, – пояснил каталонец.

Флибустьеры вскочили на ноги, но оружие держали наготове, не слишком доверяя индейцам.

Выйдя из зарослей, низкорослый, как его соотечественники из Венесуэлы, индеец двинулся к путникам в сопровождении двух спутников с дудками.

Это был широкоплечий пожилой индеец. Его желтовато-красная кожа выглядела темнее обычного, возможно из-за рыбьего жира или кокосового масла, которым туземцы натирают себя, чтобы предохранить тело от укусов назойливых комаров.

Его круглое открытое лицо с выражением скорее печальным, чем жестоким, было безбородым, ибо индейцы обычно выщипывают волосы на лице. С головы же, напротив, ниспадала пышная шевелюра с темно-синим отливом.

Помимо голубой набедренной повязки, на нем был целый ворох побрякушек: ожерелье из раковин, кольца из отшлифованных рыбьих позвонков, костяные браслеты, когти и зубы ягуаров, клювы туканов, куски горного хрусталя и браслеты из чистого золота. На голове воз-

вышлась диадема из перьев ары и других птиц, а через специальные дырки в нос был вставлен рыбий хребет длиной в три-четыре дюйма.

Два других индейца были также в набедренных повязках, но без пышных украшений, как их предводитель. Вместо длинных луков из железного дерева они несли пучки стрел с костяными или кремневыми наконечниками, а также б́уту – метровую палицу с острыми шинами, усеянную пестрыми квадратиками.

Остановившись в пятидесяти метрах от дерева, колдун сделал знак сопровождающим прекратить музыку и крикнул глухим голосом на плохом испанском языке:

– Слушайте меня, белые люди!..

– Белые люди слушают тебя, – ответил каталонец.

– Вы находитесь во владениях араваков. Кто дал вам право посягать на наши леса?

– У нас нет желания посягать на ваши леса, араваки, – ответил каталонец. – Мы просто хотим пройти через них, чтобы добраться до поселений белого человека на юге залива Маракайбо, и вовсе не собираемся воевать с краснокожими братьями, которых считаем своими друзьями.

– Араваки не верят в дружбу белых: наши братья на берегу залива дорого за нее заплатили. Эти леса наши. Возвращайтесь к себе домой, или мы вас прогоним силой.

– Черт возьми! – воскликнул Кармо. – Дело плохо.

– Мы не из тех белых, которые завоевали побережье и обратили в рабство карибов. Ваши враги – наши враги, и мы хотим настичь тех из них, которые убегают от нас! – крикнул Корсар.

– Ты самый главный? – спросил колдун.

– Да, я старший среди моих друзей.

– И ты преследуешь других белых?

– Да, чтобы их наказать. Они здесь проходили?

– Да, мы их видели, но они далеко не уйдут.

– Тогда я помогу тебе их схватить.

– Значит, ты их ненавидишь? – спросил колдун.

– Они мои враги.

– Все равно: убейте их на берегу, если хотите, но не лезьте во владения араваков. Белые люди, убирайтесь домой, или мы объявим вам войну.

– Я сказал, что мы не питаем вражды к краснокожим. Мы не тронем твое племя, ваши хижины и посева.

– Белые люди, уходите домой, – упорно повторял колдун.

– Послушай меня недолго!

– Я сказал: уходите домой, или мы объявим вам войну, и не миновать вам смерти.

– Смотри же! Мы прорвемся сквозь лес и без разрешения.

– Мы вам не позволим.

– Но у нас есть оружие, изрыгающее гром и молнии.

– А у нас – стрелы.

– У нас есть шпаги и сабли, которыми рубят людей на куски.

– А у нас – палицы, от которых трескаются самые крепкие черепа.

– Быть может, вы союзники белых, за которыми мы гонимся? – спросил Корсар.

– Нет, мы покончим и с ними.

– Так, значит, война?..

– Да, если вы не уйдете обратно.

– Морские волки!.. – воскликнул Корсар, выскакивая из-за дерева со шпагой в руке. – Докажем им, что мы ничего не боимся! За мной!

Видя, что белые люди двинулись на него с оружием, колдун поспешил убраться. Сопровождаемый музыкантами, он быстро юркнул в кусты.

Черный Корсар велел не стрелять ему в спину, чтобы не давать предлога для возобновления военных действий, а сам бесстрашно двинулся вперед, готовый отразить нападение араваков.

Перед флибустьерами снова был герой Тортуги, не раз доказывавший свою отчаянную храбрость.

Со шпагой и пистолетом в руках, он смело повел вперед маленький отряд, врубаясь в девственный лес и готовясь отразить любое нападение.

Вскоре стрелы стали посвистывать над флибустьерами. Ван Штиллер и Кармо немедленно ответили беспорядочной стрельбой, ибо индейцы так и не показались, несмотря на угрозу колдуна.

Постреливая каждую минуту налево и направо, маленький отряд, до которого изредка долетали отдельные стрелы, успешно преодолел лесную чащу и вскоре вышел на небольшую поляну, в середине которой виднелось озерко, образованное маленькими ручейками.

Поскольку время близилось к вечеру, а индейцы со своими стрелами куда-то исчезли, Черный Корсар приказал разбить лагерь.

– Если им вздумается на нас напасть, – сказал он товарищам, – то лучше встретить их здесь. Поляна достаточно велика, чтобы заметить их появление.

– Лучшего места нам не найти, – заметил каталонец. – Индейцы опасны в зарослях и редко нападают на открытом месте. К тому же я так устрою лагерь, что они не посмеют к нему приблизиться.

– Уж не собираешься ли ты выкопать траншею? – поинтересовался Кармо. – Это слишком долгое дело, дружище.

– Достаточно опоясать лагерь кострами.

– Через костер они перепрыгнут. Это ведь не ягуары, которым достаточно простой головешки.

– А это для чего, по-твоему? – сказал каталонец, извлекая из кармана пригоршню круглых ягод.

– Это что за фрукт?

– Это перец, да еще самый злой. Во время похода я набил им полные карманы.

– Он хорош к мясу, да и то слишком горек.

– А от индейцев он в самый раз.

– Каким же это образом?

– Мы подкинем его в огонь.

– Думаешь, они испугаются его треска?

– Нет, но говорят, он так разъедает глаза, что любой, кому вздумается прыгнуть через костер, несколько часов будет как в потемках.

– Тысяча акул! Да ты перехитришь самого дьявола!

– Говорят, что карибы так обороняются от врагов. Посмотрим, подействует ли это средство, если аравакам вздумается на нас напасть. А теперь давайте наберем валежника и будем спокойно их ждать.

26

Засада араваков

Наскоро закусив сухарями и остатками черепахи, флибустьеры прочесали кусты по соседству и, убедившись, что в них не засели индейцы, стали готовиться к ночлегу. Они постукали по траве палками, чтобы прогнать змей, и разожгли костры, бросив в них побольше перца – отличного средства не только от комаров, но и от врагов и диких зверей.

Не надеясь, что им дадут спокойно поспать, они решили выставить в дозор двух моряков и африканца, их должны были сменить Корсар и каталонец.

Последние, перезарядив для большей надежности аркебузы, поспешили улечься спать, а Кармо и его товарищи расположились вокруг, за кострами, с оружием на коленях.

Огромный лес снова умолк, но его тишина казалась обманчивой. Люди, стоявшие на страже, по опыту знали, что индейцы, опасаясь огнестрельного оружия, предпочитают нападать ночью. К тому же в темноте легче подойти ближе к врагу, особенно в джунглях.

Кармо был бы рад услышать урчание ягуаров или рев пум. Присутствие этих хищников, по крайней мере, говорило бы об отсутствии краснокожих.

Не сводя глаз с окрестных кустов и время от времени подкидывая в огонь пригоршни перца, они провели так часа два, как вдруг африканец, обладавший острейшим слухом, услышал, как кто-то тихонько раздвигает ветки.

– Слышишь, белый кум?.. – прошептал он, наклоняясь к Кармо, раскуривавшему с завидным спокойствием окурок сигары, обнаруженный им в одном из своих карманов.

– Хоть убей, ничего не слышу, дорогой кум, – пошутил флибустьер. – С вечера умолкли и лягушки, которые лают не хуже собак, и жабы, бубнящие, словно из бочки.

– Твой кум слышал, как кто-то раздвигал ветки.

– Значит, белый кум глух как тетерев.

– Тихо!.. Слышишь?.. Хрустнула ветка.

– Ничего не слышу, но раз ты говоришь, значит кто-то сюда лезет.

– Верно, кум.

– Кто бы это мог быть?.. У черного кума глаза, случайно, не кошачьи, не видят ли они в темноте? Тогда бы мы горя не знали.

– Видеть не вижу, но чувствую, что к нам кто-то подбирается.

– У меня аркебуза наготове. Молчи, послушаем.

– Ляг на землю, белый кум, или нас подстрелят из лука.

– Спасибо за совет. Вот уж нет охоты получить отраву в брюхо.

Растянувшись на траве, они знаком велели Ван Штиллеру, караулившему с противоположной стороны, последовать их примеру и затаились с оружием в руках.

Один или несколько человек осторожно крались к лагерю. В зарослях, шагах в пятидесяти от флибустьеров, время от времени колебались листья и слышался хруст веток.

Ясно было, что враги старались незаметно подобраться к лагерю и пустить в ход стрелы.

Африканец и флибустьеры, почти целиком скрытые травой, не двигались, ожидая появления индейцев, чтобы открыть огонь. Внезапно Кармо подскочил, словно озаренный блестящей идеей.

– Кум, – спросил он, – как ты думаешь, они еще далеко?

– Индейцы?

– Да, отвечай поскорее!

– Они еще в зарослях, но если будут двигаться так же, то через минуту будут на опушке.

– Этого вполне достаточно. Ван Штиллер, кинь-ка мне твою куртку и берет.

Тот поспешил выполнить его просьбу, справедливо полагая, что раз уж Кармо просит у него одежду, то в этом есть настоятельная необходимость.

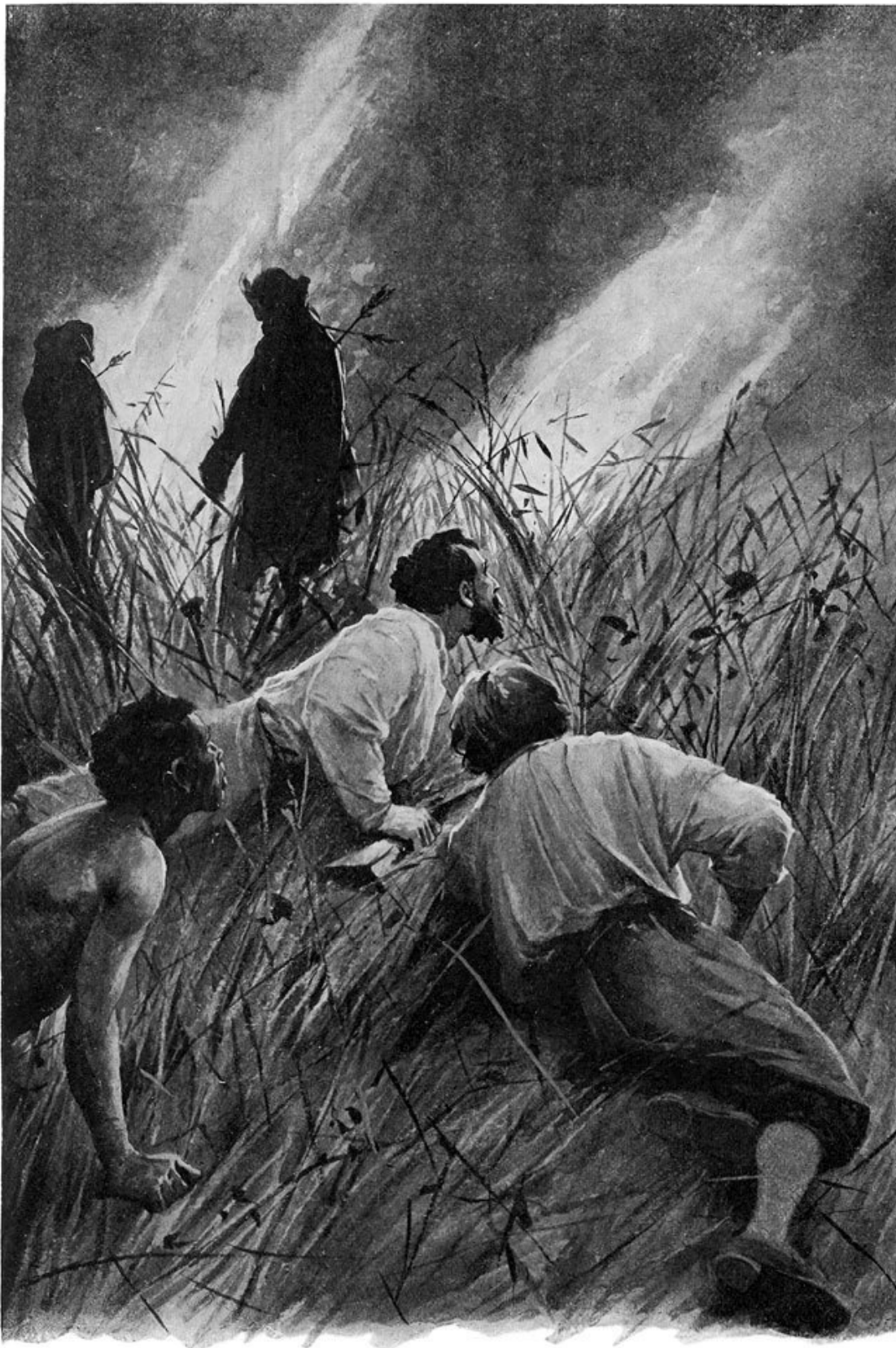
Флибустьер тоже снял с себя куртку. Набрав побольше веток, он кое-как связал два куля, напялил на них куртки, а сверху приладил береты.

– Готовое дело, – сказал он, растягиваясь рядом с африканцем.

– А куманек хитер, – промолвил, смеясь, африканец.

– Без этих чучел индейцы того и гляди угодили бы в Корсара или каталонца. А так оба могут спать под надежной защитой.

– Тихо, кум, идут...

В воздухе просвистели стрелы, и три или четыре из них вонзились в чучела.

– Я готов. Эй, Ван Штиллер, подкинь-ка еще горстку перца.

Тот собирался было привстать, но вынужден был снова пригнуться. В воздухе просвистели стрелы, и три или четыре из них вонзились в чучела.

– Напрасно стараетесь, голубчики. Зря только яд переводите, – пробормотал Кармо. – Высуньтесь-ка хоть на минуту, чтобы можно было вам всыпать.

Видя, что никто не подает признаков жизни, индейцы выпустили в чучела еще семь или восемь стрел, затем один из них, видимо самый храбрый, выскочил из кустов, размахивая своей грозной палицей. Подняв аркебузу, Кармо взял его на мушку. Он собирался было выстрелить, как вдруг где-то в лесу, на расстоянии нескольких миль, послышались четыре выстрела, а вслед за ними душераздирающие вопли.

Индеец мигом бросился в кусты, прежде чем Кармо успел снова прицелиться.

Корсар и каталонец, внезапно разбуженные выстрелами и криками, поспешно вскочили на ноги, полагая, что на лагерь напали индейцы.

– Где они? – спросил Корсар, порываясь вперед со шпагой в руке.

– Кто, сеньор? – изумился Кармо.

– Индейцы.

– Исчезли, капитан, так и не попробовав моего угощения.

– А выстрелы и крики?.. Слышишь?.. Снова стреляют!

– В лесу идет сражение, – сказал каталонец. – Индейцы напали на белых, сеньор.

– На губернатора и его свиту?

– Видимо, так.

– Жаль, если его убьют они, а не я.

– Мне тоже: не возвращать же свой долг покойнику, но...

– Тихо!..

Вдали прогремело еще два выстрела, затем до путников донеслись дикие крики, на этот раз, пожалуй, целого племени индейцев, потом еще один выстрел, и наконец все стихло.

– Баталия окончена, – сказал каталонец, беспокойно напрягший слух. – На губернатора мне наплевать, но остальные ведь мои соотечественники...

– Ты, я вижу, хотел бы узнать, что с ними стало, не так ли? – спросил Корсар.

– Да, капитан.

– А я не прочь посмотреть, остался ли в живых мой смертельный враг, – заметил мрачно флибустьер. – Не мог бы ты нас туда отвести?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.